

Секция XIV.

Сопоставительные аспекты изучения русского языка

Идиоэтническая специфика русских экспрессивных производных существительных и способы их перевода на английский язык

Т. Н. Александрова

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

*Экспрессивное словопроизводство, идиоэтническое и универсальное, эмоционально-оценочное содержание,
прагматическая информация, способы перевода*

Summary. In the report we regard linguistic- and culture-specific features of Russian expressive derivatives and analyze some possible ways of interpreting pragmatic information they contain into the English language.

Эмоциональность является одной из важных семантических характеристик, образующих смысловую универсум русского языка. Его типологическая особенность – продуктивное экспрессивное словопроизводство. Объем прагматической информации, заключенной в русском экспрессивном производном слове, представляет широкий спектр культуро-специфичных смыслов, которые отражают важную черту русской народной философии – жалость, смирение, ласковое отношение к тому, что есть *хорошо* и категоричность, неприимимость, негодование в отношении к тому, что есть *плохо*.

В докладе рассматривается идиоэтническая специфика русских экспрессивных слов и способы их перевода на английский язык.

Языковой материал получен методом сплошной выборки из русскоязычных произведений В. В. Набокова, переведенных на английский язык самим писателем и его сыном Д. В. Набоковым, а также произведений И. С. Тургенева и М. Ю. Лермонтова, переведенных на английский язык.

Основной функцией экспрессивного слова является выражение эмоционального отношения говорящего к предмету речи и его оценка. С помощью русского экспрессивного производного слова может быть выражен целый спектр человеческих эмоций, как положительных – одобрение (ср.: *рукодельница, поспешиха*), ласка (ср.: *золотца, ягодка, голубушка, солнышко, дружок, душечка*), удовольствие (ср.: *вкуснятина*), восторг (ср.: *красотище*), так и отрицательных – осуждение (ср.: *стишки*), порицание (ср.: *человечка*), пренебрежение (ср.: *неженка*), негодование (ср.: *гримаска*), насмешка (ср.: *истинка*).

Для передачи перечисленных эмоциональных состояний в русском языке используется широкий спектр продуктивных деривационных моделей. В разряд экспрессивных производных попадают существительные, образованные по суффиксальным моделям на *-чик* (ср.: *типчик, хозяйчик*), на *-ец* (ср.: *братец, морозец, народец, рассказец*), на *-ка / -очка* (ср.: *шубка, горка, сиротка*), *-ишк(а)* (ср.: *плутишка, братишка, шалунишка, мыслишка, письмишко, хвостышко*), *-ушк(а)* (ср.: *сторонюшка, зимушка, долюшка*) и др. Всего, по данным Грамматики русского языка, можно выделить 15 продуктивных моделей образования экспрессивных производных существительных.

«Репертуар» эмоциональных оценок, реализуемых русскими экспрессивными производными сильно зависит от контекста, как более узкого, то есть непосредственного окружения употребленной в речи экспрессивной единицы, так и более широкого, то есть того информационного «шлейфа», который закреплен в сознании носителей языка за экспрессивной единицей и актуализируется в коллективном дискурсе. В связи с этим различают микроконтекст и макроконтекст. Примером микроконтекста может служить следующий отрывок, в котором отрицательная оценка реализуется в результате сочетания экспрессивного существительного с прилагательным негативной оценочной семантики, ср.: ... *цеголяя самыми дешевыми французскими словечками*.

Для иллюстрации влияния макроконтекста на реализацию эмоционального содержания экспрессивного производного

можно привести в пример следующий отрывок: *Из Каура уезжал в Берлин старичок журналист Грушевский*. Встреча главного героя со *старичком журналистом* происходит вдали от родины, где любой соотечественник становится родным, близким. Именно это содержание передает русское производное *старичок*.

Анализ исследуемого материала показывает, что эмоционально-оценочное содержание экспрессивных производных слов не всегда компенсируется в переводах на английский язык (62% от общего объема исследованного материала).

Наиболее «популярным» формальным средством передачи прагматической информации русских экспрессивных производных является употребление атрибутивных сочетаний, в которых в качестве маркера экспрессивности используется полудесемантизированное прилагательное, ср.: *кулачок – tiny fist, идейка – little plan* и др. (22% от общего объема исследуемого материала).

Другим формальным способом передачи прагматической информации русских производных является употребление английских производных с эквивалентной словообразовательной структурой, ср.: *облачка – cloudlets*. Однако этот способ перевода низкочастотен и составляет всего 5% от общего объема исследуемого материала.

Смысловые лакуны компенсируются, как правило, употреблением существительных с имплицитной оценочностью, которые несут в себе определенный эмоциональный заряд, аналогичный эмоциональному содержанию русского экспрессивного слова, ср.: *неженка – mollycoddle* (9,3%).

Редко для заполнения смысловых лакун при переводе используются добавления в контекст информации, способной вызвать у носителей английского языка определенную эмоциональную реакцию. Ср.: ...и *граммофон, и войны, и всякие «песенки»*. Экспрессивное производное *песенки* в данном отрывке наполнено эмоциональным зарядом радости, веселья и задора. Для передачи этого эмоционального содержания переводчик добавил в контекст слово *tzigane*, которое вызывает ассоциации, связанные с чем-то веселым, шумным, задорным, ср.: ...*the gramophone, the war, and the various so-called tzigane songs*. Этот способ перевода встречается достаточно редко – 2% от общего объема исследуемого материала.

Проведенное исследование позволило получить новую информацию о механизмах передачи культуроспецифичных смыслов при переводе. Перекодировка прагматической информации, выраженной экспрессивным производным существительным, с русского языка на английский затруднена в силу ряда причин. Во-первых, в английском языке экспрессивная деривация развита меньше, чем в русском. В этой связи возникает вопрос о поиске адекватных формальных средств компенсации деривационных лакун. Вторая сложность возникает в следствие контекстуальной варьируемости прагматической информации, актуализируемой в русском производном слове. В этой связи возникает вопрос о поиске адекватной информации, релевантной для носителей английского языка, способной заполнить возникающие смысловые лакуны.

К типологии отрицания в русском, лезгинском и английском языках

Ф. Ш. Алигусейнова

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Kerimk@mail.ru

Языки одного, одного или двух, двух отрицаний

Summary. Languages are typologized according to the combination of grammatical means of expressing negation. According to this principal lezgian language is closer to the type of languages where there are one or two negations. That's why mononegative English differs not only from lezgian but from the cognate Russian as well.

Отрицание выражается различными средствами как в разных языках, так и в одном отдельном языке: отрицательными словами и частицами (рус. *не, ни*, лезг. *ваъ 'нет', туш 'не есть, не является кем-чем-либо'*, англ. *not, no* и др.), синтетическими или аналитическими формами глагола (лезг. *кIелзава 'читает, учится', кIелзавач 'не читает, не учится'*; англ. *I don't want 'Я не хочу'*), может входить в само значение слова, т. е. быть внутрисклексемным (англ. *fail 'не преуспеть'*, лезг. *къадагъа авун 'запрещать' = ихтияр тагун 'не давать разрешения'*), быть подразумеваемым значением предложения, выражаемым при помощи интонации, порядка слов и др. (рус. *Много ты понимаешь = Ты этого не понимаешь*; лезг. *Низ герек я куь зегьметар?! 'Кому нужен ваш труд?!' = Куь зегьметар садазни герек туш 'Ваш труд никому не нужен'*).

Грамматическим считается такое отрицание, которое выражается отрицательной формой глагола или отрицательным словом в составе предложения. То есть, грамматическое отрицательное предложение создается при помощи отрицательной формы глагола и / или отрицательного слова. Отрицательные формы глагола также могут создаваться различно: при помощи отрицательных частиц типа рус. *не*, англ. *not* или при помощи аффиксов типа лезг. *-ч, та-* (*ихтияр ганач 'не разрешил', ихтияр тагана 'не разрешив'*). В функциональном плане отрицательные частицы русского, английского или французского языков равноценны отрицательным аффиксам таких языков, как лезгинский.

По тому, как в них комбинируются грамматические средства выражения отрицания, языки типологизируются следующим образом: 1. Языки одного отрицания. В них при наличии отрицательного слова отрицательная частица при глаголе не употребляется. Таков английский язык: *Nobody has come 'Никто не пришел'; I have not come 'Я не пришел'*. 2. Языки одного или двух отрицаний. В них при наличии от-

рицательного слова обязательна и отрицательная частица. Но при отсутствии отрицательного слова употребляется только одна отрицательная частица. Таков русский язык: *Никто не пришел; Я не пришел*. 3. Языки двух отрицаний. В них отрицательное слово требует отрицательной частицы. Но при отсутствии отрицательного слова частица подкрепляется другой полносесной частицей. То есть отрицание все же дублируется. Таков французский язык: *Personne n'est venu 'Никто не пришел'; Je ne suis pas venu 'Я не пришел'*. В разговорной речи *ne* может исчезать, и тогда французский язык приближается к языкам одного отрицания: *Je (ne) vois personne 'Я никого не вижу'* (как англ.: *I see nobody 'Я не вижу никого'*).

Русский язык служит часто языком-посредником при обучении английскому языку носителей лезгинского и других дагестанских языков. Построение отрицательных высказываний в русском и английском языках имеет значительные расхождения, что может приводить к затруднениям лингводидактического плана. Следовательно, обращение к посредству русского языка при изучении английского носителями лезгинского языка может оказаться не самым продуктивным приемом. Поэтому полезно сравнить в лингвометодических целях способы построения отрицательных высказываний английского языка с их построением в лезгинском языке.

Лезгинский язык относится к языкам одного или двух отрицаний. В нем при наличии в высказывании отрицательного слова обязательна и отрицательная форма глагола. При отсутствии отрицательного слова употребляется только отрицательная форма глагола, т. е. предложение строится с одним отрицанием. В английском языке в обоих случаях высказывание содержит одно отрицание: или отрицательное слово (*Nobody has come 'Никто не пришел'*), или отрицательную форму глагола (*I have not come 'Я не пришел'*).

Проблемы презентации частиц в русской типовой части двуязычного словаря

Л. В. Алимписва

Международный университет Атаюрк-Алатоо, Бишкек (Кыргызстан)

Русские частицы, двуязычная лексикография, типовая русская часть двуязычного словаря

Summary. The report analyzes the codification of Russian particles in a bilingual dictionary. Here, the problems concerning semantization of Russian restrictive particles are investigated.

Изданные в шестидесятые годы прошлого столетия двуязычные русско-национальные словари сыграли огромную роль в распространении русского языка в национальных республиках.

В настоящее время перед лексикографами встает проблема научного переиздания этих словарей. Необходимо пересмотреть словники словарей, следует подвергнуть анализу систему подачи и толкования слов в словарной статье с позиций современного состояния науки о языке.

Под «типовой» русской частью двуязычного словаря понимается стандартная, универсальная и унифицированная русская часть двуязычного словаря, которая должна использоваться во всех русско-национальных словарях ([5]).

Предварительное рассмотрение представления различных частей речи, например в «Русско-киргизском словаре» (далее – РКС) под ред. К. К. Юдахина ([3]) показывает, что если подача и кодификация знаменательных частей речи не вызывает серьезных нареканий, то подача служебных слов вообще, а частиц – в частности – требует глубокого анализа и лексикографической ревизии.

Словарные статьи на частицы в данном словаре недостаточно разработаны, требуют уточнения и определенной рабо-

ты в плане унификации. Примеров неадекватной кодификации частиц можно привести много. Для анализа возьмем частицы с ограничительным значением. Это частицы: *всего, один, только, лишь, исключительно, единственно, разве что*.

Отдельной словарной статьи на частицу *всего* в словаре нет. В словарной статье на наречие «всего» ([3; 101]), во второй рубрике, дан пример с частицей *всего* без указания на принадлежность слова к данному разряду служебных слов. В скобках даны синонимы частицы – *только, лишь*. За знаком «ромб» представлены употребления частицы *всего* в составе тавтологического фразеологизма «всего-навсего»; в сочетании с частицей «только» – *только и всего*; в сочетании с частицей «то» – *всего-то*.

В словарной статье на слово «один» ([3; 468]) несмотря на то, что это эта словарная статья объемна, нет указания, что это слово может выполнять функции частицы *один* с ограничительным значением. Хотя в шестой рубрике этой же словарной статьи, которая имеет помету «местоимение», в качестве синонимов приведены частицы *только и исключительно*. В примерах, представленных в этой рубрике, (*Он работает с одной молодежью и От него одни неприятности*), конечно же, слова *одной* и *один* являются частицами.

В [3; 861] представлена словарная статья на заголовочное слово «только». В этой словарной статье нет отдельной рубрики на частицу *только* с ограничительным значением. Хотя в словарной статье переводится частица *только* в значении усиления выразительности.

Частица *лишь* представлена в одной словарной статье с союзом *лишь* ([3; 330]). В этой словарной статье, в скобках, дана синонимичная заголовочной единице частица *только*. Нет указаний, что частица *лишь* имеет ограничительное значение. Частица *исключительно* в РКС отдельной словарной статьей не представлена. Но в словарной статье на наречие *исключительно* ([3; 259]), во второй рубрике, приведен следующий пример: *премию получили исключительно отличники*. В этом примере слово *исключительно* является частицей с ограничительным значением. Помимо этого, в этой рубрике, в скобках, даны частицы синонимы *лишь* и *только*. Но указание, что данное слово является частицей с ограничительным значением, не дается.

В словарной статье на заголовочное слово *единственно* ([3; 183]), во второй рубрике, указывается, что слово *единственно* выступает «в значении частицы». В качестве синонима, в круглых скобках, приведена частица *только*.

Словарная статья на заголовочное слово *разве* является совмещенной. Первая и вторая рубрики кодифицируют частицу *разве*. Третья рубрика кодифицирует союз *разве*. В первой рубрике представлена вопросительная частица *разве*. Во второй – частица *разве* кодифицирована в значении вероятности действия с пометой «разговорная». Имеет синоним *может быть*. Указания, что в языке функционирует частица *разве что*, нет.

Особо следует сказать об иллюстрациях в проанализированных словарных статьях.

Предложения, приведенные в качестве иллюстративного материала к словам, требуют пересмотра и обновления.

Необходимо также отметить, что частицы, являющиеся языковым фактом, обладающие категориальными признаками частиц, в РКС не отражены в полной мере.

Многие словарные статьи содержат ошибочные и неполные толкования. Объясняется это тем, что значения одних частиц (например, *единственно*) относительно прозрачны и поддаются описанию, а семантику других частиц (например, *один*) уловить трудно. Примеров расхождений лексикографической кодификации русских частиц в РКС можно привести немало. Основной причиной такого положения является то, что частицы не имеют четких грамматических, лексических и семантических границ.

В связи с вышеизложенным перед лексикографами встают следующие задачи:

1. Определить количественный состав русских частиц.
2. Определить параметры значений русских частиц.
3. Установить типы семантической сочетаемости русских частиц.
4. Определить типы толкований частиц в словарной статье двуязычного словаря

Литература

1. Берков В. П. Слово в двуязычном словаре. Таллин, 1977.
2. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. 2-е изд. М., 1993.
3. Русско-киргизский словарь / Под ред. К. К. Юдахина. М., 1957.
4. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
5. Ким С. С. Вопросы разработки типовой части для больших толковых словарей русского языка на национальном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1984.

Концепт 'желание' в русском и польском языках (II. русск. *жажда* – польск. *żądza, pragnienie*)

Н. Е. Ананьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Концепт, русский язык, польский язык, концептуальное поле, лексическая сочетаемость

Summary. This paper is devoted to some components of the conceptual field of 'wish' in Russian and Polish. The author analyzes such components as Russian *жажда* – *жаждать*, Polish *żądza* – *pożądać* in these two languages.

Доклад представляет собой продолжение начатого автором анализа лексических и фразеологических компонентов концепта 'желание' в русском и польском языках. Если в [1] были исследованы нейтральные составляющие этого концепта (русск. *желание, хотеть* – польск. *chęć, chcieć*), а также некоторые другие его компоненты с х-содержащими корнями (*охота, ochota, zachcianka* и др.), то в данном докладе анализируются главным образом компоненты с корнями **žed(j)*- (представленные в обоих сопоставляемых языках) и **rog-* (отсутствующий в русском языке). В отличие от нейтральных составляющих концептуального поля 'желание' эти компоненты (русск. *жажда*₁ – *жаждать*₁, польск. *żądza*₁, *pożądanie*₁ – *pożądać*₁, *pragnienie*₁ – *pragnąć*₁) обозначают высокую степень желания. Ср. словарные определения некоторых из этих лексем: *жажда*₁ – 'сильное, страстное желание чего-н.' (высок.), *жаждать*₁ – 'сильно желать' (высок.), *pragnienie* – 'gorąca chęć, dążenie do czegoś' «горячее желание, стремление к чему-н.», *pragnąć* – 'chcieć czegoś usilnie' «сильно чего-н. желать», *żądza* – 'gwałtowne, nieporównywane pragnienie czegoś' «внезапное неудержимое желание чего-н.».

В отличие от современной русской пары *жажда* – *жаждать* (генетических церковнославянизмов, которым соответствуют исконно русские др.-русск. *жажа* – устар. и диал. *жадать*, ср. говорящую фамилию Жадов у А. Н. Островского в «Доходном месте») в современном польском языке в глаголе *żądać* специализировалось значение 'требовать', в котором волитивный компонент значения хотя и просматривается (поскольку всякое требование предполагает желание требуемого действия или предмета, ср. определение отглагольного существительного *żądanie* 'życzenie wyrażone w kategoriach formie' «желание, выраженное в категорической форме»), но затемнен значением совершения определенных действий для достижения желаемого (категорической просьбы в устной или письменной форме). Значение 'сильно желать чего-н.' представлено в современ-

ном польском языке в производном от *żądać* префиксальном *pożądać*. В древнепольском языке *żądać* сохраняло еще значение 'сильно желать чего-н.; ожидать'. Например, в таком значении этот глагол употребляется в первой польской печатной книге (1513) «Raj duszny» («Рай души»).

В ряде слов, входящих в концептуальное поле 'желание', представлен также конкретный вид определенного желания, относящегося к основным физиологическим потребностям человека: 'желание пить' (*жажда*₂ – *жаждать*₂, *pragnienie*₂, ср. *jestem spragniony* 'я хочу пить'), 'желание есть' (ср. устар. высок. *алкать* – ср. в ст.-сл. для *алкати, лакати* зафиксировано только значение 'быть голодным, испытывать голод' и производное от первого значения 'поститься', т. е. 'намеренно голодать'), 'желание совокупляться' (*хотеть, похоть, chcieć* – подробнее см. [1], *pożądać*₂, *pożądanie*₂, *пожелать* / устар. *возжелать* – ср. библейск. *не пожелай жены ближнего, желанный, желанная* (о любимых), польск. диал. *chcieć do konia* (о лошади), *do byka* (о корове), *do knura / kiernozza* (о свинье), 'проявлять половое влечение' (о животных). Значение 'жажды' в *pragnienie*, стремление ее 'угасить' обусловлено исконной семантикой **rog-*, соотносящегося с *prażyć* 'жечь', *Praga* и под., которые А. Брюкнер, в свою очередь, возводит к лит. *spragėti* 'трещать' (о горящем дереве), *spraginti* 'печь' и др.

Для континуантов **žed(j)*- и **rog-*, как и при анализе нейтральных компонентов концепта 'желание', исследуется лексическая сочетаемость именных и глагольных лексем.

В докладе рассматриваются также периферийные компоненты концептуального поля 'желание', которые одновременно являются центральными составляющими других полей, пересекающихся с этим полем ('надежда', 'ожидание' и др.).

Литература

1. Ананьева Н. Е. Концепт желание в польском и русском языках (I. *chęć* – *chcieć*, русск. *желание* – *хотеть*) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 30. М., 2005. С. 109–124.

Употребление глагола «иметь» в русском и в чешском языках

И. В. Арутюнян

Ереванский государственный университет (Армения)

Русский и чешский языки, относясь к славянской группе языков, обнаруживают как близость, так и расхождения. Эти расхождения указывают на тот факт, что, несмотря на тесную генетическую близость, грамматические системы близкородственных славянских языков с течением времени приобретают существенные различия, которые являются результатом действия ряда факторов, в том числе и экстралингвистических.

И в русском и чешском языке употребляется глагол «иметь» (чешское *mít*), но нагрузка между ними распределяется неравномерно. Если в русском языке предпочтение отдается глаголу «быть», (характерны конструкции с у-локализатором) то в чешском языке предпочтение отдается глаголу «иметь», (характерны посессивные конструкции). – *У Евы голубые глаза. – Evá má modré oči.*

1. Разница в том, что конструкция с глаголом «быть» предикативна, в то время как конструкция с глаголом «иметь» транзитивна (то есть переходная конструкция), хотя, как отмечает Э. Бенвенист, глагол «иметь» – псевдотранзитивный. Между субъектом и объектом глагола «иметь» не может существовать отношения переходности, когда действие предполагается переходящим на объект и видоизменяющим его.

Для построения глагольной конструкции с «иметь» требуется использовать конкретную лексику «иметь», форму именительного падежа имени possessора, форму винительного падежа имени объекта обладания, синтаксическое правило словоупотребления, а также синтаксическое согласование в роде и числе имени possessора с глаголом «иметь». В случае отрицательного предложения форма падежа имени объекта обладания меняется с винительного падежа на родительный. Такое изменение винительного падежа на родительный при отрицании характерно для всех славянских языков. Исключение составляет чешский язык, где винительный падеж сохраняется и при отрицании.

2. В современном русском языке могут употребляться как «быть»-конструкции, так и «иметь»-конструкции. (*У Ивана есть недостатки – Иван имеет недостатки*). Эти предложения отличаются стилистически. Большая часть предложений с глаголом «иметь» не принадлежит разговорному стилю речи, эти предложения чаще встречаются в художественной, научной литературе, в официально-деловом стиле, в сочетаниях с неодушевленными и абстрактными существительными, а также в составе фразеологических оборотов. В русском языке наблюдается много случаев, когда конструкциям с глаголом «быть» нет соответствия с глаголом «иметь»: *У него хорошее настроение, но невозможно *Он имеет хорошее настроение*. В чешском же языке употребляется глагол «иметь»: *Má špatnou náladu* (букв.: *Я имею плохое настроение*). С другой стороны, есть немало конструкций с «иметь», для которых нет соответствия с глаголом «быть»: *Книга имеет много иллюстраций, но нельзя сказать *У книги есть много иллюстраций*. (Здесь можно употребить локативную конструкцию с глаголом «быть» – *В книге есть много иллюстраций*.)

3. Посессивная конструкция представляет из себя модель «X имеет Y», где X – субъект, а Y – объект. В этих конструкциях сообщается информация о человеке и о мире, с которым он связан, а также о мире вообще.

Эта тенденция строить сообщения о человеке и о его внешнем и внутреннем микромире с глаголом «иметь» свойственна некоторым славянским и романским языкам. Отличие русского языка состоит в том, что сообщения о мире и о микромире человека моделируются одинаково, по бытийному типу, в то время как в чешском языке моделируется двойко: если речь идет о человеке, то следует конструкция со структурой «он нечто имеет» (то есть с глаголом *mít*); если речь идет о мире, то следует конструкция со структурой «имеется» (*mít se*).

Например:

- Сообщения о внешнем микромире человека – владение предметом. В русском языке это значение передается бы-

тийной конструкцией: *У нее есть дача*. А в чешском языке используется конструкция с глаголом «иметь»: *Věra má chalupu*, что дословно переводится как – *Вера имеет дачу*.

- Пространственные вхождения – *У нее в руке были цветы*, в чешском языке – *Věra má v ruce květiny* (букв.: *Вера имеет в руке цветы*).
  - Высказывания о внешних обстоятельствах – *У нас собрание – Dnes máme schůze* (букв.: *Сегодня мы имеем собрание*).
4. В современном русском языке модель «глагол *иметь* + инфинитив» принадлежит к архаическому пласту языковых средств.

В чешском языке модель «глагол *иметь* + инфинитив» употребляется не только в книжной глагол «иметь» обнаруживает тенденцию к грамматикализации, то есть этот глагол десемантизируется и способен выражать временные и модальные значения. Например, значение долженствования: *Měl přijít v 11. – Он должен был прийти в 11 часов; Měl psát dopis, avšak zapoměl. – Ему надо было написать письмо, а он забыл*. Подобное употребление встречается и в русских диалектах, в некоторых северо-западных говорах: *иму* + инфинитив.

5. Глагол «иметь» может употребляться в перфектной форме. В большинстве «иметь»-языков развились аналитические перфектные формы – посессивный перфект.

В чешском языке встречается конструкция, состоящая из глагола «иметь», винительного падежа объекта и согласованного с ним в роде, числе и падеже посессивного причастия прошедшего времени совершенного вида. В чешском языке эта конструкция широко употребляется в разговорной речи. Иначе эти формы называются перфектом состояния: *Co mám přišito na klobouce* (букв.: *Что я имею пришито на шляпе*).

В русском языке посессивное причастие прошедшего времени проникает в конструкцию «у + родительный падеж + быть»: *У него уже прочитана вся литература; У меня работа не начата*. Особенно распространен посессивный перфект в говорах: *Погибши сын у меня (= мой сын); У меня уже корова подоивши (= моя корова)*.

Значение этих конструкций – состояние в настоящем, которое явилось результатом действия, совершившегося в прошлом. Посессивность означает принадлежность этого состояния (результата действия) субъекту.

6. В чешском языке существует связь между глаголами «иметь» и «получать», а в русском языке этой связи нет. В чешском языке нормально такое соотношение, как: *Mám nápad – Dostl jsem nápad* (букв.: *Я имею идею – Я получил идею*). Правильным соответствием будет *Мне пришла в голову идея*, т. к. в русском языке глагол «получать» не имеет структурного сходства с «иметь», он соотносится с такими глаголами, как *дать, подарить, послать*... При них обязательна детальный адресата, а это уже не посессивная конструкция.

Причины такого расхождения в употреблении надо искать в морфологических, семантических и синтаксических факторах.

Морфологический фактор заключается в том, что русский глагол «иметь» – глагол несовершенного вида, и в случае необходимости передать завершенное действие он заменяется синонимами «приобрести».

Семантический фактор проявляется в том, что основное значение глагола «mít» – выражение принадлежности (обладания), а в русском языке это значение передается конструкцией с глаголом «быть».

Синтаксический фактор заключается в том, что в то время как чешскому языку свойственна тенденция к использованию переходных конструкций, русский синтаксис характеризуется преобладанием непереходных конструкций. И идя от чешской фразы к русской мы нередко сталкиваемся с трансформацией переходной конструкции в непереходную: *Měl na sobě tmavé šaty* (букв.: *Он имел на себе темный костюм*) – *Он был в темном костюме или На нем был темный костюм*.

Когнитивный аспект на материале семантического поля «Вкусовые ощущения» в русском, английском и турецком языках

А. С. Беликова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Концепт, метафора, языковая картина мира

Summary. This work is devoted to a cognitive and comparative analysis of the concept «Taste», similarities and peculiarities of its structure and functioning in the Russian, English and Turkish languages. It also studies the variety of metaphors based on the central and peripheral features of this concept and their tribute to the Russian, English and Turkish national pictures of the world.

Вкусовые ощущения, относясь к физиологии, едины для человека. Однако система вкусовых предпочтений весьма специфична у разных этносов. В современном мире существуют самые многообразные кухни (русская, французская, китайская, корейская и др.).

В связи с этим интересно проследить на материале нескольких языков, в частности, русского, английского и турецкого, в какой мере представленные в них вкусовые ощущения обусловлены физиологическими особенностями строения человека, культурными предпочтениями и, конечно, спецификой самих языков.

Анализ семантического поля «Вкусовые ощущения» (далее СПВ) в исходных и метафорически производных значениях, позволяет сделать следующие выводы.

Общая структура поля (и соответствующего сложного «языковленного» концепта ВКУС) является единой в исследуемых языках, что в значительной степени вызвано единым строением вкусовой сенсорной системы человека. Больше всего различий по языкам обнаруживается на пересечении СПВ с другими семантическими полями, что в значительной мере связано с культурными традициями и отражает национальную специфику концепта ВКУС.

Ядро поля во всех анализируемых языках представлено номинациями базовых вкусовых ощущений, которые составляют базовые признаки и одновременно отдельные концепты сложного концепта ВКУС (русский – *сладкий, горький, кислый, соленый*; английский – *sweet, bitter, sour, salty*; турецкий – *tatlı, acı, ekşi, tuzlu*).

Несмотря на то, что в рассматриваемых языках базовые вкусовые ощущения совпадают, система вызываемых ими коннотаций и соотносимость с типичными продуктами и веществами может быть различна по языкам. Например, горький вкус в русском языке связан со вкусом полыни, в английском – со вкусом косточек персика, в турецком – со вкусом кофе. Таким образом, концепт ВКУС и семантическое поле «Вкусовые ощущения» в русском, английском и турецком языках неотделимы от процесса принятия пищи и характеристики типичных продуктов питания и веществ.

Кроме того, строение вкусовой системы человека обуславливает тесную связь в исследуемых языках концепта ВКУС и СПВ с такими понятиями как «осознание» и «обоняние». В то же время, несмотря на общие тенденции, сочетание вкусовых, тактильных ощущений и запаха для английского этноса более значимо, чем для русского и турецкого. Так, в английском языке слова *piquant, spicy, luscious, pungent, racy, savory* содержат в своих толкованиях не только вкусовые характеристики продуктов питания, но и характеристики относительно их запаха.

Как показал анализ, «вкусовые» метафорические модели широко представлены во всех трех языках и играют значительную роль в формировании языковой картины мира его носителей.

В структуре и мотивации метафорического поля «вкусовые ощущения» в русском, английском и турецком языках наблюдается явный антропоцентризм. Это проявляется, например, в том, что наибольшее число переносов, связано с характеристикой человека в физиологическом, психическом и социальном аспектах. Как нам представляется, это свидетельствует о том, что именно данные семантические сферы являются базовыми для языковых картин мира русского, английского и турецкого этносов.

Вместе с тем даже в тех сферах, где метафоры регулярно представлены во всех анализируемых языках, можно

обнаружить не только сходство, но и различия. В частности, разной является степень продуктивности тех или иных переносов. Так, в русском языке при номинации человека более регулярно характеризуется его внешность (фигура, лицо), тогда как в английском языке распространенным является именование характера человека (ср.: *peppery temper* – ‘вспыльчивый характер’, *salty temper* – ‘строптивый, агрессивный характер’; поэтому можно предположить, что англичане большое внимание уделяют корректному поведению в обществе). При этом в русском языке доброта человека не ассоциируется с членами парадигмы «имеющий вкус сахара» (лексемы этой группы фиксируются, причем часто с отрицательной оценочностью, при речевой характеристике личности). В турецком и английском языках, напротив, «сладкий вкус» ассоциируется с доброжелательностью, порядочностью личности (естественно, такие качества оцениваются положительно), ср.: английский язык: *sweet person* – ‘добрый человек’; турецкий язык: *tatlı davranmak* – ‘хорошо себя вести’ (но нет в русском – *сладкий человек или **сладкое поведение*). Примечательно, что в турецком языке лексемы, содержащие в своем значении сему «сладкий», не используются для выражения отрицательной оценки. Это вполне объяснимо. Турецкая кухня включает невероятное количество сортов халвы, лукума, пахлав, всевозможных вкусовностей, изготовленных из отваренных в меду или засахаренных фруктов. Турецкий народ издревле отличается особой любовью к сладостям. Видимо поэтому в турецком языке «сладкое» всегда имеет знак «+».

Система метафорических переносов позволяет говорить о различных приоритетах русского, английского и турецкого этносов в социальной сфере. Если в английском и турецком языках в центре внимания оказываются межличностные и товарно-денежные отношения, то для русского этноса на первый план выступает характеристика качества жизни как таковой, отражающая обобщенный взгляд на человеческое существование (ср.: *горькая доля, несладкая жизнь, сладкая доля*). Возможно, такой обобщенный взгляд на человеческое существование (без детализации – деловая, личная и другие сферы) отражает цельность восприятия мира. Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, что в оценочности качества жизни нет полутонов: жизнь либо хороша (абсолютно), либо нехороша (абсолютно). Это поддерживается и использованием антонимов – *горький / сладкий*.

Больше всего различий по языкам наблюдается при характеристике человека в социальном аспекте. Возможно, это связано с тем, что социальная жизнь этносов имеет больше различий, чем физиологическая. Кроме того, система моделей сравнения в большей степени связана со сложными ассоциативными, как правило, коннотативными признаками.

Как видно из проведенного анализа, единство строения вкусовой сенсорной системы человека обуславливает общую структуру концепта ВКУС и СПВ, а также часть моделей, которые построены на физиологических концептуальных признаках и являются обязательными в анализируемых языках. Основные различия по языкам связаны с действием экстралингвистических факторов (особенностями национальной кухни и продуктов питания, религией, историей, традициями общественно-политической жизни и т. д.). Именно они и формируют национальную специфику языковых картин мира русского, английского и турецкого этносов.

Сопоставительный анализ интонации русского и чувашского языков

Т. М. Белкова

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Интонационные конструкции чувашского языка (ИКЧ); фонологический подход,
интонационные оппозиции; виды интонационной интерференции

Summary. In this paper there are mainly presented the basic differences in the intonational systems of the Russian and the Chuvash languages based on the auditory analysis. The deviation of intonational norms by the Chuvash students is reflected in three types of interference.

Овладение интонацией любого языка – чрезвычайно сложный процесс, прежде всего из-за сложности самого объекта изучения.

Известно, что интонация отражает внутренний мир человека, связана с миром его мыслей и чувств. Для носителей языка интонирование фраз, соответствующее реальной ситуации, – естественный процесс. Носители языка владеют его интонацией интуитивно. Но и они могут испытывать трудности при анализе и моделировании интонационных структур. В большей мере это касается людей, не владеющих набором интонационных конструкций русского как неродного и не знающих системы интонационных конструкций родного языка.

Достоинством фонологического подхода к интонации является то, что благодаря ему можно определить интонационные средства языка во взаимосвязи с теми особенностями его грамматического строя, которые выявляют смыслоразличительные возможности интонации.

В систему интонационных средств Е. А. Брызгунова включает такие основные компоненты, как типы интонационных конструкций, место центра ИК и его передвижение, синтагматическое членение и паузу.

Каждый тип ИК может быть представлен в речи большим разнообразием своих реализаций – как нейтральных, так и эмоциональных. Мы рассматриваем в основном нейтральные реализации ИК.

Исследования, проводившиеся на базе фонологического подхода, показали, что в различных языках выделяемы некие общие составляющие грамматических систем, влияющие на различные возможности интонации: а) способ различения коммуникативных типов высказывания; б) способ выражения оценочных значений (многозначность местоименных слов); в) способ смыслового выделения слова в вопросительном и повествовательном предложениях; г) способ выражения синтаксических связей между словами в предложении; д) омонимия форм функции подлежащего.

Наиболее актуальны для исследования интонации чувашского языка первые два способа.

В чувашском языке (да и в русском) **коммуникативные типы** высказываний различаются как в отношении лексико-грамматических средств (порядка слов, вопросительных слов, частиц), так и интонационных. Выделяются следующие коммуникативные типы высказываний: повествовательные – с завершенной синтагмой, вопросительные – с незавершенной синтагмой, вопросительные – с вопросительным словом (с завершенной и незавершенной синтагмой) и побудительные, или волеизъявительные, в основном с завершенной синтагмой. Такие предложения допускают одинаковый лексико-синтаксический состав и могут различаться лишь при помощи интонации. Они и составляют интонационные оппозиции, ср.:

– Дождь начался.   – Дождь начался!
– Сумар пусланчĕ.   – Сумар пусланчĕ!

Каждый из членов данного противопоставления находится в сильной позиции интонационной реализации. В такой позиции интонационная единица менее осложнена, менее подвержена влиянию контекста и ситуации. В сильных позициях обычно проявляются интонационные высказывания, имеющие прямой порядок слов, нейтральную лексику. В них отсутствуют специальные частицы, модальные слова и т. п. Именно в таких предложениях отмечается ведущая роль интонации. В слабых позициях, напротив, имеет место инверсированный порядок слов, возможны эллипсы, лекси-

ческие повторы, частицы, налицо зависимость смысла высказывания от ситуации и контекста.

Для русского языка более характерны высказывания, имеющие одинаковый лексико-синтаксический состав и различающиеся с помощью только интонации, чем для чувашского языка. Ср. фразы в русском языке:

– Тепло.   – Тепло?

В чувашском литературном языке этим фразам соответствуют конструкции:

– Ӑшӑ.   – Ӑшӑ – и?

Наличие в чувашском и русском языках многозначных местоименных слов типа *мӗн* – ‘что’; *мӗнле* – ‘какой’; *мӗнешкел* – ‘какой’; *кунта* – ‘сюда’; *ӑста* – ‘куда’ и др. является причиной совпадения звуковых составов словоформ в вопросительных и **оценочных предложениях**. В этом случае значения речевых высказываний различаются при помощи интонации:

– Какӑе утро? (вопрос)   – Какӑе утро! (хорошее!)

– Мӗнле ир?   – Мӗнле ир!

Выражение оценочных значений в чувашском языке возможно также с помощью изменения звукового состава и порядка слов во фразе:

– Какӑа у нее квартира? (вопр.)

– Какӑа у нее квартира! (хорошая!)

– Унӑн хваттерӗ мӗнле?

– Хваттерӗ мӗнлескер унӑн!

Проведенный анализ интонационных оппозиций позволяет сделать несколько обобщений: 1) выявленные интонационные оппозиции чувашского языка имеют соответствия в русском; 2) в чувашском языке отсутствует ряд оппозиций, характерных для русского языка в силу большей роли его лексико – грамматических средств в выражении смысла высказывания; 3) в чувашском языке не найден эквивалент русской ИК-7.

Все нарушения интонационных норм можно обобщить в трех из четырех видов интерференции:

1. **Недодифференциация** интоном в ИКЧ выражается в такой интонации повествовательного предложения, где конец фразы произносится нисходяще – восходящим тоном, как в ИК-4. Подобная реализация интонации повествовательного предложения воспринимается как вопрос и является типичной ошибкой чувашей.

2. **Субституция** – отождествление близких интоном, имеющих одинаковое лексико – грамматическое выражение, но отличающихся по цели высказывания, имеет место в оппозиции специальный вопрос – восклицательное предложение с положительной оценкой, например, интонома *Какой сегодня день?* с повышением тона на вопросительном слове и снижением на конце фразы отождествляется с *Какой сегодня день!* с более резким повышением тона также на вопросительном слове, но с некоторым удлинением ударного гласного.

3. **Рейнтерпретация**, или переразложение, одной интономы на несколько замечено при произнесении фраз с однородными членами, например: *И снег, и ветер, и звезд ночной полет...*, где на первом из однородных членов интонация соответствует ИК-3, на втором – ИК-1, на третьем – ИК-3 и т. п.

Сверхдифференциация интоном не обнаружена, на наш взгляд, потому, что «репертуар интоном» в чувашском языке уже, чем в русском.

Белорусская поэтическая метафора в переводах на русский язык (к вопросу о лингвистических механизмах понимания несистемной метафоры)

О. Н. Брейдо

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Метафора, понимание, лексическая семантика, значение слова в речи

Summary. The report will treat linguistic mechanisms of understanding of individual authors' metaphors.

История изучения метафоры насчитывает уже более двух тысячелетий, однако интерес к этому явлению не только не угасает со временем, но и, наоборот, вполне оправданно увеличивается в связи с активизацией интердисциплинарных исследований в области человеческого познания и коммуникации. Однако, несмотря на большое количество научных публикаций и достигнутые в этой области результаты, ряд вопросов теории метафоры по-прежнему остается нерешенным. В частности, особенно актуальной является проблема понимания метафоры, к решению которой исследователи только приступают. В последних исследованиях по данной проблеме были описаны механизмы семантизации метафор с опорой на устойчивые сравнения ([1]) и на авторские сравнения в предшествующем тексте (явление «обратимости тропов») ([3]). Однако большинство возникающих в речи метафор не соотносится с такими устойчивыми или индивидуально-авторскими сравнениями, но от этого их понимание не становится чем-то затруднительным или невозможным.

Как справедливо заметил В. В. Петров, суть проблемы понимания метафоры можно свести к вопросу о том, на каком основании из множества характеристик вспомогательного субъекта метафоры мы вычленим те его характеристики, которые проецируем на основной субъект? ([5, 136]). В лингвистическом аспекте данный вопрос можно сформулировать следующим образом: как и почему при интерпретации метафоры слушающий выбирает те, а не иные смысловые компоненты из всей семантической структуры метафорически употребленного слова? Очевидно, что поиск ответов на данный вопрос связан с необходимостью более глубокого изучения оснований метафорических переносов с опорой на традицию исследования метафоры в области лексической семантики, которая временно оказалась в стороне в связи с большой популярностью теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Необходимо уточнить, что говоря о понимании метафоры, мы имеем в виду прежде всего активные процессы выявления значения, а не экспликацию известных значений языковых метафор. В связи с этим объектом нашего внимания являются несистемные (окказиональные) метафоры, которые и представляют «область порождаемого» [2, 20], поскольку они продуцируются непосредственно в речевом

акте (а не воспроизводятся, как системные метафоры). Соответственно, в процессе понимания несистемных метафор реализуются некоторые интуитивно очевидные для носителя языка правила извлечения смысла, в то время как понимание системных метафор обеспечивается знанием традиции метафорического употребления той или иной лексемы.

В данной работе предпринимается попытка экспликации лингвистических механизмов понимания несистемной метафоры. Рассматривая метафору в данном аспекте, мы исходим из посылки, что любое нестандартное употребление слова не случайно, а обусловлено реализацией им собственной «языковой программы» [4, 3], т. е. потенциалов, определенных его положением в системе языка. Наш главный тезис заключается в том, что основным лингвистическим фактором, обеспечивающим понимание несистемной метафоры, является значимость метафорически употребленного языкового знака, формирующаяся вхождением данного знака в лексико-семантические подсистемы, объединяющие однорядковые ему элементы. Данный тезис в докладе иллюстрируется примерами из переводов белорусской поэзии на русский язык. Материал переводов позволяет показать, каким образом различия в значимости соотносимых элементов русского и белорусского языков обуславливают неточности в переводе белорусских метафор русскоязычными переводчиками, а также каким образом учет данных различий определяет поиск переводчиком соответствующего варианта перевода.

Литература

1. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000.
2. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.
3. Лебедева Л. А. Механизмы семантизации авторских метафор // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Мат-лы докл. II Междунар. конф. В 3 ч. Ч. 2. Минск., 2005. С. 181–182.
4. Литвин Ф. А. Слово в речи как реализация языковой программы // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов IV лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте». Новосибирск, 1974. С. 3–5.
5. Петров В. В. Метафора: от семантического представления к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135–145.

Проблема адекватности предполагаемых эквивалентов при локализации программ поддержки малого и среднего бизнеса

Е. П. Бутрина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Адекватность, безэквивалентный перевод, русский язык, малый и средний бизнес, компьютерная программа

Summary. The object of the discussion is a precision of translation business management terms from English into Russian. This problem is very topical for situations of localizing by International Trade Center UNO / WTO computer systems for support small and medium enterprises in Russia and Russian-speaking countries.

По мере развития межкультурной деловой коммуникации все более актуальной становится проблема адекватного перевода, т. е. достижения максимальной смысловой близости текстов на исходном языке и языке-цели. Возможности достижения такой близости ограничены различиями как систем двух языков, так и концептов двух деловых культур. При переводе необходимо сравнение концептов разных систем организации экономики и менеджмента, для чего неизбежным становится сравнение релевантных дифференциальных признаков этих систем. Существующие справки при всех своих бесспорных достоинствах построены без учета таких потребностей (см., например, [2], [3]), хотя в их аннотациях и отмечается, что они предназначены «для практических работников предприятий всех форм собственности». Кроме того, задача адекватной передачи в русском тексте концептов других деловых культур дополнительно

осложняется, когда переведенный текст должен служить эффективным руководством для людей, не имеющих специального образования ни в области менеджмента, ни в сфере экономики. Это организаторы малого и среднего бизнеса, для которых Международный торговый центр ООН / ВТО (ITC UNO / WTO) и предлагает программы поддержки управленческих решений ([4]). При очевидной полезности программ с такими функциями без специальной адаптации к использованию в России их эффективность представляется проблематичной.

В настоящее время существуют лингвистические техники, разработанные для безэквивалентного перевода юридических терминов с английского языка на русский и польский ([1]). Представляется, что наиболее соответствует природе текстов по управлению бизнесом прием описания – дефиниции, сокращаемого при дальнейшем употреблении до

одного слова или аббревиатуры. Другим способом может быть более последовательно проведенная локализация предлагаемых продуктов, т. е. не только комментированный перевод и разработка новых принципов построения словарной статьи для терминологических справочников, но и доработка предлагаемой компьютерной системы поддержки принятия решений до русскоязычной экспертной системы, предлагающей несколько возможных решений на выбор в привычных формулировках.

Решение этих задач дополнительно осложняется, если речь идет об использовании таких программ руководителями малых и средних предприятий в странах русскоговорящего зарубежья. Представители Международного торгового центра справедливо полагает, что внедрение таких программ на постсоветском пространстве эффективнее осуществлять на русском языке, нежели на английском, но опыт показал,

что в этом случае помимо уже перечисленных процедур требуется организация корректировочных курсов русского языка.

Литература

1. Плузничка М. Степень адекватности предполагаемых эквивалентов при юридическом переводе // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы: Материалы международной научно-методической конференции: В 2 ч. Ч. 1. М., 2006. С. 161–166.
2. Розенберг Д. М. Бизнес и менеджмент. Терминологический словарь. М., 1997.
3. Розенберг Д. М. Инвестиции. Терминологический словарь. М., 1997.
4. Introduction to the Business Management System. ITC, Geneva, 2006.

Языковая картина мира в ракурсе сопоставительной лингвистики (на материале русского и чешского языков)

В. Ф. Васильева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Summary. The present report shows basic problems of comparative research into semantic structures of universal languages categories.

0. В докладе на материале двух родственных языков анализируются случаи неадекватной языковой реализации ряда универсальных понятийных категорий, в частности, категории количества, качества, времени и др. Выявляются причины межъязыковой асимметрии, сопутствующей этому процессу.

1. К постановке проблемы.

1.1. Логико-семантический подход к обозначенной проблематике. Определение с этой позиции понятия «языковая картина мира». Формализованный вторичный образ идеального мира в сознании человека. Триединство объективной реальности, сознания и языка.

1.2. Языковая и концептуальная картины мира: взаимоотношение объективных и субъективных факторов в контексте сознания и языка.

1.3. Национальная языковая картина мира – объективный характер содержания и субъективные формы его выражения. Отражение своеобразия языковых систем в национальных картинах мира. Социологический и культурологический компоненты национальной языковой картины мира. Их роль в «национальной маркированности» языковой картины мира.

2. Сопоставительный аспект изучения языковой объективации образа вторичного идеального мира.

2.1. Системно-структурный и системно-функциональный методы – основные общенаучные методы сопоставительного исследования. Межъязыковая семантическая асимметрия как фактор субъективного преобразования «идеи логической» в «идею семантическую».

2.2. Причины, обуславливающие явления межъязыковой асимметрии в процессе объективации сопоставляемых категорий.

2.2.1. Явление межъязыковой функциональной несоразмерности семантических объемов соотносительных языковых категорий – одна из причин национальной специфики языковой картины мира.

2.2.2. Имплицирующее воздействие асимметричных явлений на процесс языковой объективации. Его основные параметры.

2.2.3. Проявление влияния языкового узуса на интенсивность функционирования сопоставляемых категорий. Узусальные особенности выражения количественных отношений

в чешском и русском языках. Межъязыковые различия в плане выражения дискретности / недискретности числовых отношений.

2.2.4. Влияние межъязыковых системно-структурных различий на характер взаимосвязи логических и семантических категорий. Роль деривационных отношений в процессе языковой объективации мыслительных категорий.

2.2.5. Транспозиция грамматических категорий в процессе реализации информации. Роль вторичных функций грамматических категорий в порождении межъязыковой асимметрии.

2.2.6. Особенности структуризации семантических пространств русского и чешского языков с учетом явлений межъязыковой асимметрии: различия в лексической плотности семантических пространств, эксплицитности / имплицитности выражаемых смыслов, дифференцированном / недифференцированном представлении фрагментов объективной реальности.

3. Перспективы сопоставительного изучения языковой картины мира. Систематизация имеющихся на сегодняшний день результатов исследования славянских, в частности русского и чешского, языков в указанном направлении. Поэтапное изучение корреспондирующих логико-семантических отношений, выявляющихся в процессе языковой объективации вторичного образа идеального мира. Всесторонняя разработка интерпретационного аспекта языковых функций.

Литература

1. Васильева В. Ф. Семантическая характеристология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языков) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
2. Vasiljevová Valerie. Mezijazyková funkční asymetrie z hlediska specifiky příbuzných jazyků (na materiálu češtiny a ruštiny) // Čeština: univerzália a specifika. 5. 2004.
3. Колианский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965.
4. Колианский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
5. Колианский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
5. Кривоносов А. Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». М.; Нью-Йорк, 2006.

Взаимодействие средств и проблемы взаимопонимания в русско-итальянском речевом общении

М. В. Володина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Межкультурное речевое общение, вербальные и невербальные средства, взаимодействие средств, взаимопонимание

Summary. This paper focuses on intersystem relations of the Russian and Italian Languages in the aspect of interaction of syntax, vocabulary, intonation and context. The author presents a new integral approach to comparative study and description of the Russian and Italian languages on the basis of a series of experimental investigations and communicative analysis of utterance and speech, which allows to reveal all potential components of the meaning of utterance.

В лингвистической науке последних лет активно разрабатываются семантические проблемы звучащей речи, актуаль-

ные для теории и практики межкультурного общения и перевода. При этом особую важность приобретает вопрос о

потенциальных компонентах значения высказывания, не выраженных словесно, поскольку от умения воспринимать и выражать данные значения в большей степени зависит успешность речевого общения на иностранном языке.

Итальянский язык, как и русский, относится к числу языковых систем, в которых большую смысловозначительную роль играет интонация и смысловые связи высказывания с окружающим контекстом и невербальной ситуацией. В звучащей речи многие компоненты значения передаются при помощи взаимодействия вербальных и невербальных языковых средств. В условиях видимой речи в обоих языках повышается информативная роль мимики и жеста. При взаимодействии лексико-грамматического состава высказывания с интонацией и контекстом актуализируются все потенциальные значения, заложенные в лексико-грамматическом составе высказывания.

И в русском, и в итальянском языке объем значений, потенциально возможных, но не выраженных словесно, зависит как от внутрисистемных связей интонации и грамматического строя, так и от взаимодействия всех языковых средств. Большим объемом потенциальных значений в сопоставляемых языках обладают, например, предложения с полифункциональными словами, предложения, выражаю-

щие оценку, волеизъявление и экспрессивное отрицание, нераспространенные именные и глагольные высказывания. Смысловое взаимодействие особенно усиливается в простых по составу высказываниях, включающих слова в прямом употреблении.

В докладе рассматриваются в сопоставлении основные смысловозначительные возможности итальянских и русских невербальных средств – интонации и смысловых связей высказывания с контекстом. Отмечаются различия в объеме потенциально возможных значений и несовпадения конкретных компонентов значения, которые могут быть выражены не вербально. Акцентируются те черты различия, которые могут затруднять взаимопонимание.

Интонация как звуковое средство языка рассматривается как со стороны смысловозначения, так и со стороны звучания, поскольку оба этих аспекта оказывают определенное влияние на успешность межкультурной коммуникации. При довольно значительном сходстве различительных возможностей итальянской и русской интонации, обе системы интонационных средств обладают фонетическим и функциональным своеобразием.

Результаты сопоставления интерпретируются в аспекте русско-итальянского межкультурного общения.

О переводе непереводаемого

Э. Галлуччи

Университет города Лечче (Италия)

Перевод, художественная литература, обценная лексика, школьный рифмованный фольклор

Summary. The paper aims to deny the concept of untranslatability as such. In poetry and literature everything is to be translated, including what seems untranslatable because too difficult or obscene. This thesis will be supported with examples from Stamp Album by Andrej Sergeev.

Заголовок доклада двусмыслен: *непереводаемое* – это нечто не предназначенное для перевода (неприличное) или то, что невозможно перевести? В обоих случаях я отрицаю непереводаемость как таковую. *Неприличное* нельзя купировать при переводе, исходя из внелитературных соображений. То же касается текстов, *сопротивляющихся* переводу из-за своей сложности. Переводчик обязан доводить до конца свою работу и передавать эффекты оригинала для иноязычного читателя. Эти принципы я положила в основу своего переводческого мастер-класса, предлагая студентам принять их как своего рода профессиональный вызов. Одна из студенток – Франческа Гамуррини – под моим руководством перевела две главы (*Семилетка* и *Новая жизнь*) из *Альбома для марок* Андрея Яковлевича Сергеева (*Sergeev A. Y. Omnibus. M., 1997, С. 5–322*), отмеченного Букеровской премией в 1996-м году. Выбор предопределило желание столкнуться с наиболее интересными в лингвистическом отношении страницами книги – теми, что провоцировали переводчика эклектизмом и виртуозной способностью автора к языковой игре. В особенности это касается главы «Семилетка», повествующей о повседневной жизни одной из послевоенных московских школ, о бездарных преподавателях и их подопечных – отъявленных лодырях и хулиганах. Лингвистические фейерверки матерной брани, вспыхивающие в ночи школьного рифмованного фольклора – стержень этой главы.

Я специально остановилась на проблеме перевода стихов, построенных на игре слов, жаргоне, мате. Они ставят перед переводчиком не только классические проблемы передачи ритма, ассонанса, рифмы, но и обращают к трудностям совершенно нехарактерным для высокой поэзии: как отразить лексически низкий регистр речи? как представить наиболее витальные и *атакующие* слои ненормативного языка? как выразить табуированную речь, которую обычно маркируют категорией *мата*, но которая по сути своей все-таки не мат, а часть школьного фольклора послевоенного времени? и, наконец, каким образом передать агональную сущность этого жанра? Сам автор, реконструируя языковую стихию своего детства, охотился именно за этими ускользающими нюансами: «Неистребимый живучий мат караулил на устоявшихся стыках слов и злорадно поджидал на рифме. Более того, очищенный игрой, мат повышал тональность высказывания и сыпал яркие блики на всеобщую нечистоту и серость, частью которой являлся сам» (С. 191). Он же писал: «Рифмованные диалоги, блочное красноречие не для исти-

ны или выгоды, но искусство ради искусства, почти поединки акынов – по сути своей ритуал и ступенное проявление словаря перемен и уборных» (С. 184).

При переводе следовало любой ценой сохранить *родовой признак* исходного материала – доминанту фоно-просодического аспекта (ритм, ассонанс, рифма), вытесняющего на второй план лексическое содержание и намеренно порождающая семантические сдвиги. Так, например, чтобы сохранить игру слов, требовалось использовать ре-креативный подход к ее внутренним механизмам, освобождаясь от *диктатуры буквальности и подстрочника*. Только так можно было удерживать вкус литературы, требующей от итальянского читателя понимания поливалентности и эквилибризма языка оригинала, его язвительности, хитрости и коварства.

Ограничусь тремя примерами – переводами механизмов *сдвига* и *рифмы-ловушки*.

Сдвиг заключается в дислокации отдельных слогов, которая порождает неожиданные речевые *склейки* корневых значений нормативного и обценного русского языка. Насколько далеко при переводе приходится отойти от оригинала, видно по четверостишию «СвеЖО ПО долине / Туман над рекой / И мноГО В НОчи / Прелести той» (С. 191). У нас оно превращается в «Sui campi SCIAmano / E sul fiume, le stelle / Vedon freMER DAvanti / Alla notte la pelle». Из текста исчезают следы «свежести долины» и «тумана», придающего «прелесть» ночи. Вместо них появляются «поля», «река» и «звезды». То есть – взяты другие «хрестоматийные» элементы буколического пейзажа, ради наслоения в сознании читателя двух дискурсивных рядов, чье соприсутствие дает «десакрализирующий» эффект. По-русски механизм сдвига порождают слова «жопа» и «говно». На их месте в итальянском переводе стоят также обценные, но не повторяющие оригинал слова «*priscia*» (моча) и «*merda*» (говно).

В большинстве случаев рифма или ассонанс в конце стихов – это самоценность для школьного фольклора. Даже в том случае, когда рифма как бы отрицает саму себя, будучи «урезанной» или «уклоняющейся». «Урезанная» рифма обманывает инерцию восприятия, предугадывающего появление неприличного слова. Вина за «грязные ожидания» ложится на слушателя, в то время как декламирующий стих изображает полное «целомудрие». Предположения неприличного слова в конце строки всякий раз не оправдываются. Стих обрывается и продолжается на новой строке с подчеркнуто невинных выражений: «Укусила мушка собачку / За

больное место, за CPA- / зу стала собачка плакать: / Чем же теперь буду я КАК- / тебе, собачка, не стыдно... (С. 192). По-итальянски эта рифма-ловушка была передана так: «Fu morso da una mosca il mulo / Là dove fa più male, ahimè, sul CU- / rare non si può, e si mette a imprecare: / Come farò io adesso a CA- / spita, muletto, non ti vergogni...». Как видим, в тексте чередуются двустипшия со скабрзной смежной рифмой, подсказываемой первой строкой (AA, BB...), но «урезаемой» во второй (AA, BB...). Неприличное слово цензурируется, после чего следующая строка продолжается «по невинному сценарию». Перевод воспроизводит этот прием, превращая «собачку» в «mulo» (мула), ради провокации рифмы с «culo» (сракой). Также собачка у нас не «плачет», а «imprecare» (браниться), дабы получить рифму с «casare» (какать). Русский и итальянский варианты здесь полностью корреспондируют: «срака» – culo, «какать» – casare.

Последний пример: «Перед вами, детки, слон / Он огромен и силен / У него, как у китайца / Отросли большие уши – / Да-да, детки, уши / Морж на рыбу не похож / Клык его – как острый нож / Он полощет среди струй / Свой огромный длинный клык – / Да-да, детки, клык / Гага – северная птица / И мороза не боится / Целый день сидит в гнезде / Ковыряется в пуху – / Да-да, детки, в пуху / Перед вами муравей – / Трудолюбивей всех зверей / Поглядите, детки, в лупу / И увидите ручки-ножки – / Да-да, детки (С. 193–194). В итальянском переводе: «Vi presento l'elefante, / Bimbi cari,

un bel gigante, / Cui per arcane sue ragioni / Han tagliato via i ... piedi – / Eh, sì, bambini, i piedi. / Il tricheco non è un geco, / E ha due zanne giù di sbieco, / E sciaguatta senza imbarazzo / Il suo enorme e lungo... dente – / Eh, sì, bambini, il dente. / La nordica anatra marina / Non teme il freddo né la brina / E tutto il dì, checché si dica, / Si fruga sempre nella... piuma – / Eh, sì, bambini, nella piuma. / Vi presento la formica, / Del lavoro sempre amica. / Non somiglia ad un cuculo / E non le manca certo il ... cibo – / Eh, sì, bambini».

Текст последнего примера структурирован как ряд пятистиший со схемой AABCC. Мы предлагаем заменить ее серией четверостиший со смежной *уклоняющейся* рифмой (AABB). Четверостишия разбавлены строчкой-кодой, прилегающей к предыдущей строке и повторяющей ее *уклонение* от рифмы. Таким образом формируются рифмы-повторы (CC). Игра с *уклоняющейся рифмой* происходит между третьей и четвертой строкой. Первые две строки дают понять читателю, что перед ним – текст со смежной рифмой и он ожидает что и в следующем двустипшии тот же способ рифмовки останется. Третья же строка со своим окончанием предлагает в четвертой неминуемо неприличную рифму (в переводе удалось полностью сохранить связь с оригиналом), которой, тем не менее, в четвертой удается ко всеобщему облегчению избежать. Строка-кода (пятая) подтверждает невинность этой поэтической игры, вызывая улыбку от ее карнавалных эффектов.

Порядок слов в русской стихотворной речи в зеркале китайского языка

Гао Синь

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Китай

Сун Сяо-лин

Китайский финансово-экономический университет (Китай)

Порядок слов, инверсия, актуальное членение, стихотворная речь, китайский язык

Summary. Word order in the poetic language of Russian is greatly different from that in prosaic Russian, which is mainly manifested in the variability and flexibility of the word order in poetic uses of language. While the rhythmic organizational functions of the word order are elevated to the position of prime importance here, the communicative functions of word order are greatly downplayed and the distribution of the Theme and Rheme is relatively unconstrained. Such variability and flexibility of word order in the Russian language cannot find their counterparts in Chinese, since the strict word-order requirements of the Chinese language do not allow freely violating the standards. Thus, the issue of word order in the poetic language of Russian has become one of the key problems for Chinese students in the learning of the Russian language.

Порядок слов (далее – ПС) в русской стихотворной речи отличается большей вариативностью и свободой по сравнению с прозаической речью. И. И. Ковтунова подтверждает: в русском языке стихотворная речь отличается от прозаической речи большей свободой порядка слов ([1, 46]). Ее слова мы понимаем так, что в структуре стихотворной речи, в отличие от соответствующей структуры прозаической речи, допускается большая возможность варьирования ПС. В стихотворной речи на первый план выдвигается ритмообразующая функция порядка слов, в связи с чем значительно ослабляется и почти утрачивает свою роль функция выражения актуального членения (о функции актуального членения см. [2]). Взаиморасположение темы и ремы становится свободным ([4, 210]).

Многочисленные исследователи позиции согласованного определения, выраженного прилагательным, причастием и числительным прилагательным в русском языке, свидетельствуют о том, что нормой его расположения является препозиция ([3, 513]), причем преимущественно контактная. Например: *средняя школа, бегущий мальчик, эта книга, второе место*. В стихотворной речи соблюдение привычного расположения компонентов словосочетания не является обязательным. В стихотворной речи в субстантивных словосочетаниях с прилагательным постпозиция прилагательного так же нормативна, как и его препозиция:

Кроме того, как отмечает И. И. Ковтунова, для русской стихотворной речи характерны инверсивный ПС и дистантное расположение компонентов словосочетания ([2, 209–214]).

В данной работе будет рассматривается порядок слов стихотворной речи в русском языке в зеркале китайского языка.

Как известно, русский и китайский языки являются типологически и генетически различными. Отличительные особенности этих двух языков исходят из специфики их строя. Важнейшим различием между русским и китайским языками в области синтаксиса большинство лингвистов единодушно называют фиксированный порядок слов в китайском языке и относительно свободный в русском.

Дополнительные возможности варьирования ПС, появляющиеся в русской стихотворной речи, обычно не имеют аналогий в китайском языке: строгость организации китайских синтаксических конструкций не позволяет нарушать стандартное словорасположение. Поэтому русская стихотворная речь, особенно при восприятии стихотворной речи на слух, вызывает у китайских учащихся большие затруднения из-за большой потенциальной свободы ПС, а также из-за того, что она в меньшей степени подчиняется синтаксическим закономерностям.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что дополнительные возможности варьирования ПС, появляющиеся в русской стихотворной речи, практически не имеют аналогий в китайском языке из-за того, что строгость синтаксических конструкций китайского языка, как правило, не позволяет нарушать стандартное словорасположение.

Литература

1. Ковтунова И. И. Порядок слов в современном русском литературном языке и формирование норм словорасположения в XVIII – первой трети XIX в. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1973.
2. Ковтунова И. И. Современный русский язык (Порядок слов и актуальное членение). 2-е изд. М., 2002.
3. Панков Ф. И. Порядок слов в русском языке // Слово о русской грамматике. М., 2003.
4. Русская грамматика. М., 1980.

Актуальные теоретические аспекты сопоставительного изучения русского языка

В. Гладров

Берлинский университет им. Гумбольдта

Сопоставление системы языка и речевой деятельности, эквивалентность и адекватность, методы и приемы сопоставления

Summary. The talk focuses on the theoretical problems resulting from the broadening of the object of comparison of contrastive linguistics: equivalence and adequacy, the unilateral and bilateral methods, system- and situation-related conceptions.

Сопоставительные исследования имеют в русском языкознании прочную традицию. Контрастивная лингвистика в России характеризуется не только рассмотрением отдельных языковых единиц, но и освещением теоретических аспектов синхронного сопоставления языков (ср., напр., [Щерба 1974], [Гак 1977], [Ярцева 1981], [Ярцева 1988], [Нерознак, Гак 1989]). Эти труды, однако, сосредотачиваются, в основном, на системном устройстве языков, то есть, они устанавливают различия и сходства в лексическом составе и грамматической структуре сравниваемых языков. Между тем в последнее время в современной лингвистике наблюдается возрастающий интерес к речевым процессам, к роли говорящего и слушающего при возникновении и восприятии текста или дискурса, к учету внеязыковых факторов коммуникативной ситуации. Таким образом, значительно расширяется и изменяется объект контрастивных исследований.

Поэтому в настоящем докладе преследуется задача проверить основные теоретические понятия сопоставительных исследований относительно нового объекта контрастивной лингвистики, то есть, ответить на вопрос, в каком направлении должны развиваться такие основополагающие понятия как межъязыковая эквивалентность, методы сопоставительных исследований и приемы сопоставительного описания и как эти понятия должны быть модифицированы.

Если речь идет о сопоставлении текстов и речевых жанров, то для установления как различий и сходств, так и межъязыковых соответствий необходимо уточнить круг исход-

ных данных, то есть учесть и такие внеязыковые признаки как ситуативные, социальные, возрастные, гендерные, этнокультурные и т. д. Для установления межъязыковых соответствий на уровне речевой деятельности предлагается поэтому заменить системно-лингвистическое понятие эквивалентности коммуникативно-лингвистическим понятием адекватности. В докладе обосновывается необходимость введения понятия адекватности и показывается, в каких определенных взаимоотношениях при исследовании речевой деятельности могут находиться понятия эквивалентности и адекватности.

Вторым основным моментом доклада являются методы сопоставительных исследований. Исходя из широко применяющихся в области системного сопоставления методов одностороннего и двустороннего сравнения делается вывод, что на уровне сопоставления ситуаций речевого общения и целостных текстов нельзя обойтись без третьего члена сравнения, то есть, ситуативное сопоставление реализуется, в основном, в рамках двустороннего метода.

Третий теоретический аспект доклада – это лингвистические приемы сопоставительного описания. В области исследований речевой деятельности предлагается дополнить применяющиеся в рамках системного сопоставления приемы описания, такие как компонентный анализ значения и теория функционально-семантического поля, приемами изучения информативной структуры и прагматической установки высказываний.

Взаимодействие русского и татарского языков (на материале произведений татарской литературы конца XIX – начала XX в.)

Т. Е. Григорьева

Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева

Займствования, ассимиляция, варианты

Summary. In this research we study alternative functioning of Russian words in the Tatar Literature of the end of the XIX-th – the beginning of the XX-th century.

Русский язык во все времена своего существования играл большую цивилизующую роль в развитии языков народов, соседствующих с русским народом. Прогрессивное влияние русского языка на языки других народов находит объяснение не только в экономических, политических и культурных связях, которые устанавливались между ними на протяжении веков, но и в демократическом характере передовой русской культуры, привлекавшей к себе всех передовых людей России и способствовавшей культурному подъему и сближению народов нашей страны.

Татары и русские с давних пор живут в соседстве. В продолжение нескольких столетий происходило взаимовлияние культур этих двух народов. Обогащение словарного состава татарского языка за счет русских заимствований началось еще до присоединения Казанского ханства к русскому государству (в IX–XVI веках) и было явлением поступательным и прогрессивным.

Характер и состав ранних заимствований был обусловлен, в основном, обменом вещами и предметами быта: *рам (рама), чолан (чулан), өстэл (стол), карават (кровать), самавыр, тэлинкэ (тарелка)*...; сельскохозяйственными терминами: *ужым (озимь), сука (соха), эвен (овин)*...; одеждой: *эшләпэ (шляпа), ыштан (штаны), казаки (казакин), калуш (калоши)*; средствами передвижения; мерами длины и веса; названиями сословий. При этом основная масса слов проникала в татарский язык благодаря слуховому восприятию с голоса, подвергаясь значительным фонетико-морфологическим изменениям, искажающим порой облик русского слова до неузнаваемости: *бүрэнэ (бревно), мицкэ (бочка), эскерт (скирда), матча (матица)* и др.

Начиная примерно со второй половины XIX века, происходит не только внедрение в татарский язык русских слов и терминов, относящихся к разным областям государственной жизни, промышленности, культуры, но и замена их прежних арабо-персидских названий (непонятных для широких масс) русскими.

Особенностью послереволюционных заимствований является то, что они входили в основном через письменность и являлись результатом намеренного воздействия на развитие словарного состава, направленного на то, чтобы не допускать расхождения в написании и произношении слов в заимствующем языке и языке-источнике.

В конце XIX – начале XX-го века татарский язык и литература испытывают сильное влияние русской демократической литературы. Именно этот период характеризуется как этап формирования современного татарского литературного языка. В условиях возрастающей политической активности народных масс общественно-политическая и иная лексика, заимствованная из русского языка, органически включалась в повседневную речь и становилась неотъемлемой частью активно употребляемого словаря. Определенное представление об этой лексике дают произведения татарских поэтов, писателей, общественных деятелей: Г. Тукая, К. Насыри, Ф. Карими, Г. Исхаки, Ф. Амирхана и др., отразивших активные процессы языковых заимствований.

Язык-рецептор оказывает на новое слово ассимилирующее воздействие на всех уровнях: графическом (находит выражение в транслитерации), орфоэпическом (приспособление слова к произносительным нормам принимающего языка), грамматическом (формальное подчинение слова к

грамматической системе языка-рецептора), семантическом уровне, т. е. язык прежде должен освоить все компоненты лексического значения слова.

Лексика произведений Г. Исхаки отразила многовариантность русизмов, находящихся на этапе освоения. Учитывая степень вхождения иноязычного слова в татарский язык, заимствования можно разделить на русифицированные (выделены курсивом) и ассимилированные (выделены жирным шрифтом) Во всех исследованных произведениях наблюдается параллельное употребление фонетически ассимилированных и сохранивших русское звучание и написание слов: *прикашчигымыз*, *приказчиклар*, *прикашчиклар*. Сочетание *-шч*, *-щч* являются попыткой отразить ассимилирующее действие суффикса на конечный согласный корня. Данные примеры можно отнести к фонетико-графическим вариантам. Отсутствие категории рода вело к тому, что у большинства русизмов женского рода в татарском языке отсутствует флексия *-а / -ка*: *салфет*, *телеграм*. То же явление в словах *кляуз* (в ед. ч.), *кантур*, *кэрзин*, *гэзит*, *террас*, *кают*, *минут*, *цифр* и др.

В татарской фонетической системе нет долгого звука *о*, вследствие чего в заимствованиях из русского языка вместо него употребляется долгое *у*: *расхутын* (*расход*); *кантурга* (*кантора*); *дуктырга* (*доктор*).

В следующих заимствованных словах признаком ассимилированности является подчинение гласных закону сингармонизма и замена чуждого для татарского языка звука *ц* на *с*: *эфисэр* наряду с русифицированной формой *офисер*; «Финляндиянец станцисенэ, *стансага*, *корзиналар*, чемоданнар төянеп... *кэрзиннэрэннән* ...ашамлыклар

чыгарып...»; «...батюшканы благословить итүдән»; «Пажалысты, *бәтүшкә*...».

В некоторых случаях приспособление заимствований к системе татарского языка прослеживается в дифференцированном употреблении вариантов одного и того же слова. Например, в ранних произведениях Г. Исхаки слово *кенәгә*, отвечающее орфоэпическим нормам татарского языка, представлено в авторской речи, а *книгә*, сохранившее частично русское написание, – в речи персонажей: «...зэ́кят *книгәсен* чыгар», «*кенәгәне* алып язарга тотына», «шундагы зур *книгәне* дә китер әле», «... *памятный кенәгәсен* алып...».

Примером окказиональности в вариантном ряду русизмов у Г. Исхаки служит слово *забастовка*: «...*бастовкалар* сездә бик зур булдымы?» наряду с «...забастовка елы йитте». Это лишь немногие образцы функционирования заимствованных слов в художественном тексте. Процесс взаимодействия и взаимовлияния контактирующих языков сложен и далеко не прямолинеен и требует дальнейшего кропотливого изучения.

Литература

1. Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.
2. Байрамова Л. К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. Казань, 2001.
3. Габдреева Н. В. Лексика французского происхождения в русском языке. Ижевск, 2001.
4. Исхакий Г. Сайланма Әсәрләр. Т 5. Казан, 2002.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.
6. Штотова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

Когнитивный анализ мотивированной лексики русского языка (в сопоставлении с польским и казахским языками)

А. Д. Жакупова

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова (Казахстан)

Когнитивно-мотивологический анализ, показания языкового сознания, концепт, фрейм

Summary. The report based on the data of language consciousness of the native speakers deals with the cognitive-motivological analysis of the names of birds of the Russian language in comparison with those of the Polish and the Kazakh languages.

В последние десятилетия интенсивное развитие получила сопоставительная мотивология, в рамках которой изучается лексическое явление мотивации слов в различных языках или диалектах, выявляется специфика осознания мотивированных лексических единиц представителями разных лингвокультурных обществ ([Блинова 1994], [Адилова (Жакупова) 1994, 1996, 1998, 1999], [Велединская 1997], [Козлова 1998], [Филатова 2004], [Чижик 2005] и др.).

Уникальным источником для выявления знаний, отраженных в мозгу человека и хранящих информацию о том, как человек воспринимает и осмысляет языковую и неязыковую действительность служат показания языкового сознания (ПЯС) носителей языка, полученные в результате свободных и целенаправленных экспериментов. Поскольку мотивация рассматривается современной лингвистикой как сложное когнитивное явление – один из способов познания и осознания окружающего мира, то ее изучение невозможно без обращения к ПЯС носителей языка. «...мотивированность / немотивированность ЛЕ определяется осознанием носителем языка связи звучания и значения слова, основанном на ассоциации с другими ЛЕ» [1, 32].

Основной задачей сопоставительно-мотивологического исследования в когнитивном аспекте является описание процесса мотивации (осознание мотивированности слов) как лингвопсихоментальной сущности, обусловленной когнитивными реляциями сознания.

Основные тезисы доклада.

1. Мотивологический анализ слова имеет когнитивную природу, поскольку основан на углубленном и системном анализе собственной (исследовательской) и языковой (коллективной, «обиходной») рефлексии. Механизм осознания мотивированности языкового знака, происходящий в сознании говорящего, основан на принципах синхронности, системности, антропоцентризма, лексикоцентризма, функционализма.

2. Глубинный характер осмысления человеком языковой действительности связан с его когнитивными способностями – умением классифицировать, упорядочивать, систематизировать явления, обнаруживать их сходства и различия ([2, 96]). Ведущая роль здесь принадлежит категоризации как основополагающего принципа человеческой деятельности и мышления.

3. Когнитивно-мотивологический анализ (КМА) мотивированных слов русского языка в сопоставлении с другими языками (в нашем исследовании – польский, казахский) позволяет выявить категории, которые оказываются наиболее актуальными в той или иной языковой общности.

4. Анализ ПЯС носителей языков способствует выявлению концептов, существующих в сознании человека и определяющих взаимоотношения человека с миром в ходе предметно-познавательной деятельности. Обращение к языковому сознанию – это основное условие КМА. По А. Вежбицкой, для того, чтобы описать семантику слова, то есть соответствующий ему образ, надо исследовать языковое сознание говорящих, а не внешний мир, в котором нет этих образов, а есть реальные объекты ([3, 66]). ПЯС в нашем исследовании представляют собой метатексты, полученные в ходе лингвистического эксперимента методом анкетирования, фиксирующие акт осознания носителями языков мотивированных наименований птиц. Основные источники исследования подразделяются на две группы: 1) ПЯС носителей сопоставляемых языков, выявленные в ходе проведения лингвистического эксперимента (приблизительно по 100 ответов на каждое слово). Всего 30 000 ПЯС; 2) словари и специальная литература по орнитологии на русском, польском, казахском языках.

5. Концептаульному анализу в мотивологии предшествует собственно мотивологический анализ (МА), ориентированный на познание сущности явления мотивации слов. МА нацелен, в первую очередь, на выявление мотивировочных и классификационных признаков, лексических и структурных мотиваторов, мотивирующей и формантной части слова, внутренней формы слова (метафорической, вариантной, лексикализованной), типов мотивированности и т. д. ([4]).

Результаты МА являются исходными для концептуального анализа, связанного с языковой ментальностью. Отсюда, под концептом мы понимаем мысленную, ментальную категорию, которая в языке находит свое воплощение на лексическом уровне. Понятие лексического концепта.

6. Когнитивно-мотивологический анализ лексики предполагает использование фреймовой модели экспликации знаний о мире. В сознании человека при восприятии и осознании мотивированного наименования птицы с целью воссоздания образа, в первую очередь, возникает представление об объекте, наделенном крыльями, покрытым перьями. Это **базовый** (обобщенный) фрейм, созданный путем категоризации «...подобная категоризация происходит автоматически и бессознательно, а способность к категоризации заложена в самом человеческом разуме» [5, 9]. Базовый фрейм представляет собой базовое знание, которое существует в коллективном языковом сознании носителей разных языков. Базовый фрейм содержит наиболее важные, существенные признаки предмета. На основе базовых фреймов формируются уровневые фреймы, составляющие ядро и периферию. Благодаря ассоциативной способности языкового сознания соотносить (сопоставлять) одни лексические единицы с другими, вычлняется **ядерный** фрейм. Например, «малиновка – птица, обитающая в малине», «малиновка – птица, питающаяся малиной», «малиновка – птица розовой окраски, цвета малины». Все носители русского языка связывают наименование данной птицы с малиной – сладкой ягодой розового цвета. Это знание отражено в ПЯС. В качестве **периферийного** фрейма выступают такие компоненты ПЯС, как *обитающая в, питающаяся, розовой окраски*. Знания, составля-

ющие ядерный фрейм, являются актуальными, первичными, постоянными; знания, составляющие периферийный фрейм, являются потенциальными, вторичными, изменчивыми.

7. КМА наименований птиц с точки зрения восприятия и осознания их носителями разных языков позволил выделить 7 слотов, формирующих ядерный фрейм (таксономический, колоративный, нутритивный, локативный, темпоральный, симилиративный, бихевиористический) и 3 слота, формирующих периферийный фрейм (характеризующий, метафорический, оценочный).

Периферийные фреймы могут быть вариантными в зависимости от полимотивации слов и от различного восприятия носителями языка одного и того же наименования птицы.

Когнитивно-мотивологический анализ носит концептуальный характер и направлен на выявление знаний о *знании*. Анализ ПЯС носителей языка позволяет определить структуру фрейма как единицы представления знаний, обеспечивающей когнитивную обработку хранящейся в памяти информации.

Литература

1. Блинова О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект. Томск, 1984.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М, 2004.
3. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.
4. Адилова А. Д. (Жакупова). Принципы мотивологического исследования лексики и его аспекты. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1996.
5. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.

Коды культуры в раскрытии метафорического ряда концепта

Е. С. Жернакова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лингвокультурология, концепт, метафорический ряд, коды культуры

Summary. As one of the ways of the linguistic analysis of the metaphoric aspect of a «concept» (mental representation) we offer a method, based on the recognition of the cognitive structures, called «cultural codes».

Настоящий период расцвета в наши дни переживает лингвокультурология, в рамках которой особое место занимает концептология, где объектом исследования являются зафиксированные в национальном сознании носителей того или иного языка вербализованные смыслы, отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни (телеономные) лингвокультурные концепты. Предмет исследования этой относительно молодой науки составляют общие и этноспецифические свойства этих лингвоментальных образований, раскрывающиеся, на наш взгляд, через соотношение и взаимодействие в их семантике трех составляющих: понятийной, отражающей их дефинитивную структуру, образной, фиксирующей ассоциативный, образный, метафорический ряд, поддерживающий эти концепты в языковом сознании, и значимостной, определяемой местом, которое занимает имя концепта в системе конкретного языка.

Концепты реализуются в языке различными способами. Описание концепта заключается в выявлении и анализе максимального набора способов его обозначения в языке. Как правило, концепт приписывается лексеме. Отметим однако, что содержание концепта всегда неизмеримо шире значения лексемы. Ни одно слово ни в одном акте речи не может выразить все содержание концепта, так как содержание концепта никогда не востребовано в общении в полном объеме в силу своего глобального объема. Мы относим к содержанию и выражению концепта синонимический и антонимический ряды, ассоциативные ряды, метафоры и символы. Для раскрытия полного содержания концепта необходимо как можно полное и объемное исследование каждой из его составляющих, выраженных в языке. Анализ метафорического ряда концепта мы предлагаем проводить на основе выделения кодов культуры.

На сегодняшний день теория метафоры разработана достаточно подробно как в отечественной, так и зарубежной лингвистике. В терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры называются структурными (то есть это такие метафоры, когда одно понятие метафориче-

ски структурировано в терминах другого). Наряду со структурными, данные американские исследователи выделяют ориентационные, или пространственные (когда происходит организация целой системы концептов относительно другой системы), онтологические метафоры и персонификацию. Подобно тому, как опыт пространственной ориентации человека порождает ориентационные метафоры, опыт обращения с материальными объектами (особенно с нашим собственным телом) создает основу для широкого разнообразия онтологических метафор. К данной категории относятся все попытки осмысления сущностей на основе человеческого опыта. Персонификация же позволяет осмыслить наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей, что способствует большему осмыслению и пониманию абстрактных категорий.

Элементы сходства со взглядом американских лингвистов носит и наше представление типологии метафор, излагаемое в данной статье. Мы предлагаем классификацию метафор, в основе которой выделяем базовые структуры представления знания, категоризирующие и оценивающие окружающий мир. Вслед за В. В. Красных мы называем эти структуры кодами культуры. По определению В. В. Красных, «код культуры есть сетка, которую культура «набрасывает» на оружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, 298]. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека и как феномен являются универсальными, то есть свойственными человеку как *homo sapiens*, однако метафоры, в которых они реализуются, национально детерминированы, обусловлены конкретной культурой. Концепт может метафорически репрезентироваться в языке, отражая шесть базовых кодов культуры, выделенных В. В. Красных: соматический (телесный), биоморфный, предметный, пространственный, временной (темпоральный), духовный.

1. **Соматический код** является, пожалуй, наиболее древним. К нему относятся попытки осмысления сущностей на основе человеческого опыта. Отметим, что антропоморф-

ные признаки могут быть весьма разнообразными и многочисленными в объективации эмотивных концептов.

2. **Биоморфный** код связан с живыми существами, населяющими окружающий мир, сюда же мы относим и растительный мир.

3. В предметном коде в качестве области-источника выступают знания о различных предметах окружающего нас мира, принадлежащие к фонду общей для всех носителей языка информации.

4. **Пространственный код** связан с членением пространства, а также ориентацией в нем. Типы пространственных отношений (верх – низ, внутри – снаружи, глубокий – мелкий, центральный – периферийный) возникают вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром.

5. **Темпоральный код** фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси.

6. **Духовный код** культуры составляют нравственные ценности, эталоны и связанные с ними нравственные базовые оппозиции культуры. Этот код аксиологичен, он пронизывает все наше бытие, предопределяет оценки, даваемые нами себе и окружающему миру. На этот код, фактически,

«работают» все коды, рассмотренные нами выше, он тесно связан с ними, и особенно с предметным кодом.

В завершении отметим, что как понятие кодов культуры, так и понятие концепта представляют собой интересный и обширный материал для дальнейших лингвистических изысканий. Одним из аспектов изучения концептов является анализ метафорического осмысления составляющих концепта, открывающий лингвисту перспективное, и на данный момент малообработанное, поле исследований.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
5. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц языка. М., 1986.

Фонетико-фонологическая интерпретация [j] и [i] в русском и новогреческом языках

Е. Ф. Журавлёва

Университет Западной Македонии (Греция)

Звук, фонема, согласный, гласный, произношение, окончание

Summary. Speech the sounds [i] and [j] in Russian and Greek Languages are examined on phonetical and pfonological leves. The reasons of the pronunciation by the Greek students of the adjectives of masculine gender which end at *-ij* are analyzed.

А он, j-ик... так и остался одиноком и несчастным в богатой системе фонем русского языка.

Еськова Н. А. Печальная повесть о j-ике. М. 1967. Изд. 2-е (ротапринт).

Выбор темы обоснован: 1) трудностями, которые испытывают греческие студенты при произношении окончания прилагательных на *-ий*; 2) проблемностью соотношения [i] и [j] в русском и новогреческом языках; 3) отсутствием сопоставительных исследований в этом плане.

1. Графическое представление звука [i] в русском и новогреческом языках:

	[i] русский язык
<i>и</i>	под ударением: <i>ил</i> [iɪ]
<i>е</i>	в 1-й слабой позиции: <i>леса</i> [l'isá]
<i>е</i>	во 2-й слабой позиции: <i>лесовоз</i> [l'isavós]
	[i] новогреческий язык
<i>ι</i>	<i>μίνα</i> [mína] 'шахта'
<i>η</i>	<i>μίλος</i> [mílo]
<i>υ</i>	<i>μίτι</i> [mítí] 'нос'
<i>ει</i>	<i>μείον</i> [míon] 'меньше'
<i>οι</i>	<i>μείρα</i> [míra] 'доля'
<i>υι</i>	<i>υιός</i> [iós] 'сын'

2. Графическое представление звука [j] в русском и новогреческом языках:

	[j] русский язык
<i>ё</i>	<i>ёлка</i> [jólka]
<i>е</i>	<i>съезд</i> [sjesj]
<i>ю</i>	<i>вьюга</i> [v'júga]
<i>я</i>	<i>струя</i> [strujá]
	[j] новогреческий язык
<i>γ + ι</i>	<i>γίνομαι</i> 'становиться'
<i>γ + υ</i>	<i>γύρος</i> 'шаурма'
<i>γ + η</i>	<i>γη</i> 'земля'
<i>γ + ει</i>	<i>γεια σου</i> 'здравствуй'.

3. Фонема /i/ в русском языке

[i]	<i>имя</i> [im'a]
[i]	<i>лиса</i> [l'isá]
[ы]	<i>был</i> [byl]

Фонема /i/ в новогреческом языке [1, 12–13], [2, 8]

[i]	<i>μίτι</i> [mítí] 'нос'
[i]	<i>παιδίον</i> [pedíu] 'дитя'
[γ'] + <i>i, e</i>	<i>φαγίον</i> [faγ'ú] 'еды'.

В обоих языках [i] – это гласный переднего ряда верхнего подъема нелабиализованный.

4. Фонема /j/ в русском языке может реализоваться:

[j]	[strujá] (основной вид)
[i]	[mái] ([и] неслоговое) [3, 79]
[∅]	[al'éi] от [al'éja].

В новогреческом языке фонема /j/ отсутствует. Есть звук [j] – палатальный, фрикативный, звонкий, являющийся аллофоном фонем /γ/ и /i/.

В консонантной системе новогреческого языка есть фонема /γ/, которая реализуется следующим образом:

[γ] + <i>a, o, u</i>	<i>γόνατο</i> [γónato] /γonato/ 'колесо'
[j] + <i>i</i>	<i>γύρος</i> [jíros] /γiros/ 'шаурма'
[j] + <i>e</i>	<i>γέρος</i> [jéros] /γeros/ 'старик'
[γ] + <i>ia</i>	<i>μαγιά</i> [majía] /mayia/ 'дрожжи'.

5. Для выяснения причин ошибок студентов: замене в окончаниях *-ий* звука [й] на [x] следует рассмотреть дистрибуцию этих звуков во всей системе, каковы особенности их поведения, какова их функция в языке. В новогреческом звуковом строе безударное [i] в позиции перед гласными может выступать в следующих вариантах:

а) в виде звука [i], смягчая предыдущий согласный: *κιάλια* [k'ália] /kialia/ 'труба';

б) в виде звука [j]: *γιατρός* [jatrós] /iatros/ 'врач';

в) в виде палатального звука [x']: *ποιός* [px'os] /pios/ 'кто?'

Последние две позиции для нас очень значимы, поскольку звуки [j] и [x'] (= ç в МФА) – это палатальные звуки, соотносительные [γ] и [χ]. То есть [γ] и [j] – это звонкие, а [x] и [x'] – их парные глухие. Иначе говоря, в греческом языке мы имеем пары по глухости-звонкости [γ] – [x] и [j] – [x'], то, чего нет в русском языке и что может послужить одной из причин произношения греческими студентами окончания *-их* вместо *-ий*. Peter Mackridge [4, 64–65] с помощью минимальных пар доказывает наличие самостоятельных трех звуков [i], [j] и [x'] в греческой консонантной системе, среди которых глухой палатальный /x'/ является парным звонкому палатальному [j].

6. В русской консонантной системе отсутствует палатальный глухой [x']. Хотя, по мнению А. В. Исаченко [5, 116–124], в некоторых случаях он может появиться. И объясняет он это следующим образом. Поскольку для русского языка характерно оглушение звонких согласных в конце слова, в не-

которых случаях происходит подобное и с палатальным [j], который утрачивает свою звонкость в позиции конца слова. В результате фрикативный звонкий [j] превращается в глухой ему парный [xʰ]. Причем, как отмечает далее Исаченко, такое явление он наблюдал «у начинающих, когда им старательно диктовали русский текст и стремились отчетливо и ясно артикулировать сочетания типа *этих мнений...* или *летний день*, где конечное *-й* было слышно как глухой [j], и поэтому писали “*этих мнений*” и “*летних день*” – Ясно, что в таких позициях артикулировалось [xʰ]». Подобное явление наблюдается и в речи греческих студентов. Как в сплошном тексте для чтения, так и в отдельных упражнениях с прилагательными на *-ий*, большинство студентов (18 из 25) произносили *-их* вместо *-ий*: *крепких чай, летних сад, сладких сок, синих цвет, этих линих, наших мнений*, а так же *нет молних* и т. п. Несколько реже, но тоже встречается замена *й* на *х* после гласных переднего ряда в словах типа: *первый, милый, белый, черный, зеленый, большой, большой, плохой, домой* и т. п. Произносительные ошибки отражаются и в орфографии.

Выводы

Причинами произношения и написания окончаний *-их* вместо *-ий* являются:

- 1) схожесть артикуляций [i] и [j],
- 2) влияние родного языка, а именно: наличие в нем глухого палатального [xʰ],
- 3) отсутствие в греческом языке сочетания i + [и] неслоговое в конце слова,
- 4) оглушение звонкого палатального [j] и его варианта [и] неслогового в глухой [xʰ] в позиции конца слова.

Литература

1. Mirambel A. Η νέα ελληνική γλώσσα. Περγραφή και ανάλυση. Θεσσαλονίκη 1978.
2. Σετάτος Μ. Φωνολογία της κοινής νεοελληνικής. Αθήνα. Παλαζήση. 1974.
3. Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., 1975.
4. Mackridge P. Η νεοελληνική γλώσσα. Πατάκη. Αθήνα. 1987.
5. Isačenko A. V. Der Schwund des intorvokalischen [j] im Russischen // Zeitschrift für Phonetik und allegemenine Sprachwissenschaft. Bd 2, 1–4. Berlin, 1959.

Русский и чешский императив: к вопросу о полной парадигме

А. И. Изотов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Чешский язык, императив, корпусная лингвистика

Summary. In the report constructions which might be interpreted as forms of analytical imperative in modern Russian and Czech languages are regarded. The functioning of Czech imperative constructions is described in accordance with the data of Czech National Corpus.

Вопрос о составе полной парадигмы императива отнюдь не тривиален. В связи с императивом как грамматикализованным средством выражения побуждения в научной литературе упоминаются также гортатив (побуждение к совместному действию), юссив (косвенное побуждение, побуждение «третьего лица»), прохибитив («отрицательное» побуждение, запрет действия), адмонитив (предостережение относительно возможных негативных последствий планируемого действия). Тем самым устройство глагольной парадигмы в естественном языке будет различным в зависимости, например, от того, будут ли интерпретироваться показатели гортатива и юссива как морфологические образования на базе собственно императива, или же как полностью самостоятельные, ср. [2, 318–320]. Мы склонны исходить из «расширенного» понимания императива и императивности, наиболее полно представленного в концепции В. С. Храковского, по мнению которого «русская императивная парадигма включает восемь личных форм, образующих четыре пары, причем отдельные формы представлены несколькими вариантами: I пара – формы 2-го л.: 1) *пой* (НСВ), *спой* (СВ); 2) *пойте* (НСВ), *спойте* (СВ); II пара – формы совместного лица (2-е л. + 1-е л.): 3) а. *споем* (СВ), *будем петь* (НСВ), б. *давай споем* (СВ), *давай (будем) петь* (НСВ); 4) а. *споемте* (СВ), *будемте петь* (НСВ), б. *давайте споем* (СВ), *давайте (будем / те) петь* (НСВ); III пара – формы 3-го л.: 5) *пусть / пускай (он / она) поет* (НСВ) / *споет* (СВ); 6) *пусть / пускай (они) поют* (НСВ) / *споют* (СВ); IV пара – формы 1-го л. ед. ч.: 7) *дай спюю* (СВ), 8) *дайте спюю* (СВ); 7–8) *спюю* (СВ)» [3, 198], ср. также [5], [4]. В качестве аналитических императивных форм в русском языке могут быть рассмотрены также формы типа *спюю-ка*, *споем-ка* и *да будет низложен*.

В современном чешском языке представлены три парадигматические формы синтетического императива (2 лица ед. числа, 2 лица мн. числа и 1 лица мн. числа), две непарадигматические формы синтетического императива (3 лица ед. числа, 3 лица мн. числа; в первом случае речь идет о релактах парадигматических праславянских форм императива, во втором – об аналогическом образовании, подробнее см. [1, 221–224]), а также целый ряд аналитических конструкций, которые могут интерпретироваться в качестве форм аналитического императива.

В существующих наиболее авторитетных грамматических описаниях чешского языка общего характера в качестве аналитических императивных форм отмечаются сочетания *a1' + индикатив*, *pojď(te / te) + инфинитив*, *běž(te) + инфинитив*, *koukej(te) + инфинитив*, *hleď(te) + инфинитив*, *chraň(te) se +*

инфинитив, *opovaž(te) se + инфинитив*, *varuj(te) se + инфинитив*, *střež(te) se + инфинитив*, *rač(te) + инфинитив*; *bud'(i)ž / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие*, см. [6, 66–79], [7, 334–346]. В посвященной чешскому императиву и вокативу монографии упоминается также конструкция *necht' + индикатив* (как эквивалентная конструкции *a1' + индикатив*), см. [8, 16, 22]. Мы проверили функционирование данных форм и конструкций по материалам Чешского национального корпуса, прежде всего стомиллионных подкорпусов современных письменных чешских текстов SYN2000 и SYN2005, см. сайт Института Чешского национального корпуса <http://ucnk.ff.cuni.cz/>.

Обслуживающая Чешский национальный корпус программа Bonito предоставляет возможность вести поиск по **словоформе, лексеме** или **грамматической матрице**, а также по их комбинации. Например, поиск по формуле [word="[Aa]i"[ ] [0,5] [tag="VB.S...3.*"] дает 14 851 контекстов в корпусе SYN2000 и 21 110 контекстов в корпусе SYN2005 (задав эту формулу, мы получим все представленные в том или ином корпусе сочетания последовательности графем *A1'* или *a1'* с презентно-футуральной формой индикатива 3 лица с интервалом от 0 до 5 произвольных слов между ними; мы можем задать сколь угодно больший или меньший интервал). Отметим, что это вполне сопоставимо с употребительностью парадигматических форм синтетического императива: поиск форм синтетического императива 2 лица ед. числа (формула [tag=".i.S...2.*"]) дает 69 395 контекстов в корпусе SYN2000 и 110 263 контекстов в корпусе SYN2005, поиск форм синтетического императива 2 лица мн. числа (формула [tag=".i.P...2.*"]) дает 78 225 контекстов в корпусе SYN2000 и 110 836 контекстов в корпусе SYN2005, поиск форм синтетического императива 1 лица мн. числа (формула [tag=".i.P...1.*"]) дает 20 231 контекстов в корпусе SYN2000 и 19 389 контекстов в корпусе SYN2005. Естественно, что не все найденные программой комбинации *a1' < ... > презентно-футуральная форма индикатива 3 лица* являются аналитическими императивными конструкциями. Например, словоформа *a1'* и форма индикатива могут относиться к разным предложениям – к сожалению, в настоящее время выбор предусмотренной разработчиками Bonito опции within <S> («искать в пределах одного предложения»), как выяснилось, при поиске через русский Интернет приводит, как правило, к разрыву соединения. Кроме того, поскольку большая часть текстов SYN2000 и SYN2005 размечена автоматически, возможны случаи неверной разметки. Поэтому автоматический поиск сопровождался визуальным контролем контекстов.

Анализ функционирования рассмотренных конструкций в текстах SYN2000 и SYN2005 показывает, что конструкции, состоящие из сочетания элементов *a'* или *necht'* и презентно-футуральной формы индикатива, а также сочетания *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие* и *a' + инд. наст. вр. глагола býti + краткое страдательное причастие* являются полноценными аналитическими формами императива, дублирующими и / или дополняющими эталонные синтетические императивные формы 2 лица ед. и мн. числа, а также 1 лица мн. числа, при этом употребительность конструкции *a' + презентно-футуральная форма индикатива 3 лица* сопоставима с употребительностью конструкций с названными эталонными синтетическими императивными формами. Употребительность остальных из названных аналитических императивных форм на порядки ниже, однако достаточно велика, чтобы сделать возможным полноценный анализ их стилиевой и стилистической значимости. Конструкции же *pojď(te / me) + инфинитив, běž(te) + инфинитив, koukej(te) + инфинитив, hleď(te) + инфинитив, chraň(te) se + инфинитив, opovaž(te) se + инфинитив, varuj(te) se + инфинитив, střež(te) se + инфинитив, rač(te) + инфинитив*, иногда интерпретируемые в качестве аналитических императивных форм, как показывает их функциони-

рование в текстах SYN2000 и SYN2005, лишь примакивают парадигме чешского императива, но не являются ее полноценными составляющими. Иначе говоря, в их случае речь идет об аналитических императивных конструкциях, но не о формах аналитического императива.

Литература

1. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Врно, 2005; аутентичная печатная электронная версия см. <http://www.philol.msu.ru/~slavphil/staff/izotov.html>.
2. Плузьян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 2-е. М., 2003.
3. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
4. Типология императивных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб., 1992.
5. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986; 2-е изд., стереотип. М., 2002.
6. Grepl M., Karlík P. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1986.
7. Mlunvice češtiny. Praha, 1987. D. III.
8. Svobodová J. Syntaktická charakteristika imperativu a vokativu v českých výzvočných větách. Praha, 1987.

Трудности русской интонации для говорящих на тональных языках

М. И. Каплун

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Summary. In the teaching of Russian as a foreign language, both the linguistic properties of the international audience with a knowledge of the tonal and accent languages which are typologically different, and those of the tonal languages themselves – the contour type in Chinese and Vietnamese, and register type in Hausa and Ibo, are worth being considered.

1. В практике преподавания интонации русского языка как иностранного используется, как правило, два основных способа описания интонационной системы языка. «Одни описания основываются преимущественно на значениях, передаваемых интонацией, и тогда в качестве единиц фигурируют интонации вопроса, сообщения, пояснения, перечисления. Другие базируются в основном на форме интонационного контура, и тогда в качестве единиц интонационной системы выступает большее или меньшее количество мелодий, интонаций, интонационных конструкций, моделей, выделяемых по формальным признакам» [1, 31].

2. Сначала необходимо определить само понятие «иностранный аудитория». Очевидно, это предполагает, что основы русской интонации преподаются представителям типологически разных языков – акцентных и тональных. Конечно, можно согласиться с мнением «что если рассматривать интонацию только с фонетической точки, то материальный субстрат, реализуемый в весьма ограниченном наборе основных параметров (частотных, амплитудных, временных, спектральных) можно без труда найти в любом языке и владение мелодическими, силовыми, темпоральными модуляциями может быть обязательным как для говорящих на тональном языке, так и не тональном языке» [2, 306] Однако практика обучения интонации русского языка должна предполагать необходимость учета типологических особенностей акцентных и тональных языков, так как «фонематическая система родного языка накладывает ограничения на то, что человек слышит в чужом языке». [3, 270] Акустические признаки, составляющие интонацию одни и те же во всех языках (тональных и акцентных), но их функционально значимое структурирование разное. Носители акцентных языков будут гораздо проще воспринимать принципы и особенности русской интонационной системы, потому что просодическое устройство предложения в этих языках также, как и в русском, базируется на взаимодействии ударения и интонации.

3. Иную картину мы наблюдаем в тональных языках, в которых на просодическом уровне наблюдается соотношение слогового (словесного) тона и интонации. И это обстоятельство уже требует иных методических подходов, так как здесь, очевидно, будет другой участок потенциальной интерференции в русской речи иностранцев. Особенно в таких totally тоновых языках, как китайский, вьетнамский, тайский и др., обладающие «богатыми» тональными системами, тоны которых базируются на контурных противопоставлениях. Акустические скрепы контурных тонов, как из-

вестно, необычайно крепки и мало подвержены влиянию интонации и другим превращениям контекста. Например, когда двуслоги китайского и вьетнамского языков были вычленены из контекста и предложены аудиторам на опознание, то китайцы дали 85% правильных ответов, а вьетнамцы все 100%.

4. Еще в 80-е годы прошлого столетия многие исследователи тональных языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии работали в рамках вполне устойчивого лингвистического постулата, что просодическая система тонального языка зиждется на тональных противопоставлениях, а интонация практически полностью замещается или поглощается этими тональными противопоставлениями. «Фразовая интонация как средство оформления единого синтаксического целого не имеет во вьетнамском языке собственных признаков, которые не были бы присущи соответствующим тонам. Во вьетнамском языке не наблюдается никакого особого интонационного оформления, которое заменяло бы тональную характеристику слов...» [4, 48].

Этот весьма спорный тезис базируется на том, что в тональной системе вьетнамского языка каждый из шести тонов очень жестко акустически структурирован, и это в свою очередь предполагает минимальную степень нейтрализации каждого из них в любых контекстных ситуациях. Но тоны, как бы устойчивы они ни были и интонация, это просодии разные. Это касается всех определяющих интонационных оппозиций: интонационное противопоставление основных коммуникативных типов (утверждение, вопрос, побуждение), «тема – рема», «завершенность – незавершенность» и др.

5. Иная стратегия обучения русской интонации может быть в африканской аудитории, где собраны носители тональных языков нигеро-кардафанской группы, чадских, сахарских языков, группы манде. Специфика соотношения тона и интонации и представляет основную трудность усвоения русской интонации носителями этих тональных языков.

В этих языках тоны регистровые с небольшими варьируемыми контурами. Они менее устойчивы, легче поддаются интонационному влиянию. Ярким примером этого может служить язык хауса, тональная система которого состоит из двух регистровых тонов. Невыразительная модуляция этих тонов, особенно в конце фразы, ведет к нейтрализации их интонацией. В просодической системе хауса, как собственно и в других регистровых тональных системах, интонация, как правило, подчиняет лексический тон, о чем может свидетельствовать следующий эксперимент. В повествователь-

ных предложениях, все слова которых в письменном варианте были маркированы высоким тоном, при их дикторской реализации оказались сглаженными повествовательной (точковой) интонацией, т. е. не наблюдалась модель «высокий + высокий + высокий» тон, а, напротив, «низкий + низкий + низкий» тон.

В практике преподавания интонации русского языка как иностранного необходимо учитывать языковую специфику иностранной аудитории, говорящей не только на типологически разных языках – тональных и акцентных, но и особенности просодических систем самих тональных язы-

ков – контурных (китайский, вьетнамский) и регистровых (хауса, ибo).

Литература

1. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
2. Хромов С. С. Системное описание интонации в лингводидактических целях. Докторская диссертация. М., 2000.
3. Румянцев М. К. Машинное моделирование речи (на материале китайского языка). М., 1990.
4. Гордина М. В., Быстров И. С. Фонетический строй вьетнамского языка. М., 1984.

Факторы, влияющие на оформление именной группы при переводе нулевого актуализатора с русского языка на испанский

Э. Ф. Керо Хервилья

Гранадский Университет (Испания)

Функциональная сопоставительная грамматика, определенность / неопределенность, референциальный подход, нулевой актуализатор

Summary. The concept of determination and indetermination has been explained, historically in many different ways. In this article we analyze different theories explaining the this category and, afterwards, we propose a new system for analyzing this category based on reference theory. We analyze factors that should be take into account when translating nominal groups without article form Russian into Spanish.

Понятие определенности / неопределенности не имеет однозначной трактовки в научной литературе. Наиболее распространенными являются теории, в которых определенной считается именная группа (далее ИГ) с определенным артиклем, а неопределенной – ИГ с неопределенным артиклем или с любой другой лексемой, выражающей неопределенность. Как правило, при описании выражения этой категории в неартиклевых языках для установления характера ИГ с точки зрения ее определенности / неопределенности используется следующая методика: в том случае, если ИГ переводится на артиклевый язык с помощью определенного артикля, ИГ является определенной, а если ИГ переводится на артиклевый язык с помощью неопределенного артикля или любой другой лексики, выражающей неопределенный характер ИГ, ИГ является неопределенной. Но подобное рассмотрение этого вопроса слишком его упрощает, при этом упускается множество факторов, которые необходимо учитывать, рассматривая данную проблему. Это становится особенно ясно при анализе существующих различий при употреблении определенного артикля в артиклевых языках. Например, в высказывании *Я люблю мороженое* ИГ, выполняющая функцию прямого дополнения, переводится по-разному на разные артиклевые языки: *Я люблю мороженое / Me gusta el helado / I like ice cream / Mi piace il gelato / J'aime le glace*. Разграничение высказываний такого типа составляет трудность для носителей неартиклевых языков (в том числе и славянских). Таким образом, следует, что понятие определенности-неопределенности без учета контекста, не имеет значения.

В русском языке, как это указывалось во многих работах (см., например, [1, 25]), категория определенности / неопределенности существует как скрытая категория или крипто-тип (о скрытых категориях см. подробнее там же). Среди средств выражения названной категории в русском языке отмечаются эксплицитные (эти способы связаны с употреблением местоимений *этот, тот, кое-кто, кто-то, кто-нибудь* и т. д.) и имплицитные, такие как:

- позиция в предложении: *Книга лежит на полке* и *На полке лежит книга*. Вспомним здесь же примеры из работы П. Рестана ([7, 475]): *Раскрываются почки* и *Концерт начинается*;
- грамматические категории существительного: *Дай воды (воду)*, (подробнее см. об этом [4], [3], [2]);
- глагольная категория вида: *Он прочитал книгу / Él ha leído el libro; Он читает книгу / Él lee un libro*.

Под нулевым актуализатором в русском языке мы понимаем «актуализацию ИГ лишь включением слова в состав предложения» [5, 85], и, для того чтобы найти эквивалент русского нулевого актуализатора в испанском языке, нужно проанализировать и учесть факторы, обуславливающие употребление определенных эквивалентов.

В нашей работе мы попытаемся, рассматривая в совокупности имплицитные способы выражения определенности /

неопределенности в русском языке, установить правила, позволяющие определить соответствующий эквивалент в испанском языке при условии отсутствия актуализатора в русском.

Категория определенности / неопределенности является категорией референциальной. С изучением названной категории непосредственно связаны классические работы по теории референции, где ее описание опирается на такие лингвистические понятия, как принцип контекста, сочетаемости и взаимозаменяемости ([Фреге 1952]), коннотативные и неконнотативные значения ([Милль 1982]), теория дескрипции ([6]), различие между понятиями «предложение» и «высказывание» ([8]).

Продоланный анализ показывает, что различные существующие теории, устанавливающие тип ИГ с точки зрения ее определенности / неопределенности, носят несистемный характер и только отчасти решают поставленную задачу. Специфика данной категории способствует поиску другого метода анализа, позволяющего сопоставлять языки, разные с типологической точки зрения. Референциальный подход, благодаря своему универсальному характеру, создает необходимую базу для изучения данной категории, однако, будучи основным в таком исследовании, он не является не единственным.

При установлении эквивалентов в этих типологически разных языках определяющими факторами являются фиксированность или нефиксированность референта в конкретном денотативном пространстве и известность или неизвестность референта со стороны говорящего. С другой стороны, построить какой-либо алгоритм, основанный на только этом критерии вряд ли возможно на наш взгляд. В этом случае целесообразнее опираться на другие лингвистические характеристики высказывания, которые также связаны с определенностью / неопределенностью. Так, например, тип высказывания (референциальный статус ИГ во многом определяется типом высказывания, в котором она встречается) и уникальность или неуникальность предмета.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что при разработке алгоритма перевода с русского языка на испанский необходимо определить, в первую очередь, характер референта с точки зрения его уникальности или неуникальности. В том случае если референт является неуникальным, большую роль играют тип высказывания, интонация, порядок слов, лексико-семантический разряд существительного (одушевленность / неодушевленность; исчисляемость / неисчисляемость), синтаксическая функция.

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
2. Гладров В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. М., 1994.

3. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений. М., 1982.
4. Крылов С. А. Морфологические механизмы выражения категории детерминации в современном русском языке // Разработка и применение лингвистических процессоров. Новосибирск, 1983.
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношение с действительностью. М., 1985.

6. Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистики. Вып. XIII. 1982.
7. Рестан П. Позиция личной формы глагола в некоторых элементарных повествовательных предложениях в современном русском языке // Новое в зарубежной лингвистики. Вып. XV. М., 1985.
8. Строссон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистики. Вып. XIII. 1982.

О коммуникативных интерпретациях переводного фильма (на материале сопоставления русской и польской версий к / ф «Чарли и шоколадная фабрика»)

А. А. Коростелёва

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Средства коммуникативного уровня, сопоставление языков, переводные фильмы, типология языков

Summary. The paper compares Russian and Polish interpretations of the character (of Willy Wonka) in the English-language film (“Charlie and the Chocolate Factory”, 2005) and analyses the usage of communicative means for the character development in both languages.

Целью исследования является сопоставление русской и польской трактовок образа из переводного фильма (Вилли Вонка из к / ф «Чарли и шоколадная фабрика». 2005) и анализ использования коммуникативных средств при формировании характера персонажа в сравниваемых языках.

В своей работе мы исходим из того, что звучащий перевод фильма всегда представляет собой некую интерпретацию. В русском языке это происходит в первую очередь по причине принципиально интерпретационного характера коммуникативного уровня языка.

Образ волшебника Вилли Вонки (Джонни Депп) задан в основных чертах английским оригиналом и видеорядом. Если сформулировать кратко, Вилли Вонка в фильме 2005 года – личность странная, эксцентричная, крайне интровертная, с известной долей экзальтированности и женственности в поведении. Для выполнения одной и той же задачи – пересоздания образа Вилли Вонки на родной почве, – каждый из рассматриваемых нами языков пользуется теми средствами, которые имеются в его распоряжении. Несмотря на близкое родство сравниваемых языков, стратегии, которые избирают русский и польский дублеры, стремясь к сходному результату, и те средства, с помощью которых реализуются эти стратегии, различаются радикально.

Русский актер, дублирующий Вонку, эксплуатирует все возможности звучания, добиваясь одновременно эффекта женственности персонажа и его неадекватности (за счет модальных реализаций определенных интонационных конструкций с сильными колебаниями в пред- или постцентре), а также эффекта отстраненности и замкнутости (ИК-7, удлинение смычек и другие средства). Излюбленными русским Вонкой целеустановками оказываются ирония, презрение, угроза, неразрывно слитая с кокетством. Разумеется, определенную роль в создании нужного образа играют также собственно коммуникативные средства – частицы, междометия, выбор определенных структур в пределах вариативного ряда коммуникативных конструкций.

Характер польского Вонки строится во многом на неожиданных лексических «промашках». Он то и дело оказывается на ступень ниже ожидаемой от него степени вежливости: использует нейтральные средства там, где полагается быть

показателям вежливости, уличный жаргон там, где допускалась бы нейтральная разговорная речь. Это воспринимается зрителем прежде всего как неадекватность и как проявление интровертности героя. В своей речи Вонка постоянно либо отстает на регистр, либо, напротив, подчеркивая дистанцию между собой и собеседником, обращается к ненужно высокому регистру. Он варьирует эти приемы в одном высказывании, непредсказуемо чередуя низкий и высокий регистры, что раз за разом создает эффект неожиданности. Вместе с тем определенная нагрузка падает и на собственно коммуникативные средства, хотя в случае с польским переводом они не являются ведущими.

Русский Вонка практически не использует жаргон (он ему не нужен, так как средствами коммуникативного уровня в его речи и без того успешно создается сильнейший эффект неадекватности и экзальтированности говорящего), в то время как в польской версии немалая доля эстетической нагрузки приходится именно на выбор лексических средств, и жаргон играет здесь не последнюю роль.

Как показывает анализ материала, в польском языке странность характера Вонки формируется в первую очередь за счет лексико-грамматических средств (использование структур, маркированных неуместным регистром, столкновение стилистически разнородных лексических средств, активизация неожиданных пластов лексики и т. п.). Там же, где польский язык все же использует интонационные средства для создания характера, картина пишется, так сказать, «крупными мазками»: в ход идут либо крайне резкие перепады тона – от обвиняющего и угрожающего – к слащаво-ласковому и т. п., либо разительное несоответствие интонационного оформления и лексико-грамматического состава высказывания.

В русском языке делается упор на взаимодействие коммуникативных средств друг с другом и со средствами номинативного уровня, которым уделено заметно меньше внимания, чем в польской версии.

В данном случае имеет смысл говорить не только о двух различных путях реализации идентичной или очень близкой эстетической установки, но и о том, каким образом различается созданный в результате характер Вонки в русской и польской версиях.

Медиатизация жизненного пространства современного украинского социума: взгляд лингвиста

Л. А. Кудрявцева, И. А. Филатенко

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина)

Информационное общество, масс-медиа, медиатизация, медиазависимость

Summary. Article is devoted to description of phenomena of mediatisation in Ukrainian modern society.

В начале XXI ст. человечество захлестнула волна глобализации процессов, происходящих в разнообразных сферах его жизнедеятельности. В условиях современного мира глобальный характер приобрело и информационное воздействие на международное сообщество, ведущую роль в котором играют средства массовой коммуникации. Это дает

основания исследователям утверждать, что сегодня происходит становление общества нового типа – информационного. Владеть знаниями и информацией в таком социуме становится жизненно важным, поскольку именно такая власть является решающим фактором в управлении обществом. Соединение информатики, современных средств связи и др.

кой вспышки масс-медиа определяется политологией как 4 власть, которая прочно закрепила свои позиции в международном сообществе и за последнее десятилетие приобрела доминирующий характер (см об этом [2]). Значимость в этом процессе всемирной сети Интернет вполне очевидна. Роль глобальных агентств новостей также трудно переоценить. (Associated Press предоставляет материалы для 1700 газет и 6000 телерадиостанций США и для 3500 коллективных потребителей в 110 странах мира.)

Осознание непрывно возрастающей силы масс-медиа побуждает политологов говорить о грядущей эпохе «медиа-кратии» [3, 10], а лингвистов – заниматься исследованием феномена СМИ. Однако в России и в Украине уникальная роль средств массовой информации в жизни общества только начинает осознаваться русистами. В то время как концепция **медиазации** жизненного пространства социума (Ю. Хабермас), приобрела широкое распространение в англо-американской коммуникативистике ([4, 43]). Согласно зарубежным исследователям, медиазация – глобальный и интенсивный процесс воздействия СМИ на общественное сознание, который приводит к «внутренней колонизации», «фрагментации», «обнищанию» ментальных представлений человека ([1]), разрушению многих конститутивных элементов в традиционной структуре человеческого опыта. Такие деструктивные последствия влечет за собой специфическое получение информации современным человеком, которое нарушило биологически заданный способ ее усвоения (см об этом [2]). В психике человека XXI в. начался процесс формирования виртуального мира, заменяющего реальный, к которому приспособлена его психофизиология. Современные СМИ успешно «ликвидируют» опыт и ставят под контроль мышление индивида.

Одной из наиболее важных сфер жизнедеятельности для социума является политика. Потому и неудивительно, что медиазация политического процесса в современном мире, по словам М. К. Гюлли, «достигла предела» (цитируем по [4, 44]). Как показали украинские события 2004–2006 гг., медиазация политики в Украине достигла критической массы. Киевский Майдан 17 дней подряд (с 22.11. по 08.12.2004 г.) не сходил с экранов телевизоров практически в каждой семье Украины. Заседание круглого стола (август, 2006 г.), на котором лидеры партий и фракций, прошедшие в парламент, во главе с Президентом решали судьбу очередной коалиции, мог смотреть в прямом эфире любой гражданин Украины. Согласно данным специалистов Всемирного центра охраны здоровья (США), с июня по август 2006 г. по количеству психических расстройств, различных форм психозов и других форм душевных заболеваний, связываемых большими с политическими событиями в стране, *Украина поставила мировой рекорд*. Вывод очевиден: граждане Украины оказались в медиазависимости. Вот уже два года подряд украинцы могут наблюдать реализацию одной из моделей воздействия масс-медиа на социальном уровне, описанную М. Л. де Флером и С. Болл-Рокешем ([5]). Предметом **моделей медиазависимости** являются отношения между информационной системой и системой социальной. Модель предполагает, что в современном социуме зависимость индивидов от СМИ непрерывно возрастает, ее уровень связан со стабильностью / нестабильностью в обществе. В критических ситуациях (для Украины это выборы 2004 г., 2006 г.)

люди обращаются к масс-медиа как единственному источнику сведений и оказываются беззащитными перед ними. Реализация модели медиазависимости предполагает оказание воздействия на индивида по двум направлениям: когнитивному и аффективному. Из огромного количества языковых средств и приемов воплощения замысла адресантов украинских масс-медиа рассмотрим два, как мы полагаем, наиболее репрезентативных.

1. Одним из наиболее эффективных языковых средств структурирования понятийной системы человека и обуславливания его опыта является метафора, единица, обладающая способностью творить социальную реальность. Современные украинские СМИ активно пользуются этой призмой, сквозь которую (если ее правильно повернуть) рядовой гражданин увидит именно то, что ему следует увидеть по замыслу автора. Как показали наблюдения, **БОРЬБА, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ** и **ИГРА** являются сверхважными метафорическими метамоделями для украинских масс-медиа, поскольку в их силовом поле находится целый ряд концептуальных метафор, задающих способ видения и восприятия социальной действительности. Метафоры *очередной дубль выборов, анишлаг в политическом театре абсурда, охотно-танцевальный марафон леди Ю., политическое разминирование, отстрел премьеры* прочно вошли в сознание адресатов и организовали представление украинцев о политических реалиях страны.

2. Стремление представить собственную точку зрения как единственно верную побуждает масс-медиа обращаться напрямую к психо-эмоциональной сфере адресатов. Для этого СМИ используют прием семантической диффамации, т. е. создания с помощью семантики определенных языковых единиц негативного образа заданной вещи, явления, деятеля. Иллюстрацией к этому положению может служить словосочетание *«днецкие бандюки»*, ставшее за последние два года популярным. Денотат лексемы «бандит» негативен сам по себе, производная *«бандюк»* имеет еще и отрицательную коннотацию. Так при помощи словосочетания *«днецкие бандюки»* в сознании реципиента формируется отрицательный образ выходцев из Донецка. Со временем номинация *днецкий бандюк / донецкий* превратилась в ярлык, который служит для компрометации и отторжения адресатами указанных лиц без каких-либо рациональных доказательств.

Таким образом, за 2004–2006 гг. медиазация украинского социума достигла предела. В СМИ Украины этого периода наблюдается последовательная реализация модели медиазависимости, в рамках которой воздействие на реципиента ведется в когнитивном и аффективном направлениях.

Литература

1. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999.
2. Назарчук А. В. Этика глобализирующего общества. М., 2003.
3. Пугачев В. П. Средства массовой информации в современном политическом процессе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 1995. № 5.
4. Чистопашина О. В. Актуальные проблемы исследования политического дискурса и методология его изучения // Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста. Барнаул, 2000.
5. Fleur M. de, Boll-Rokeach S. Theories of Mass Communication. NY, 1976.

Когнитивная парадигма лирического универсума: концептуализация и художественность

А. В. Кузнецова

Ростовский государственный педагогический университет (Ростов-на-Дону)

Картина мира, языковая личность, концепт, индивидуальная когнитивная система, лирический универсум

Summary. The article deals with the person's (individual) vision of the world, which represents an objective picture in its reflection through its authorization. Modern science needs a new way to deal & interpret lyrical poetry from the viewpoint of conceptualization of the world by means of it. Analysis of the artistic concepts as the main elements of the author's consciousness gives an opportunity to reveal & describe the poet's idiosyncratic peculiarities, that reflect the author's individual world perceiving being mythopoetic in its essence.

Картина мира формируется как результат мироощущения, мировосприятия, представления о мире; она вырабатывается в процессе постижения многообразия мира, конструирования его в соответствии с логикой миропонимания. Попытки создания общеязыковой картины мира давали некоторую

доминанту, которая определялась национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, – общезначимую, инвариантную часть. Структурирование завершенной картины мира возможно лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной

языковой личности. Обращение лингвистики к проблемам языковой личности диктует введение одного из основных понятий дискурсивного направления – понятия идиостиля. Стилистическое развертывание дискурса задается вектором доминантных представлений личности, определяющих также и основные языковые средства, способ конкретизации образа.

Индивидуальная картина мира – это объектная картина в субъективном ее отображении посредством авторизации. Чтобы глубже познать объект, человек делает его до некоторой степени субъективным, придает эстетически нейтральной действительности богатство эстетических красок. Текст, созданный творческой личностью, передает словесно выраженное знание внешнего мира, и с этой точки зрения он – знаковое отображение индивидуальной картины мира. Несомненно, лирическая поэзия представляет собой богатый материал с точки зрения возможности репрезентации (и реконструкции) картины мира поэта. Сам статус лица в поэтическом тексте позволяет осуществить творческие потенции индивидуальности. В лирической поэзии совмещается некоторое отдаление от предмета, некоторая его внеличность, и в то же время личностная переработка этого предмета, в известной степени «воплощение» в него и восприятие его на себя.

Проблема семантического пространства художественного текста широко обсуждается в современной лингвистике, поэтому его определение приобретает большую значимость. Семантическое пространство – воплощение мотивов, намерений и интенций его автора; это пространство реконструируемое, соответствующее той ментальной модели, которая создается реципиентом для понимания и интерпретации текста. Экспликация ассоциативных связей позволяет автору донести до читателя необходимую информацию; свободные и индивидуальные авторские ассоциации становятся направленными на читателя, который ощущает их субъективность как основной признак лирики. В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость посмотреть на лирическую поэзию с новых позиций – с точки зрения концептуализации его мира. Таким образом, *концепция мира* – обязательный фрагмент картины мира. Концепция отражает способ понимания и познания мира человеком и является инструментом выработки образно-эстетических представлений о мире и человеке, его назначении, ценностях, соответствии высшим общечеловеческим идеалам.

Под концептами когнитивистика понимает достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в са-

мых разных конфигурациях культурно значимые смыслы. Анализ художественных концептов как основных элементов авторского сознания позволяет обнаружить и описать специфику идиостиля поэта, отражающую индивидуально-авторское мировосприятие, мифопоэтическое по своей сути. Иерархия концептов восстанавливается по двум критериям: частотности употребления ключевых слов-тем и развертыванию вокруг них разветвленных семантических полей. Система концептов и семантических полей обладает потенциальной возможностью выразить индивидуальную когнитивную систему автора – не только ее интеллектуальное содержание (информацию о мире, языке и деятельности), но и модальный компонент, включающий аксиологию интеллектуальной информации. Содержание концепта могут составлять и образ, и понятие, и символ. Зачастую именно символы объективируют и репрезентируют концепты художественного мира.

Лирическая поэзия может быть исследована как объект, подчиненный собственным законам существования, к которому применимо понятие универсума. Универсум включает в себя множество объектов, рассматриваемых в пределах научной теории, а также свойства, отношения и функции этих элементарных объектов. Применительно к лирической поэзии под такими элементарными объектами понимаются «ключевые слова», образующие ассоциативно-семантические поля и их системы, а также концепты, символы и, наконец, индивидуальные поэтические мифы. Модель структурирования когнитивной парадигмы лирического универсума может представлять собой триаду «концепт – символ – миф» и успешно применяться в изучении творчества крупнейших поэтов XIX–XX вв.

Таким образом, лирический универсум – вся совокупность обозначенных единиц, образующая индивидуальный поэтический мир, мифологический в своей сущности, а модель авторского сознания может быть представлена как относительно стабильное символическо-семиотическое отображение динамической совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу подсистем когнитивно-концептуальной системы автора, репрезентированная в тексте. Центральное положение субъекта действия в художественном мире обуславливается антропоцентризмом художественного текста. Языковая личность автора становится важнейшим звеном в современных исследованиях текста, а психологический аспект анализа текста представляется не менее значимым, чем собственно литературоведческий или лингвистический.

«Нанизывание» родительного падежа как норма и как стилистическая неадекватность (по материалам русского и финно-угорских языков)

А. И. Кузнецова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Гентив, русский язык, финно-угорские языки

Summary. The present paper analyses the use several Genitive cases in a sentence in two languages – Russian and Mari and their differences and similarities. The ‘stringing’ of Gen. one after another is grammatical norm, but it is stylistically inadequate.

В середине прошлого века Виктор Ингве, продолжая исследования, начатые Н. Хомским, высказал гипотезу, что порождение любой фразы происходит методом непосредственно составляющих, то есть говорящий при построении фразы произносит (или пишет) слова цепочкой одно за другим. При этом говорящий далеко не всегда знает, чем он кончит произносимую им фразу и какой длины она окажется. Приблизительно в это же время было установлено, что объем быстро действующей памяти ограничен и не превышает обычно числа 7 ± 2 слова, соответствующего так называемой глубине фразы. Глубина фразы, растущей почти без каких-либо ограничений, считается прогрессивной (примером такого построения может служить детская английская песенка «Дом, который построил Джек» в переводе С. Я. Маршака) в отличие от фразы, называемой регрессивной и имеющей некий ограничитель (напр., наречие), не позволяющий ей расти дальше. Глубина прогрессивной фразы контролируется лишь соображениями стилистической адекватности / неадекватности. В. Ингве приводит весьма спор-

ный, к сожалению, пример, в котором не известно, кто Его, по отношению к которому устанавливается родство, и не существует ли в языке сиблингов. Пример, данный Ингве, может быть по-разному интерпретирован носителями других языков (напр., русского, немецкого, кетского): His mother’s brother’s son’s daughter’s hat = (((Его матери) брата) сына) дочери) шляпа’ = ‘Шляпа дочери сына брата его матери’ = ‘Шляпа дочери его внучатого племянника’. Для английского языка препозитивная конструкция с показателем **’s** реже употребляется, чем постпозитивная конструкция с **of**. Что касается русского языка, то цепочка из 3–4-х и даже 5–6-ти родительных падежей, нанизываемых один за другим, встречается достаточно часто в канцелярских бумагах, в специальной литературе (в том числе и в лингвистических исследованиях), стилистически от кодирования ролевых отношений слов в тексте. Напр.: *Комплекс... модулей, которые должны войти в семантический компонент модели извлечения имплицитной информации из текста, разрабатывае-*

мой для... объективизации результатов экспертных исследований. Нередко предложения, взятые из текстов реальных судебных семантических экспертиз, производят впечатление просто неграмотно составленных. Не многим лучше и предлагавшееся заглавие лингвистической работы, в которой использовались примеры, анализированные экспертами в ходе экспертизы: *Структура лингвистического обеспечения извлечения имплицитной текстовой информации для решения задач семантической экспертизы*. В дальнейшем заглавие было упрощено до названия: *Лингвистическое обеспечение процедуры извлечения имплицитной информации при проведении семантических экспертиз*. Тяжеловесна и содержащая пять родительных падежей фраза: *В именной парадигме растет количество случаев гибридного образования форм имен существительных*.

В художественной литературе также можно встретить громоздкие фразы с 4–5 род. п., иногда употребляемые иронически (как напр., в произведении Питера Халла «Принцип Питера»: *Создаются новые должности: руководитель проекта улучшения благосостояния граждан пенсионного возраста* [Иностранная литература. 1971. № 8. С. 209]). В газетах нанизывание одного и того же род. п. – почти норма. Особенно часто это встречается при перечислении должностей и мест работы: *...начальник Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил России. Кроме гармонизации интересов участников глобальной энергетического взаимодействия, предстоит определить...* и т. п. Значительно меньше употребительность род. п. в разговорной речи.

Частота употребления того или иного падежа в современном русском языке, судя по подсчетам В. А. Никонова, сделанным в середине прошлого века [Машинный перевод и прикладная лингвистика. №3. М., 1959], зависит не только от количества выполняемых падежом функций, но и от сферы употреблений падежа. На 100 случаев им. п. в текстах делового жанра приходится род. п. от 132 до 204 случаев (то есть коэффициент $P > 1$), в текстах художественных – от 43 до 59 (коэффициент $P \approx \frac{1}{2}$) и в разговорной речи от 21 до 35 случаев встречаемости (коэффициент $P < \frac{1}{2}$).

Между типом языка (флективным или агглютинативным по морфологической классификации) и объемом значений падежа в языке того или другого строя существует тесная взаимосвязь: в русском языке при относительной бедности падежной системы налицо полифункциональность падежей при кодировании ролевых отношений. Для сравнения привлекаются материалы языков агглютинативных, к которым относятся, напр., уральские языки. В финно-угорских и самодийских языках значительно больше падежей (исключения, как напр., хантыйский, имеющий в обдорском диалекте

лишь три падежа (Nom, Loc, Transl), только подтверждают правило) и меньший (что вполне естественно) объем их значений. Количество падежей, подсчет которых с точки зрения их формы, часто вызывает большие споры, колеблется в среднем от 10 до 22–23 в том или ином языке. С решением проблемы количества падежей связан вопрос об объеме значений Gen. и о количестве Gen., нанизываемых друг за другом в пределах одного предложения в уральских языках.

Основными значениями Gen. в финно-угорских языках (напр., в марийском) являются значения принадлежности, субъекта действия, места действия и некоторые др., иногда вызывающие споры. К числу спорных можно отнести функцию определительных отношений, как в предложении: *«Кузьман Геркой-ын кап-кыл онар-ын»* ‘У Геркоя Кузьмы фигура богатырская’ (букв. ‘телосложение богатыря’) (пример Г. М. Тужарова). Вызывает разногласие и функция времени. Значение отсутствия чего-л. в окружающей действительности, встречающееся в русском языке в род. п., в марийском передается Abess. (лишительным падежом): *Миколой шам-де ки-ен* ‘Николай без сознания лежал-он’, *Имни-де код-ым* ‘Без лошади остался-я’. Функция предназначения, оформляемая в русском языке тоже род. п., в марийском соответствует Dat. (здесь и далее приводятся примеры, собранные в с. Ст. Торъял Новоторьяльского р-на Марий Эл в 2000 г.): *Окна-лан штор-ым нал-ем* ‘Для окна шторы покупаю-я’; *Кова-м кечывал-лан кочкыш-лан чиве йол-ым шолт-ен* ‘Бабушка-моя для полдненной еды (букв. ‘к полдненной еде’) куриные ноги сварила’.

По сравнению с русским в марийском языке не только объем значений род. п. беднее, но и нанизывание Gen. широко распространенное в языке, происходит иначе (при этом надо помнить, что в марийском мн. ч. выражается автономно от грамем падежа, а в русском – кумулятивно с ним). Род. п. принадлежности (при неотчуждаемой – всегда с суффиксом притяжательности) образует длинные цепочки, сопоставимые с нанизыванием в русском языке, но идущим в противоположность с ним, т. е. имеющим регрессивное направление: *Кова-м-ан казан-ж-ын йол-жо тодылат-ын* ‘У бабушки-моей козы-её нога-ее сломалась’ (т. е. ‘сломалась нога у козы моей бабушки’); *Нине кум йоча-н ава-н шке нёрт-шö уло* ‘У матери этих трех детей собственный дом был’ (букв. ‘Этих трех детей матери собственный дом-её был’).

Как видно из приведенных примеров, многократное употребление в одном предложении род. п. характерно и для русского, и для марийского языков. Направление процесса нанизывания в них при этом прямо противоположное. В обоих языках присутствие во фразе нескольких род. п. не противоречит грамматическим нормам, но стилистически неадекватно.

Конвергенции и расхождения в эволюции современного русского и итальянского языка

К. Ласорса Съедина

Третий Римский университет, Рим (Италия)

Summary. The paper describes internal and external linguistic factors which determine the present evolution of Russian language. Together with the *post-perestrojka* political, economic, and social-historical «New Trend», we can observe that Russian is drawing closer to the so-called Standard Average European. In the phonological and morphosyntactic system we observe a simplification and regularization of nominal and verbal flexion, and a gradual increase of analytic elements. The same type of restandardization and similar phenomena are present in Italian language today, but they are limited and take place much slower. Several recent tendencies, mainly in lexis concerning private rights enable us to theorize a nex geo-political and geo-historical equilibrium for Russian in the international situation today. However, instead of the imposed universal absolute Western-European model of human rights, which doesn't take into account national history and traditions, Russians prefer speaking of the dignities of personality, which should be not only respected, but also protected and safeguarded.

1. Процесс «новонормативного» развития (рестандартизации) современного русского языка, как убедительно показала О. А. Лаптева в [2], осуществляется через нейтрализацию оппозиций, точнее через изменения в оппозициях тремя способами:

- различительный признак исчезает, $2 > 1$;
- различительный признак возникает, $1 < 2$;
- различительный признак возникает на месте прежнего и заменяет его, $1_1 > 1_2$.

Тот же механизм и способ осуществления языкового изменения наблюдается, хотя и в меньшей степени, и в современном итальянском языке и в Среднем стандартном Европейском Языке (SAE).

2. Здесь остановимся на некоторых фонетических и лексических процессах, на выражении степени сравнения, на утрате сослагательного наклонения в ирреальных условных предложениях: эти явления, наблюдаемые в итальянском языке, легко сопоставимы с процессами, выявленными О. Лаптевой в русском языке в области фонетики, лексики, грамматики. Кроме того, заметное сближение письменной и устной речи, сокращение синтаксических возможностей языковой системы и лексического многообразия, наблюдаемые в итальянском языке, позволяют установить определенное сходство между итальянским простонародным языком (*italiano popolare*) и так называемым русским общим жаргоном ([1]). Эти конвергенции в определенной мере облегчают учебный процесс.

3. Назовем эти явления, напоминающие процессы, происходящие в русском языке.

В фонологии наблюдается, как и в русском, стирание фонологических оппозиций: неразличение открытости / закрытости гласных *e* и *o*, исчезновение различия *s* / *z* по глухости / звонкости, расширение приемлемых, хотя и необычных, фонологических структур (ср. такие слова, как *box*, *compact disc*), утеря явлений евфонии, и т. д.

В лексико-семантической области, заметна, как и в русском, тенденция к образованию усилительной превосходной степени. Дублированию формального элемента на русском, ср. *самые наибольшие, самые наилучшие* соответствует возросшая степень экспрессивности таких форм, как *offertissima, hai ragionissimo*. В морфологии глагола распространено в обоих языках спряжение глаголов с суффиксами *-ificare, -izzare*. В итальянском постепенно исчезает указанная выше форма сослагательного наклонения в условных ирреальных предложениях. Расширению на итальянском языке таких видовых глагольных словосочетаний, как *stare a + infinito, stare lì a + infinito, stare + gerundio* можно соотносить с развитием в русском языке форм совершенного вида на *-нуть* (*обшнуться, тусоваться*, и т. п.) Наконец, русскому универбию на *-ка* соответствует в итальянском, по нашему мнению, субстантивация прилагательного (ср. *l'effimero, il demenziale, l'etnico, il lucido* и т. п.)

4. Если же перейти к рассмотрению лексико-семантического уровня двух языков, то при сравнении одних и тех же лексических единиц и словосочетаний, наблюдаются парадоксальные «перевороты», точнее радикализация в России западноевропейских культурных явлений и фактов, что отражает двойное самосознание русской культуры с давних времен и ее пограничный характер ([3], [7]).

Уже Валички в [6] подчеркивал важность для сегодняшней России возрождения интеллектуального наследия либеральной мысли Б. Чичерина и Вл. Соловьёва, затем развитой П. Новгородцевым (1866–1924), Л. Петражицким (1866–1931) и Б. Кистяковским (1866–1920) о ключевом значении закона, о нерасторжимости закона и свободы, о четком разграничении между законом и нравственностью, о фундаментальном значении частного права (*par excellence* закона гражданского общества), о приоритете гражданской свободы над политической свободой – необходимое условие современных политических и экономических реформ.

Русские причинные сложноподчиненные предложения в зеркале датского языка

К.-Х. Лунд (Karl-Henrik Lund)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
mail@khlund.dk

Сложное предложение, причинные отношения, союзы

Summary. The paper presents a contrastive syntactic, semantic, and functional analysis of causal conjunctions in Russian and Danish.

Сложноподчиненные предложения являются важным – хотя, разумеется, отнюдь не единственным – средством выражения причинных отношений в русском языке. Принято разделять их на предложения с собственно-причинным значением и предложения с несобственно-причинным (причинно-аргументирующим) значением ([1]). При этом оказывается, что самые употребительные причинные союзы, в частности *потому что, так как, поскольку*, а также несколько архаичный союз *ибо*, одновременно обслуживают оба значения, дифференцируясь на основе контекста. Отмечается, правда, что такой союз, как *ибо*, преимущественно употребляется в конструкциях аргументирующего типа, в то время как другие союзы, прежде всего *потому что*, тяготеют к выражению собственно-причинных отношений. Кроме того, указывается на стилистические различия союзов и на позиционную специализацию некоторых из них.

Между тем, опыт преподавания датского языка как иностранного показывает, что информация, подобная вышеназванной, не всегда является достаточной для правильного порождения сложных причинных предложений в таком языке, как датский. Выяснение причин этого, конечно, имеет первостепенное значение для преподавания именно датского языка, но оно также может помочь пролить больше света на семантику и функционирование похожих русских предложений.

В докладе рассматриваются датские сложные предложения с наиболее распространенными причинными союзами

Тем не менее, культурно-исторические и социо-политические традиции России постоянно всплывают и сегодня при переходе к так наз. демократическому либеральному обществу. Парадигматическим примером может служить процесс создания русского института Товариществ собственников жилья (первоначально названного *кондоминиумом*) и курсов переквалификации в *управдомы*. Новый Жилищный кодекс, как нам кажется, представляет собой необходимую контрминацию частнопроводного западноевропейского института: в Италии, например, институт *condominio* имеет столетнюю давность.

Но безоговорочное навязывание одной универсальной культурной модели сегодняшней глобализацией (формулы *права человека*, в которой понятие *человека* давно стало снижаться до понятия *индивида*), несмотря на осознание русскими того, что Россия всегда страдала от дефицита чувства личности, социальной справедливости и правового государства, вызывает у русского народа некоторое недоумение и недоверчивость. Ведь там, где бренды вытесняют живых людей, где современная европейская философия прав человека ставит во главу угла своеволие меньшинства, достоинства личности необходимо не только уважать, но и защищать и охранять.

Литература

1. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
2. Лантева О. А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 343–354.
3. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия Russia. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.; Венеция, 1999. С. 7–19.
4. D'Achille P. L'italiano contemporaneo. Bologna, 2003.
5. Lasorsa Siedina C. L'evoluzione attuale del russo e dell'italiano: un confronto // Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata. 2004. 2. S. 187–203.
6. Walicki A. The Intellectual Legacy of Russian Liberalism and Its Contemporary Relevance // Il mondo slavo tra rivoluzione ed evoluzione. Atti del Simposio Internazionale. Milano, 1999. S. 21–35.
7. Zorin A. The Ideology of «Orthodoxy-Autocracy-Nationality»: an Overview // Il mondo slavo tra rivoluzione ed evoluzione. Milano, 1999. S. 75–95.

fordi, eftersom, for. Обрисовываются синтаксические характеристики этих союзов, в т. ч. их позиционные свойства и сочетаемость с наречиями / частицами, и проводится их семантический анализ. Результаты сопоставляются с данными о русских сложных предложениях с союзами *потому что, так как, поскольку* и *ибо*.

Будет показано, что для исчерпывающего описания синтаксических, семантических и функциональных признаков рассматриваемых союзов в двух языках и для их адекватного сопоставления необходимо принимать в расчет многочисленные сложноподчиненные предложения, а также вообще сложные предложения, в которых есть эксплицитные и имплицитные модусные компоненты (пропозиционные установки) или другие имплицитные предикативные единицы. В этой связи будет также продемонстрирована важность учета разных классов предикатов пропозициональной установки. Особое внимание будет уделено тема-рематической организации текста и сочетаемости изучаемых союзов с асертивным и пресуппозиционным значениями, а также в связи с этим – вопросам просодики.

Материалом служат примеры, взятые из корпусов датских и русских текстов, а также русско-датские и датско-русские переводы художественных текстов.

Литература

1. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации (на примерах формулы обращения русского и китайского языков)

Лю Чжимэй

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (Казахстан)

kuat002@163.com

Коммуникативные неудачи, формула обращения

Summary. Between Russian and Chinese intercultural communication has so many misunderstand. Because select incorrect form of communication.

Коммуникативные неудачи первым исследовал Дж. Л. Остин. «Исследование тех обстоятельств, которые могут складываться неудачно при употреблении подобных высказываний, мы называем учением о Неудачах.» – пишет Остин в своей работе «Слово как действие» (Дж. Л. Остин).

Коммуникативные неудачи были исследованы и русскими специалистами, которые считают, что коммуникативные неудачи происходят тогда, когда «коммуникативные намерения говорящего и их прочтение слушающим не совпадают» (О. П. Ермакова, Е. А. Земская). Так, О. П. Ермакова и Е. А. Земская определяют коммуникативные неудачи следующим образом: «Коммуникативной неудачей мы называем полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего».

По мнению О. П. Ермаковой и Е. А. Земской, имеется множество причин возникновения коммуникативных неудач, которые происходят в речевом общении между носителями одного и того же языка. Кроме того, бывают и коммуникативные неудачи, которые обуславливаются тем, что один из собеседников – носитель иного языка. По нашему мнению, очень актуально исследовать коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации. Теперь на примерах формул обращения русского и китайского языков рассмотрим коммуникативные неудачи.

Обращение – это языковой знак универсального характера. Обращение как самостоятельная лингвистическая единица способно выполнять все основные функции языка. В речевом общении мы должны дать оценку кому или чему-либо, а потом по результату оценки мы выбираем подходящую формулу обращения. Таким образом мы избегаем коммуникативные неудачи.

По нашему мнению, могут быть следующие источники появления коммуникативных неудач при общении между представителями разных народов.

1. Незнание языка адресата. Например, коммуникативные неудачи, вызванные неверным фонетическим оформлением речи. Причины появления этого типа коммуникативных неудач заключаются в том, что у одного из коммуникантов (иностранца) наблюдается слабое владение фонетическими, семантическими или грамматическими правилами языка, на котором он общается с адресатом.

Приведем в качестве иллюстрации отрывок из художественного произведения, где героиня-узбечка Шура плохо говорит по-русски и произносит русское имя Коля на свой лад:

– *Кол-ля, ты веселый. Не нужно.*

– *А вы на каком языке думаете? – Самсоныч гладит ее руку.*

– *Шура знает. Правда, Шура? – Колька франтовато вздергивает чуб. – Она знает, что Колька благородный, хоть простой, он всем должен, а ведь ни у кого не занимал!..* (О. Пашенко. Колька Медный, его благородие).

Для китайских студентов при обращении к русским представляет трудность форма обращения по имени и отчеству. Русские имена, в которых присутствует звук «р» очень трудны для произношения китайцев, например: *Валерия, Валерий (Валериевич, Валериевна, Валерьевич, Валерьевна), Эвелина, Григорий (Григорьевич, Григорьевна)*.

2. Незнание или плохое знание культуры и традиции народа, на языке которого происходит общение. Так, например, в русском языке, пожилые люди могут обращаться к незнакомым молодым людям формами *сыннок, доченька*, что в китайском речевом этикете не рекомендуется. Это связано с менталитетом китайцев. Например:

– *Спокойной ночи тебе, сыннок, спокойной ночи, – в раскрытых дверях сказала тетка и ушла* (Р. Соболенко. Иду в жизнь).

3. Коммуникативные неудачи, возникшие из-за незнания или плохого знания правил речевого этикета другого народа. В нашей практике был случай, когда русский преподаватель обижался на китайских студентов за то, что они обращаются к нему, используя форму обращения **фамилия** или **имя + преподаватель**, допустим *преподаватель Иванов, преподаватель Раиса*. Например:

– *Раиса lao shi, ming tian wo ke yi dao nin jia li lai ma?* (Букв. «Преподаватель Раиса, можно ли мне завтра к вам домой зайти?») – *Нет*, – недовольно отвечает Раиса Петровна (запись устной речи в институте).

Кстати, эта форма обращения является самой распространенной и самой учливой в Китае, адресована тому, кто работает преподавателем. Поэтому китайские студенты употребляют эту форму для выражения уважения к преподавателю-иностранцу. Но русские преподаватели предпочитают, чтобы студенты к ним обращались по специфической формуле **имя + отчество**. По мнению русских преподавателей, она является самой подходящей и самой уважительной формой обращения к взрослому человеку. Китайский преподаватель так же будет обижаться, если русские студенты обращаются к нему по форме **фамилия + имя**, которая считается неуважительной по мнению китайцев.

4. Коммуникативные неудачи, возникновение которых связано с непониманием из-за различного менталитета народов. Общаясь с китайцами, мы заметим, что китайцы имплицитно выражают свои чувства, а европейцы всегда открыто выражают свое отношение к человеку. В последнее время молодые люди в русскоязычных странах под влиянием западного образа жизни открыто выражают свои чувства. Формулы обращения поддерживают эту нашу точку зрения. *Дорогой, Милый* и подобные слова часто употребляются в качестве обращений у русских, а китайцы, по своей национально-культурной традиции редко используют их в качестве формулы обращения, поэтому при общении с ними не ожидайте от них таких формул обращения.

5. Коммуникативные неудачи, вызванные «дискурсивными ошибками» в оформлении речи. Китайские преподаватели часто делают такое замечание студентам: «Не говорите русский язык (или другой иностранный язык) по-китайски». На это нам надо особо обращать внимание. Практически осваивая иностранный язык, мы часто мыслим на своем родном языке. Отсюда появляется «русский язык (или другой иностранный язык) по-китайски».

Дискурсивные ошибки у китайских студентов в употреблении русских обращений заключается в следующем: 1) когда китайские студенты обращаются к знакомому по должности, а не по имени-отчеству (как принято у русских); 2) когда китайские студенты сознательно избегают форм обращений в форме субъективной оценки типа *Юрочка, Настенька* ко взрослым людям, например, сокурсникам. Особенно со стороны лиц мужского пола, что «недопустимо» с точки зрения китайцев; 3) когда употребляют обращение по китайской формуле речевого этикета *имя + фамилия* (вместо только имени или имени-отчества по русски), например: – *Василий Иванов, я принес вам книгу*.

Подведем итоги: в межкультурной коммуникации между русскими и китайцами возникает множество коммуникативных неудач, причиной возникновения которых является неправильный выбор формулы обращения.

Лакуны (на материале лексики русского и казахского языков)

А. Д. Маймакова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы (Казахстан)

amaimakova@mail.ru

Лакуна, культура, релевантность, понятие, сознание

Summary. The words of Russian and Kazakh languages, which are unrelated and belong to different systems, are analyzed. The units of the lexical level are described not only as linguistic proper but also as linguistic phenomena.

Характерным для современной лингвистики является изучение языка в его соотношениях и связях с культурой, историей и менталитетом народа. Именно при изучении языков в культурологическом аспекте понимается и выявляется то «своеобразие», те глубинные различия, которые существуют между сопоставляемыми языками. В этом плане особый интерес представляет исследование двух генетически между собой не связанных языков – русского и казахского.

Предмет нашего исследования – лакуны – пустоты в соответствующих нишах семантического пространства сопоставляемого языка, появляющиеся в результате отсутствия в нем лексически оформленного понятия, эквивалентного понятию, закреплённому в языковой норме исходного языка.

Ср. русские слова *будильник, баранина, горбушка, дошкольник, свекровь* представлены лакунами в казахском языке и передаются в нем словосочетаниями: *коныраулы сагат, кой еті, наннын шетінен кесілген тілігі, мектеп жасына дейінгі бала, кайын ене*. С другой стороны, лакунами в русском языке являются казахские слова *казы¹, ысыы, казакуар, нагашы, боле*, которые по-русски можно передать только расчлененно: *реберная часть лошади; умеющий обрабатывать копчением шкуру, из которой делают кожаную посуду; владеющий казахским языком и хорошо знающий быт, нравы, обычаи казахов; родственники по линии матери; двоюродный брат, двоюродная сестра по линии матери (только дети родных сестер)*.

Возникновение лакун может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, появление лакун связано с различием соответствующих культур. Ср. в русском языке, кроме слова *каша*, «сваренное на воде или молоке кушанье из крупы» [3: II, 42] имеется несколько однословных обозначений разновидности этого кушанья: *овсяная, ячная, пшеничная или ржаная кашка* [1: I, 558], *крупеник* «кушанье из гречневой каши, запеченной с творогом и яйцами» [3: II, 138], [1: II, 202], *кутья* «кушанье из риса или другой крупы с медом или изюмом, которое едят на похоронах и на поминках» [3: II, 156], [1: II, 227], *тыквенник* «каша из разваренной тыквы с крупой» [3: IV, 432], [1: IV, 447], *пшеник* «крутая каша на молоке и яйцах» [3: III, 568], [1: III, 546], *размазня* «жидкая каша» [3: III, 613], [1: IV, 34] и др. В казахском языке всем этим обозначениям соответствует одно слово – *ботка* «куруш, тары т. б. жармадан боктіріп жасалатын кою тагам» [2: II, 388] – «густое кушанье, сваренное из риса, пшена и других круп».

С другой стороны, в казахском языке есть большое количество однословных обозначений разновидностей верблюда: *туые* «верблюд», *нар¹* «жалғыз оркешті, асыл тукуымды ірі туые» [2: VII, 320] – «одногорбый крупный верблюд ценной породы», *бура* «двугорбый верблюд-производитель», *атан* «холощенный верблюд», *улек* «аруананын еркегі» [2: IX, 74] – «самец, полученный от верблюдицы аруана», *костак¹* «айыр туые мен нарды будандастырудан алынган туые тукумы» [2: VI, 367–368] – «верблюд, полученный от скрещивания двугорбой верблюдицы и нара (одногорбого верблюда)» и др. Эти обозначения объединяет слово-понятие *туые*. В русском языке всем этим словам соответствует только *верблюд* (и *верблюдица*).

Во-вторых, возникновение лакун обусловлено особым членением тождественных отрезков реальной действитель-

ности разными языковыми коллективами. Об одном и том же явлении реальной действительности у одного народа может быть общее, целостное понятие, нечленимое на части и обозначаемое одним словом широкой семантики, в то время как другому народу свойственны более узкие понятия о разновидности этого явления, его частях, осознаваемых как отдельные феномены и обозначаемых отдельными лексическими единицами. Ср. в русском языке для обозначения лица женского пола от рождения до вступления в брак, наряду со словом *девочка* употребляется и слово *девушка*. В казахском языке этим словам соответствует одно слово *кыз* с нерасчлененной семантикой «дочь, девочка, девушка». См. *кыз* «1. эйел бала, сэби, 2. куйеуге тимеген, бойжеткен» [2: VI, 546] – досл. «ребенок, младенец женского пола, 2. незамужняя, на выданье, достигшая брачного возраста». С другой стороны, в казахском языке по сравнению с русским языком имеется больше однословных обозначений каждой из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей: *ана* «бiрге туган кыздардын улкенi, экпе» [2: I, 289] – «старшая сестра», *экле* «туыс жагынан жасы улкен кыз, эйел» [2: I, 601] – «старшая сестра», *сiнлi* «бiрге туган жасы кiшi кыздын апасына туыстык катынасы жагынан аталуы» [2: VIII, 514] – «младшая сестра в отношении старшей сестры», *карындас* «бiрге туган жасы кiшi кыздын агасына туыстык катынасы жагынан аталуы» [2: VI, 118] – «младшая сестра в отношении старшего брата». В русском языке всем этим словам соответствует слово *сестра*. Для казахского языка в данном случае релевантными оказываются, во-первых, дифференциация по возрасту и, во-вторых, пол лица соотносе-

ния. В-третьих, появление лакун обусловлено тем, что данный язык не обращает внимания на некоторый предмет, явление или процесс, поскольку это для него не важно, в то время как другой язык замечает его и закрепляет в словесном знаке. Ср. в казахском языке нет слов, соотносенных по значению с русскими *лакомка, сладена, однолюб, дошкольник, старшекласник*; точно также как в русском языке нет лексических единиц, соответствующих по значению казахским *базаршы, малсак*. Однако это вовсе не говорит о специфичности данных понятий в русской и казахской культурах. Понятия действительно оказались незамеченными языком, но не сознанием носителей данных языков.

Таким образом, лакуны являются ярким проявлением своеобразия лексики национальных языковых систем. Существование их указывает на наличие в обеих сопоставляемых лингвокультурных общностях соответствующих предметов и связанных с ними понятий, последние, однако, в одном из языковых социумов хранятся на невербальном уровне и не имеют словесного обозначения и только при необходимости могут быть пояснены языком. Исследование лакун, проливающих свет на своеобразие членения сознания реальности разными языковыми культурами, способствует выявлению семантических и структурных особенностей сопоставляемых языков.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.
2. 10-т. Казак тілінің тусіндірме сөздігі / Жалпы ред. бас. А. Ы. Ыскаков. Алматы, 1974–1986.
3. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

Особенности курса РКИ в Приморском университете, Словения

И. Макарова Томинец

Приморский университет, Копер (Словения)

Межязыковая интерференция, электронные средства обучения, европейский языковой портфель

Summary. The article represents specific features of Russian as a Foreign Language Course for students of Primorska University, the 3rd State University in Slovenia, in terms of Slovene-Russian language interference, methodology and technical tools.

Особенности курса РКИ в Приморском университете (третий государственный университет в Республике Словения) отражают методические и дидактические особенности, отличающие идею единого общеуниверситетского языкового центра, Центра иностранных языков и межкультурной коммуникации, как структурной единицы Приморского университета, в рамках которого с ноября 2005 года проводится курс РКИ. При этом русский язык имеет статус «предмета по выбору» для студентов различных специальностей в составе смешанных групп (студенты-менеджеры, педагоги, гуманитарии широкого профиля), в связи с чем главной задачей является практическое освоение русского языка в рамках единого унифицированного курса РКИ.

К числу основных особенностей курса РКИ можно отнести:

1) использование Европейского языкового портфеля как инструмента самоконтроля и самооценки собственных языковых знаний и прогресса в обучении и одновременно как средства общеевропейской унифицированной оценки уровня языковой компетенции (A1, A2, B1, B2 и C1, C2);

2) обучение русскому языку «в паре»: словенский учитель и носитель языка;

3) перенос самостоятельной работы студента в рамки Центра, в котором обязательно присутствует «тьютор» – преподаватель соответствующего языка; часы самостоятельной работы введены в учебную программу и подлежат учету. Результаты самостоятельной работы сохраняются как составная часть именного языкового портфеля;

4) обеспечение максимально широкого диапазона дополнительных средств и материалов для обучения целевому языку, доступных студенту в Центре (компьютерные программы, аудио- и видеоматериалы, фильмы, игры, тесты, задания для самостоятельной работы, оформленные препода-

вателем в виде «досье», материалы по русскому как языку различных специальностей);

5) широкое использование электронных средств обучения, в частности, компьютерной программы для изготовления презентаций Microsoft Power Point, что открывает новые возможности как при планировании, организации и проведении уроков иностранного языка;

6) принцип практически-ориентированных заданий, решаемых учащимся на уроке и при самостоятельном обучении.

Языковые особенности курса РКИ для словенских студентов определяются прежде всего степенью межязыковой близости (словенского и русского языка) и характером межязыковой интерференции. Прогнозирование потенциальных языковых сложностей, обычно наблюдаемых в области межязыковых различий, обязательно для построения эффективного курса. Анализ частотных ошибок словенских студентов позволяет выявить следующие ключевые проблемные области в процессе освоения русского языка на начальном этапе (европейский уровень A1–A2, российская государственная система тестирования ТРКИ – *элементарный и базовый уровни*) в области фонетики, акцентологии, морфологии, синтаксиса и правописания.

В целом рассматриваемые особенности курса РКИ в Приморском университете позволяют оценить его как практически ориентированный курс для студентов-нефилологов, отличающийся широким использованием электронных средств обучения. В связи с явным дефицитом учебных материалов и пособий по русскому языку для словенских учащихся насущной задачей является разработка новых методических материалов, основывающихся на анализе специфических сложностей русского языка для словенских учащихся.

Некоторые проблемы перевода в связи с необходимостью учета изменений в семантико-стилистической структуре русского языка

А. Г. Мамаева

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Вена (Австрия)

Англицизмы, семантико-стилистические изменения в словоупотреблении в русском языке республик СНГ, отсутствие словарно закрепленных коннотаций словоупотребления

Summary. Some Aspects of Translation Difficulties in Relation to Changes in Semantico-Stylistic System of Russian Language. Recent changes in the usage of the semantic and stylistic structure of the Russian language have led to the notable shifts and new tendencies in the translation of official documents of international organizations. The ever increasing volume of English borrowings, substantial changes in the usage of the Russian language in the republics of the former Soviet Union, arbitrarily usage of the established geo-political terms have given rise to some problems of translation correctness.

Все международные организации имеют свои, в основном совпадающие нормы и правила перевода текстов на иностранные языки. Поскольку основным международным языком в системе международных организаций остается английский и наибольшее количество переводов осуществляется с английского языка, мы будем оперировать примерами переводов с английского языка.

В последнее время заметно усилилась тенденция использования прямых заимствований из английского языка в русских переводах. Эта тенденция имеет несколько разновидностей и усугубляется серьезным ухудшением владением русским языком в бывших республиках СССР:

С одной стороны, все большее распространение получает параллельное использование англицизмов наряду с имеющимися в русском языке синонимами, причем выбор делается не в пользу последних.

Так, устойчивое употребление в переводах получают слова типа *транспарентность, мониторинг, тренинг, креатив-*

ный подход, вместо традиционно употреблявшихся в переводах международных организаций *прозрачности, контроля за, творческого подхода и т. д.* Эта тенденция более отчетлива во вновь созданных организациях. Например, в системе ООН осталось слово «Отдел» для перевода слова *department*, в то время как в ОБСЕ, получившей статус организации только в девяностые годы, используется слово *департамент*.

С другой стороны, наблюдается встречный поток заимствований из английского языка в самих русских текстах, представляемых российскими официальными лицами на международных конференциях. В качестве характерного примера подобных употреблений можно привести название семинара ОБСЕ по предупреждению терроризма, прошедшего в Вене в октябре 2006 года и озаглавленного в русских текстах как *«превенция терроризма»*.

Необходимость пользоваться при переводе материала официальными сайтами бывших республик СССР показала, что русскоязычные версии, в большинстве случаев имеющиеся

на официальных правительственных сайтах этих республик, также оказались подверженными изменениям в русском языке, происходящим в этих странах. Общей тенденцией является заметное снижение грамотности, причем можно выделить две тенденции: в республиках Средней Азии (название которой теперь не вполне корректно переводится с использованием геополитического термина, издавна употребляемого в странах Западной Европы и США – «Центральная Азия»): официальный стиль текста на русском языке изобилует архаичной лексикой официального стиля документов, принятого в свое время в СССР. В нем можно встретить выражения типа «материально-техническая база», «вовлечение молодежи в общественно-полезную работу», «обеспечение нужд населения», которые, может быть, в ряде случаев и соответствуют сохранившимся остаткам социализма в этих странах, но вне официального стиля чаще являются эвфемизмами, для обозначения иных, более современных и не столь «приличных реалий», как это подразумевалось ранее.

Одновременно с этой тенденцией «архаизации», можно наблюдать, как стремление к созданию независимой государственности в других странах бывшего СССР приводит к употреблению терминов, заимствованных из других (часто – родственных) языков для обозначения таких понятий, которые имеют близкое, но не вполне адекватное данному понятию обозначение в русском языке. Так, на официальном сайте и в официальном документе о правоохранительной деятельности Республики Молдовы для ОБСЕ используется термин «карабинеры», для обозначения понятия, которое в русскоязычной версии получает название «*внутренние войска*», что, видимо, является более точным, т. к. тер-

мин «*внутренние войска*» влечет за собой не те ассоциации, которые сейчас связаны с соответствующим специфическим ведомством Молдовы. Источником вполне оправданного заимствования в данном случае, по-видимому, являлся румынский язык, т. к. можно полагать, что и структура, и содержание работы подобного ведомства при его образовании было практически скопировано с соответствующего румынского.

Другой серьезной проблемой перевода документов в международных организациях является отсутствие в современных словарях русского языка информации об уже происшедших изменениях в эмоционально-коннотативном ореоле значений некоторых слов. Это предопределяет возможность возникновения в ряде случаев серьезного дискомфорта и даже сбоя в коммуникации. В частности, известно, что язык дипломатических документов особенно чувствителен к тончайшим оттенкам значений. Так, даже отсутствие определенных выражений в ответной ноте, упомянутых в первоначальном документе, уже имеет негативную коннотацию, предопределяющую всю семантическую тональность ноты. А уж фразы типа *ОБСЕ насаждает демократию в Косово* явились предметом не только лингвистических споров, в связи с тем, что при переводе с английского не была учтена негативная окрашенность слова *насаждать*, приобретенного во времена холодной войны оттенком *насильственного действия* благодаря употреблению в многочисленных контекстах негативного характера: *насаждать чуждую идеологию, враждебные принципы и т. п.*, что, к сожалению, до сих пор не получило отражения в толковых словарях русского языка.

Присубстантивные падежи в типологическом рассмотрении (на материале русского, чешского, армянского языков)

И. К. Манучарян

Ереванский государственный университет (Армения)

Присубстантивные падежи, близкородственные и дальнеродственные языки, универсалии, индивидуалии

Summary. The article discusses adnominal cases in Russian, Czech and Armenian languages. It reveals similarities and differences in the adnominal cases of mentioned languages.

Распространение имени существительного представляет собой целую систему средств, в число которых входят присубстантивные падежи в таких индоевропейских языках, хорошо сохранивших падежную систему, как русский, чешский, армянский языки.

Падежное распространение имени широко употребительно как в близкородственных славянских языках, в данном случае, в русском и чешском, так и в дальнеродственном по отношению к ним армянском языке. Падежные распространители имени существительного обогащают предложение дополнительными смыслами и представляют собой в рассматриваемых языках четко организованную систему.

Семантика присубстантивных падежей зависит, как правило, от категориального значения определяемого существительного и его словообразовательных связей. Падежные распространители могут определять корневые и производные существительные. В докладе рассматриваются только те падежные распространители, которые определяют корневые существительные в славянских языках (в данном случае – в русском и чешском) и в армянском языке, т. к. именно они обладают собственной системой значений в присубстантивной позиции.

Самым последовательно присубстантивным падежом в указанных языках является родительный падеж (генитив), выражающий в этой своей функции целый ряд значений – посессивности, части и целого, материала и др., многие из которых представляют собой универсальные для этих языков значения. Так, значение посессивности передается в указанных языках посредством формы генитива, но со своей спецификой и с разной степенью активности. Значение же материала эксплицируется в славянских языках предложной формой генитива, тогда как в армянском языке

оно передается как формой генитива, так и специализированной падежной формой – аблативом.

Другим присубстантивным падежом, определяющим корневое существительное, является творительный падеж (инструменталь), который достаточно употребителен в рассматриваемых языках. Посредством формы присубстантивного инструментала в указанных языках вербализуется значение ограничения и сопровождения, а также содержания.

Представляет интерес и структура соединений имен с присубстантивными распространителями – их простота / сложность, препозиция / постпозиция распространителя по отношению к определяемому имени, наличие / отсутствие предлога (послелога).

Рассмотрение присубстантивных падежных распространителей, определяющих корневые существительные, показывает интересную картину сосуществования универсалий и индивидуалий между близкородственными русским и чешским языками и дальнеродственным армянским языком. При этом сходства имеют, несомненно, глубокие исторические корни, т. к. рассматриваемые языки являются по происхождению индоевропейскими.

Литература

1. Асатрян М. Современный армянский язык. Синтаксис (на арм. яз.). Ереван, 1987.
2. Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
3. Маркарян А. Падежи в армянском языке (на арм. языке). Ереван, 2000.
4. Русская грамматика. М., 1980.
5. Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. М., 1978.
6. Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1981.

Типологический характер переноса «лес» → «безлесное пространство» как проявление конвергенции славянских языков

Е. М. Маркова

Московский государственный областной университет
Elena-m-m@mail.ru

Семантическая конвергенция праславянской лексики в современных славянских языках обусловлена не столько эквивалентностью в значениях лексем, восходящих к одному этимону, сколько общностью типологических путей их развития, закономерностями семантической эволюции лексем, принадлежащих к одному понятийному кругу. Несмотря на значительную национальную специфику, удастся найти глубокую общность в путях и способах развития значений, в характере и типах семантических сдвигов, в семантических процессах, происходящих в словах одной тематической или семантической группы. Задачей семантической типологии является установление «семантической амплитуды колебаний» лексем [Толстой 1963].

Типологический характер направлений смыслового развития слов является предметом рассмотрения на материале названий частей ландшафта. Типичным в этой группе лексики является развитие энантиосемии, основанной на принципе «зеркального отражения». Семантический перенос «лес» → «безлесное пространство» является закономерным и подтверждается рядом аналогий. Так, значение др.-рус. *рамень* определяется не просто как «лес», а «лес, находящийся по соседству с пашней». Родственное слово *рама* означает «пашня по соседству с лесом». В словаре В. И. Даля в статье, посвященной слову *край*, сказано, что «в Калужской губернии лес нередко зовется *краем*, т. е. крайнейю поля».

Семантическая эволюция праславянской лексики *gaij* в разных славянских языках привела к формированию полярных семем. Чеш. *háj, háječek* – «небольшой лиственный лес», пол. *gaj*. Поскольку лес у древних славян был местом совершения различных обрядов, священных действий, то первоначальное значения для слова *háj* было, вероятно, связанным именно с этой функциональной особенностью: «священный, охраняемый лес», в пользу чего свидетельствует семантика чешского глагола *hájit* «за-

щищать, оборонять». Возможность поляризации значения намечается и в словарной статье, посвященной слову *gaij*, у В. И. Даля: «небольшой лиственный лес, особенно в низменных местах, в лугах», «иногда лес уже истреблен, а остается одно название» (Даль). В современных русских говорах *gaij* чаще употребляется в значении «большое поле».

Общеслав. *луг* также связано с двумя понятиями: «низкое, равнинное место» и «лес». В современном русском языке оно означает «низменный участок, покрытый травянистой растительностью», хотя в древнерусском бытовало также в значениях: «лес, дубрава», «болото». Чеш. *luh* стало книжным синонимом слова *louka* «луг». Значения «лес, гай» были свойственны данной лексеме в старочешском, древнерусском и в старославянском языках. Можно предположить, что уже в древности слово *луг* имело синкретичное значение «низкое место, излучина реки, поросшая кустарником, деревьями» (подобно первичному значению слова *gora* – «гора, поросшая лесом», в пользу чего свидетельствует семантика его коррелятов в некоторых славянских языках: болг. *лъг* «ровное, низкое место под небольшим лесом, роща, кустарник, луг», с.-х. *лѹг* «лес в низине, тростник, камыши», словен. *lóg* «лес на низком месте», пол. *leg* «топь, болото, лес на болоте», болотистый луг»).

Энантиосемия, проявляющаяся в противопоставлении «безлесное пространство» – «лес», обусловлена и смежностью денотатов, что является основанием переноса. Судя по всему, семантический перенос «углубление в земной поверхности» → «углубление, покрытое лесом» → «лес» явился причиной семантического преобразования общеславянского слова *дебри*, известного в древности в большинстве славянских языков в значении «овраг, долина».

Таким образом, причиной развития энантиосемии данного типа является смежность денотатов и синкретизм первоначального значения когната.

Язык компьютерного общения как предмет лингвистического анализа (с учетом данных сопоставительного изучения русского и чешского языков)

Г. П. Нешиченко

Институт славяноведения РАН, Москва

Язык компьютерного общения, речевое поведение, языковая ситуация

Summary. The paper is based on the communicative approach as well as on the system-confrontative methodology. The work will be based on a large language material – it is first of all the facts of Russian and Czech languages. The article provides the methodology of comparative systematical-functional exploration with using of communicative and interdisciplinary approach. Starting point of the article is opposition of the regulated speech behavior and unregulated speech behavior. In the opposition sees she the interpersonal communication, especially the IRC on-line.

1. В докладе рассматривается фундаментальная проблема современного языкознания – изучение лингвистических особенностей общения в глобальных компьютерных сетях.

2. Несмотря на теоретическую и практическую значимость данной проблемы, она мало изучена, особенно на славянском материале. В связи с этим проведение сопоставительного системно-функционального изучения таких близкородственных славянских языков, каковыми являются чешский и русский, представляется не только интересным, но и важным, так как дает возможность выявить как их сходство, так и различия при реализации одних и тех же коммуникативных задач.

3. Использование современных средств коммуникативной связи при опосредованном интерперсональном общении ставит перед исследователями важные задачи, в ряду которых находится не только изучение данного феномена как такового, но и включение его в общий контекст этнической языковой ситуации. Принципиальное значение имеет рассмотрение специфики вербального и сопутствующего

невербального ряда с целью выявления особенностей речевого поведения в различных жанрах компьютерного общения и прежде всего при общении в режиме *on-line*.

4. Именно рассмотрение феномена языка компьютерного общения через призму внутриэтнической языковой ситуации представляется наиболее перспективным. При всем своеобразии языка компьютерного общения, нарочитости и даже «эпатажности» стилистики некоторых его жанров он является органичным компонентом системы общенационального языка. Присущие ему закономерности не противостоят тенденциям развития последнего, напротив, они во многом их подтверждают, дополняют, позволяют увидеть в новом ракурсе.

5. Как следует из материала, речевой стандарт диалогических компьютерных текстов в целом соответствует направленности изменения вербального стандарта современной публичной коммуникации – мы имеем в виду его «массовизацию», «усреднение», усиление экспрессивности, снижение пафосности текста и т. п. Снижение речевого контроля,

сопутствующее ускоренной вербальной коммуникации в условиях компьютерного общения, особенно в режиме *on-line*, благоприятствует развитию внутриязыковой, междиомной, интерференции, проникновению элементов разговорного узуса, в том числе и жаргонизмов, повышению частотности их употребления. Весьма показательны в этом отношении и проявления межъязыковой интерференции. Все это позволяет судить о направленности динамики современного речевого стандарта, уровне вербальной культуры, специфике речевого поведения представителей различных возрастных и социальных слоев носителей и пользователей этнического языка.

6. Исследование специфики компьютерного языка сопряжено с немалыми трудностями. И дело здесь не только в том, что речь идет о весьма сложном, многоаспектном, гетерогенном по своей природе явлении, вербальное обеспечение которого варьируется в зависимости от целей коммуникации, ее условий, адресата, тематики, жанра, наконец, от скорости прохождения информации по коммуникативному каналу. Для постижения сути данного феномена, находящегося на стыке различных научных дисциплин (социолингвистики, психолингвистики, лингвистики как таковой, лингвокультурологии, теории коммуникации, информатики и т. п.), помимо обширной базы данных, необходимо и владение комплексной, междисциплинарной методикой, соответствующим понятийно-терминологическим аппаратом. Использование традиционных приемов работы с языковым материалом здесь не всегда себя оправдывает.

7. Из множества вербальных реализаций компьютерной коммуникации нас будет интересовать лишь та, анализ которой, по нашему мнению, наиболее важен для установления лингвистической природы языка компьютерного общения, а также его статуса в системе этнического языка. Мы имеем в виду компьютерную **диалогическую** речь, манифестированную в таких электронных жанрах как так называемые телеконференции, или же форумы, на которых публично обсуждается заранее установленный круг проблем, а также адресное скоростное электронное общение в режиме *on-line*, включая так называемые «чаты».

8. Таким образом, в поле нашего зрения находятся компьютерные тексты с реальными или же виртуальными признаками **диалогического** общения. Именно их статус будет устанавливаться на материале чешского и русского языков.

9. При решении поставленной задачи основополагающее значение для нас имел тезис о **бинарном** строении системы

этнического языка, состоящей из двух автономных подсистем: языкового обеспечения высших коммуникативных и культурных функций (**регулируемое** речевое поведение) и непринужденного повседневного общения (речевое поведение **нерегулируемое** или же с **ослабленной регулируемостью**), манифестируемое широко трактуемым понятием «разговорный язык». Применение данного методического подхода апробировалось нами в свое время при решении целого ряда исследовательских задач.

10. Анализ фактического материала проводился с учетом двух оппозиций: «**регулируемое – нерегулируемое** речевое поведение», а также «**монологическая – диалогическая речь**».

11. Названные оппозиции, применяемые комплексно, весьма эффективны при решении широкого спектра научных проблем, в частности, функциональной дифференциации этнического языка, эволюции речевого стандарта социума, сопоставительном изучении языковой ситуации и т. д.

12. Проведенный анализ подтверждает наличие сходства между текстовой структурой компьютерных диалогов и разговорным языком. Иллюстрацией этого являются многочисленные включения из профессионального и молодежного сленга, обиходно-разговорной речи, вплоть до русского «просторечия» и пр. Именно это их сходство зачастую порождает ошибочное, на наш взгляд, представление о том, что речь идет о спонтанном, непринужденном речевом поведении. Между тем в главном – а именно в типе речевого поведения – они существенно отличаются от непринужденного вербального общения, причем различия эти касаются важнейших параметров речевого поведения.

13. В целом в разных жанровых разновидностях компьютерного общения речевое поведение может быть регулируемым, квазинерегулируемым и лишь в незначительной степени нерегулируемым.

14. Проведенный анализ дает основание говорить о компьютерной диалогической речи, равно как и о компьютерном общении вообще как о новой, формирующейся, специфической разновидности опосредованного общения, детальное изучение которой ждет и, несомненно, дождется своего непредвзятого исследователя. Промежуточное положение данного вида общения в системе этнического языка является дополнительным подтверждением **континуальности** языковой системы, наличия в ней плавного перехода от одного коммуникативного ареала к другому.

Русские и латышские термины родства в ситуации обращения

Г. Питкевич

Даугавпилский университет (Латвия)
pigalil7@yahoo.com

Обращение, вокативы, термины родства, эмоционально-экспрессивные формы

Summary. The object of comparative analysis in this article is the terms of Family relations, which are used in the function of address in Latgale. Russians, Latvians, Byelorussians, Poles, Jews and other nationalities have been living side by side. People in many Families speak in 2 or 3 languages. It is a favourable soil for different cultures, traditions and languages interaction. The terms of Family relations are the peculiar mirror, which reflects this process.

Объектом сопоставительного анализа в данной статье являются термины родства, употребляемые в Латгалии в функции обращения. Латгалию от других регионов Латвии отличает мультикультурная, мультиязыковая и мультиконфессиональная ситуация, где издавна бок о бок проживают русские (православные и староверы), латыши (преимущественно – католики, но встречаются православные и лютеране), поляки (католики), белорусы (православные, староверы и католики), евреи (иудеи) и другие. Вполне естественно, что многие семьи здесь являются смешанными, и не в одном поколении. В таких семьях говорят, как правило, на двух, а то и на трех языках. А это является благодатной почвой для взаимодействия разных культур, традиций и языков. Своеобразным зеркалом, отражающим этот процесс, являются термины родства.

Русские и латышские термины родства выступают как в *ситуациях упоминания* (когда говорят о родственниках), так и в *ситуациях обращения* (когда непосредственно обращаются к родственникам). Данные терминологические системы очень близки – они отражают иерархические отношения в

семье и включают две группы слов: термины *родства* (кровное родство) и термины *свойства* (родство по браку) [2, 80].

Термины *свойства* употребляются главным образом в ситуациях упоминания и практически не встречаются в ситуациях обращения. В современных семьях родственников по браку предпочитают называть описательно (например, вместо *деверь, шурин, svainis – брат мужа, брат жены, vīrabrālis, sievasbrālis*). В Латгалии широко употребляются слова *швагра* и *швагерка*, причем как в латышской, так и в русской, польской и белорусской среде.

Термины *кровного родства* используются в обеих ситуациях, но для родственников по восходящей линии существуют ситуационно дифференцированные слова: *отец и мать; tēvs и māte* (ситуация упоминания) и вокативы *nan(a), mam(a); tēti, mam* (ситуация обращения).

К членам семьи по нисходящей линии или к представителям одного поколения принято обращаться по личному имени или по его гипокористическим формам.

При обращении к членам семьи по восходящей линии обычно выбираются специальные вокативы от терминов

родства. Сами термины тоже могут выступать в ситуации обращения (*мать, отец, тѣте, тѣв*), но они при этом получают дополнительную нагрузку. Специальные вокативы от терминов родства выражают различные оттенки коннотации – от иронично-насмешливых до ласкательно-нежных.

Термины родства в ситуации обращения широко представлены в обоих языках, где их употребление имеет много общего.

1. При обращении к членам семьи по прямой восходящей линии (*отец, мать, бабушка, бабушка*) выступают вокативы от терминов родства и различные их производные, способные передавать разнообразную оценку – *пап(а), па, папка, папочка, папан(я), папул(я), папусик, папик, татуся, бат(я), батька, батяня, батон, старик, старый, фазер; тѣт, тѣтѣ, тѣти, тѣта, тѣтѣ, тѣтук, тѣтисѣ, рар, рарс, рари, рарук, рарисѣ*. Обращают на себя внимание факты использования в эмоционально-экспрессивных целях не только устаревших и диалектных, но также жаргонных и заимствованных слов. Причем слова заимствуются взаимно, в обоих направлениях – из русского в латышский (*рар, рарс, рари, рарук, рарисѣ*) и из латышского в русский (*татуся*).

При нейтральном обращении к бабушке или дедушке в функции вокатива в русском языке выступают соответствующие термины родства – *бабушка, дедушка*, или их усеченные варианты с гипокористической формой имени или без него – *баб(а) (Катя), дед(а) (Коля)*. В латышском языке в этой ситуации употребляются разные по происхождению вокативы: исконный (*vecotēv, vecomat-* по всей Латвии) и заимствованные из немецкого (*opi, ota* – обычно в западной части Латвии) и из русского (*džeda, baba* – обычно в Латгалии). При этом для бабушек в обоих языках существует гораздо больше гипокористических вокативов, чем для дедушек. Особенно большое разнообразие таких форм представлено в латышском языке, в нем даже существует вокатив, производный от *татма – тѣтмѣл*. Кроме этого, в Латгалии часто употребляются и русские по происхожде-

нию обращения – *baba, babī, babulī, babuķiņ, babuļa*. У русских отмечены только заимствованные из польского языка формы – *бабтя, бабуня* (в смешанных семьях).

2. К членам семьи по прямой нисходящей линии (*сын, дочь, внук, внучка*) обращаются чаще по личному имени или прозвищу. В Латгалии эти группы русских и латышских терминов активно взаимодействуют. Так, например, в системе русских вокативов под влиянием латышских обращений к младшим братьям или сестрам появились слова *мелкий, малый, малой, мелкая, малѣя, малѣя*. Только в русском языке они употребляются по отношению к детям и внукам. В свою очередь, латышские дедушки и бабушки, обращаясь к своим внукам, используют слово *inuk*, представляющее искаженную форму русского *внук*.

3. Термины родства, обозначающие родственников по боковой линии (*дядя, тетя, брат, сестра*), широко используются как в ситуации упоминания, так и в ситуации обращения. В первом случае возможны разные способы их названия – термином родства (*мой дядя, моя тетя, мой брат, моя сестра, mans tēvocis, mana tante, mans brālis, mana māsa*), термином родства и именем, словом *крестный, крестная, krusttēvs, krustmāte*.

В ситуациях обращения русские термины родства всегда выступают вместе с именем (*тетя Вера*). Латыши также преимущественно употребляют термин родства с личным именем, но иногда обращаются к ним только по имени. Поэтому в Латгалии среди русских тоже наблюдаются обращения к этим родственникам по имени или по его гипокористической форме.

Литература

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1992.
2. Рулан Н. Юридическая антропология. М, 2000.
3. Супрун В. И. Антропонимы в вокативном употреблении // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 4. 2001. № 20.

Русский антонимический концепт *правда – ложь* в зеркале английского *truth – lie, falsehood*

Н. А. Погребная

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Антонимический концепт, наивная картина мира, пословичная картина мира

Summary. The main object of the article is the conception 'truth – lie, falsehood' and 'правда – ложь' that are considered to be antonymic. Such conceptions consist of antonymic pares because they are based on the common super sense ('the correlation between a speech act and reality made by a speaker'), developing opposite meanings. The system involves such notions that develop antonymic senses within themselves.

Рассмотрение антонимических концептов имеет следующие направления: выявление типичных схем вербализации содержания отобранных концептов в русской и английской наивных картинах мира (на материале пословичной картины мира) и анализ изобразительных средств, характерных для каждой из данных культур. Мы полагаем, что способ организации самой паремии может быть связан с тем, какую грань концепта раскрывает данный языковой афоризм, то есть к какой смысловой группе он принадлежит.

Концептуализация в наивной картине мира существенно отличается от концептуализации в кодифицированном языке. В систему антонимического концепта в наивной картине мира входят слова, которые противопоставляются в семантическом поле концепта зачастую благодаря лишь своему символическому значению; фреймы, ситуации, типичные для данной культуры и понятные всем носителям языка; а также другие концепты, коррелирующие с исследуемыми концептами. Именно те понятия, символы и фреймы, которые составляют внутреннюю форму пословицы, отражают национально-культурный компонент картины мира определенно-го народа. Более того, в наивной картине мира в семантическое поле антонимического концепта входят такие противопоставления, которые способны отразить явления, с трудом поддающиеся семантизации напрямую. Их компоненты с точки зрения теоретического языкознания не являются антонимами, но для носителей культуры они являются концептуальными противоположностями и отражают совершенно определенные грани рассматриваемого концепта.

Ученые уже обращали внимание на тот факт, что в наивной картине мира свойство предмета или явления гораздо важнее, чем сам предмет. Не менее важным наивное созна-

ние считает соответствие реальности, в которой пребывает народ – носитель языка и культуры. Истина и правда по своей сути имеют различные сферы проявления (Н. Д. Арутюнова). Но именно они, противопоставляя себя лжи, служат качественной характеристикой всего бытия человека. В рамках данных концептов осуществляется поиск жизненных ориентиров и ценностей.

В наивной картине мира правда подвергается рассмотрению чаще, чем истина, вероятно, в силу осознания божественного происхождения последней. Общим для двух языков выступает то, что на бытовом уровне истина по смыслу соотносится с фактами.

Правда на бытовом уровне выступает как регулятор и система оценки происходящих событий. Отдельный аспект в содержании правды представляет собой справедливость. Правда, как и истина, несет черты сакрализации, которые выявляются в сравнении с солнцем, при указании на характер неизменности, при определении недостижимости и неуязвимости. Более того, правда в русской пословичной картине мира наделяется способностью рассудить.

В английской пословичной картине мира сила правды также сакрализуется, подчеркивается ее недостижимость, неуязвимость, способность осудить. Некоторые различия отмечаются в средствах вербализации. Разница в способах вербализации и концептуализации отражает национально-культурный компонент, заключенный в прецедентных текстах культуры.

Концептуализация лжи во многом отражает основные черты концептуализации правды.

Некоторые паремии содержат прямое противопоставление правды и лжи. Соотношение иллюстрируется при помощи сопоставления глаголов движения.

Поскольку мысль реализуется в словах, которые, собственно, и получают оценку с точки зрения правдивости или ложности, слово выступает на уровне концепта. Важной особенностью наивной картины мира можно считать то, что верят не словам, а тому, кто их произносит.

Сопоставительный анализ эволюции эвфемизмов в русском и английском языках

Н. М. Потапова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Эвфемия, эвфемизм, запрет, табу, язык

Summary. Euphemism is an old phenomenon dated back to ancient times. The usage of euphemisms is aimed at avoiding conflict which may be provoked by some direct words or expressions. Each historic period had its own views on what can or cannot be said directly in public, its own taboos which gave birth to new euphemisms. In modern times euphemisms are used practically in every sphere of human activities reflecting modern perceptions of taboos.

Значение явления эвфемии как феномена языка велико. Об эвфемии уже знали и пользовались ею писатели и философы древности. В «Античной теории языкознания и стиля» под редакцией О. М. Фрейденаберга говорится об упоминании термина «эвфемизм» Гиппием, Демокритом, Платоном, Аристотелем. С тех пор это явление пользуется неизменной популярностью у писателей и теоретиков языка и литературы, а также у людей в повседневном общении. Каковы причины такой популярности?

Представляется, что причина во взаимосвязи языка и мышления. Язык отражает способность человеческого мышления структурировать реальность. В нашем случае, реальность структурируется таким образом, чтобы избежать конфликта с собеседником, вследствие использования прямого, и поэтому часто грубого наименования. Используя заменное слово – эвфемизм – человек предотвращает конфликт. Конфликтом здесь мы считаем нарушение гармоничного и спокойного течения процесса коммуникации, возникновение неприятных эмоций, вызванных использованием говорящим отдельных слов и выражений. Одной из причин подобного конфликта является формировавшийся веками и изменяющийся по форме, но неизменный по сути феномен – запрет или табу на произнесение некоторых слов.

Запреты существовали всегда. В жизни древнего общества имя было тесно связано с обозначаемым. Люди верили в магическую силу слов и считали, что внутри слова происходит, выражаясь образно, борьба мрака и света. Следствием этих взглядов и явилось возникновение феномена табу, то есть запрета на определенные действия и на ряд слов в языке. Люди представляли себя активными участниками жизни-борьбы и путем употребления верных слов стремились влиять на исход этой борьбы.

В феномене табу отразилась диалектика человеческого мышления, взаимопроникновения «да» и «нет» и свобода выбора между ними. Явление табу дало человеку возможность осознать природу на фоне контраста. А контраст, как известно, ведет к познанию, дает возможность различить единство и множество, скрытое и явленное, внешнее и внутреннее. В основе табу и эвфемизма лежит один и тот же феномен – запрет. Запрет в языке – это недопустимость употребления слова. Эвфемизм решает эту проблему, предлагая нейтральное, смягчающее слово вместо запретного слова. Термин «эвфемизм» (euphemism) образован от греческих *eu* и *pheme*, которые в древнегреческо-русском словаре И. Х. Дворецкого переводятся как «произносить слова благоприятного значения, то есть воздерживаться от неподобающих слов, не кощунствовать или хранить благоговеющее молчание».

Рассмотрение эволюции эвфемизма поможет глубже проникнуть в суть этого явления. Нужно отметить, что эволюционировал не сам концепт, под которым мы понимаем необходимость использования более приемлемого слова взамен прямого, а выбор antecedента, то есть слова или выражения, требующего замены.

В разные эпохи развития языка неудобными, а поэтому требовавшими замены считались разные слова и выражения. Особый интерес представляет сравнительный анализ эволюции эвфемизмов в русском и английском языках. Счи-

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что смысл в наивной картине мира организуется по принципу антонимии. Противоположности могут выражаться при помощи концептуальных антонимических пар или при использовании отрицательных конструкций.

тается, что эвфемизмы стали широко использоваться в английском языке начиная с XVI века. В XIV веке вошла в моду французская культура, призывающая к большей утонченности, в результате чего появилась тенденция к облагораживанию языка и, как следствие, возникновение и использование эвфемизмов, как в литературе, так и в общении простых граждан для замены простых слов изящными.

В конце XVI века пуритане, активные борцы за нравственность в Англии предприняли попытки насильно внести изменения в язык. Была введена цензура, появились новые интерпретации произведений Шекспира, и соответственно, новые эвфемизмы. Традиции пуритан оказались настолько сильными, что ощущались и в XVIII веке.

В русском языке похожие явления имели место в XVIII веке. Широкое распространение эвфемизмов связывают с деятельностью М. Карамзина по упрощению письменной речи и созданию изящного языка для избранных.

Некоторые писатели-«европейцы» последователи Карамзина начисто отвергали тогда церковнославянские слова, отрицая принцип соединения церковнославянизмов с простой народной речью. Такая позиция, вызвала противодействие и привела к борьбе пуристов против «нового слова» Карамзина.

В XIX веке в Англии началась индустриальная революция, повлекшая за собой урбанизацию. В моде была чистота, непорочность и деликатность. Скромность и целомудрие были возведены в культ. Изменение условий жизни привело к изменению общественных вкусов и морали. Появились эвфемизмы, обозначающие части тела не только человека, но и животных и даже частей мебели.

В развитии эвфемизмов в английском и русском языках в XVIII–XIX веках можно увидеть общие закономерности. Это стремление использовать более изящное, иностранное, слово вместо исконно русского или английского простого. Распространение получили эвфемизмы, маскирующие те явления, которые высшему обществу казались неприличными: части тела, физиологические процессы, сферу чувств и эмоций. Общие закономерности развития эвфемизмов русского и английского языков в XVIII–XIX веках обусловлены влиянием французского языка, как языка королевского двора, устанавливающего и диктующего моду. Реакция на чрезмерное использование изящного языка в Англии и России схожа, так как она привела к появлению пуритан в Англии и пуристов в России.

XX век – время быстрого научно-технического прогресса, переоценки Викторианских ценностей в Англии, что привело к появлению новой волны эвфемизмов.

Результатом революции 1917 года в России явилось новое языковое строительство как часть культурной революции. Языковому факту пытались придать классовую сущность. Предпринимались попытки упростить язык для нужд пролетариата. Также возникли новые эвфемизмы.

Мировые войны, научно-технический прогресс, постепенная глобализация меняют общество. Исчезают многие табу и появляются новые – сексизм, расизм, эйджизм (ageism), религиозизм и др. Эвфемизмы как языковое отражение феномена табу присутствуют во всех сферах деятельности человека.

Теория поля в межъязыковых сопоставительных исследованиях

И. С. Ровдо

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Функционально-семантическое поле, деривационное поле, функциональное деривационное средство, сопоставительное исследование

Summary. Interlingual couples «Word-analytical nomination» within the bounds of the functional-semantic field are investigated.

Объектом исследования являются межъязыковые пары «слово исходного языка сопоставления – лексическая лакуна второго из сопоставляемых языков, заполненная аналитической номинацией». Чтобы классифицировать средства компенсации лексических лагун по месту, которое они занимают среди соседних, идентичных с ними по функции, языковых средств, целесообразно провести исследование с опорой на теорию поля. Полевой подход анализа в данной ситуации должен учитывать три фактора: 1) основные признаки поля в пределах одного языка, 2) фактор межъязыкового сопоставления, 3) обусловленность структуры поля определенным языковым материалом, в частности, в нашем случае наличием словообразовательно обусловленных лексических лагун и средств их компенсации. Лексические лакуны и средства их компенсации рассматриваются в пределах поля, которое по характеру своей семантики является словообразовательным, а по средствам выражения этой семантики функционально-семантическим.

Рассмотрим некоторые подходы ученых к применению полевой методики с учетом указанного. Так, В. М. Никитевич отделяет словообразовательное поле от деривационного. Под словообразовательным полем он понимает поле, основанное на знаковом отличии средств одного уровня... Выражение одного и того же общего значения материально разными словообразовательными аффиксами дает словообразовательное поле... В отличие от словообразовательного поля деривационное поле включает в себя не только производные слова – результат словообразования, но и иные способы номинативной деривации. Семантика деривационного поля модифицируется и дополнительно дифференцируется за счет синонимичных, но несловообразовательных средств ее выражения (В. М. Никитевич). Такая трактовка деривационного поля приближает его к функционально-семантическому. Близкими по сущности к указанному, но различными по терминологической манифестации являются лексико-семантические поля, в которых взаимодействуют разные типы номинативных единиц – слова простые, производные, сложные и словосочетания разной степени устойчивости и структуры. Эти поля выделяются на основании категориального значения, заданного аффиксом. Такие поля называются и функционально-семантическими (С. С. Хидекель).

Е. В. Тарасова отмечает, что базой сопоставительного описания языков может быть языковое поле. В зависимости от конкретных задач описания эмпирического материала оно может трактоваться как функционально-семантическое, грамматико-лексическое и т. п., но именно с позиций теории лингвистического поля изучение контрастивно-типологической проблематики представляется наиболее целесообразным (Е. В. Тарасова).

Конституенты поля в сопоставительных исследованиях могут предопределяться какой-нибудь структурной категорией в одном из сопоставляемых языков. «...поскольку в контрастивном исследовании рассматриваются, как правило, только два языка – исходный и второй язык сопоставления – отличия между ними, довольно очевидные на структурном уровне, могут быть описаны детально в плане функциональном, в плане относительного перераспределения

средств системы второго из сопоставляемых языков для выражения определенного понятийного смысла, заданного структурной категорией исходного языка» (Б. М. Балин).

Еще более выразительна идея поля с исходной единицей в первом из сопоставляемых языков и с совокупностью единиц, способных передавать ее содержание во втором из языков сопоставления, прослеживается в лингво-переводческих исследованиях. «...представляется возможным постулировать существование в памяти носителей упорядоченного двуязычия таких совокупностей единиц ПЯ, которые обязательно задействуются каждый раз при необходимости «перевыражения» семантического содержания исходной единицы поля ИЯ. Мы склонны считать, что единица поля ИЯ и соответствующие ей единицы поля ПЯ в своей совокупности образуют особую структуру или функционально-инвариантную группировку элементов, специфика которой проявляется в совместном существовании разноязычных элементов... Семантическое пространство, являющееся определенным образом упорядоченной функционально-инвариантной группой единиц двух языков, служащих для выражения какой-нибудь универсальной семантической единицы... предлагается назвать межъязыковым полем» (И. М. Семенова).

Обратимся к фактическому материалу. Белорусские прилагательные с формантом *за-* имеют словообразовательное значение ‘превышающий степень качества, названного мотивирующим словом’. В русском языке эта семантика выражается лексически: бел. *загусты* – рус. *слишком густой*, бел. *закіслы* – рус. *слишком кислый*, бел. *залёгкі* – рус. *слишком легкий* и т. п. Слово *слишком*, пожалуй, наиболее точно и универсально передает словообразовательную семантику. Именно оно и предлагается во всех случаях белорусско-русским словарем. Однако это не означает, что русский язык не имеет больше возможностей передать данную семантику. В такой же функции могут выступать и другие слова и устойчивые сочетания слов: *чересчур, излишне, чрезмерно, неумеренно, преувеличенно, не в меру, через меру, сверх (всякой) меры, свыше (всякой) меры, более чем, уж очень*. Указанное словообразовательное значение и в белорусском языке может быть выражено словом или устойчивым сочетанием слов: *вельмі, надта, неймаверна, моцна, дужа, праз меру, не ў меру, на рэдкасць, да дзіўнага*. Различные контекстуальные ситуации не исключают использования и других языковых средств в этой функции как в русском, так и в белорусском языке. Они могут быть определены как **функциональные деривационные средства**, к которым будут относиться любые единицы языка в функции словообразовательного аффикса.

Указанные языковые средства рассматриваются как конституенты поля данного словообразовательного значения. Д. Коллар утверждает, что исходным моментом системного описания языка в сопоставительном плане должна быть новая, искусственно созданная система эквивалентностей. Эта система основана на совокупности эквивалентов сопоставляемых языков и действительна только для этих языков. Такое сопоставление позволит выявить специфические особенности, которые при рассмотрении языковой системы с точки зрения одного языка могут остаться невыявленными (Д. Коллар).

О принципах составления «Русско-армянского тематического словаря сокращений, употребляемых в юриспруденции»

А. Г. Саркисян

Ереванский государственный лингвистический университет имени В. Я. Брюсова (Армения)

Двуязычный, лексикографический, тематический, юридический, аббревиация

Summary. The first Russian-Armenian linguocentric dictionaries of abbreviations were published only in 80-ies of the twentieth century. «Russian-Armenian topical dictionary of abbreviations used in law» contains about 3500 modern abbreviations divided into topics and subtopics of various type.

Современное состояние и пути дальнейшего развития лексикографии, которая является, по словам Ю. Н. Карауло-

ва, одним из «каналов нашей науки, русистики и таким образом дает нам непосредственный выход на каждого члена

общества» [Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М., 1988. С. 5] продолжает волновать русистов. За последние годы в истории русской лексикографии появилось большое число словарей различных типов. Но, к сожалению, в их число входят и словари, авторы которых являются, может, и выдающимися учеными в своей области знания, но никак не лексикографами.

Для любого словаря важен фактор ориентации: на кого, на какого потребителя он ориентирован. Сегодня отраслевые специальные словари как одноязычные, так и дву- и многоязычные предназначаются (в отличие от времен «самого читающего народа») специалистам и студентам. Эти адресаты: 1) либо понимают о чем говорится в словарной статье и хотят убедиться в этом или уточнить что-то; 2) либо, имея лишь определенные знания в этой области, желают углубить свои познания. И первым, и вторым нужны специальные отраслевые терминологические словари.

В армянском языке потребность в словарях ощущалась еще в далеком V веке, когда великим Месропом Маштоцем были изобретены армянские письмены. По нашим подсчетам, за годы советской власти было издано свыше 40 русско-армянских и армяно-русских терминологических словарей, а из 8 изданных в 1980-х годах словарей 6 являются (антропологическими) и лишь 2 – лингвоцентрическими, по терминологии В. В. Морковкина.

Аббревиация получила широкое распространение в русском и армянском языках с начала XX века, а первые русско-армянские лингвоцентрические словари сокращений появились лишь в 1980-е годы, см. Меликян С. О., Сагателян В. В. Краткий русско-армянский словарь сложносокращенных слов по математике и кибернетике (около 340 вокабул) (Ереван, 1986. 34 с.); Саркисян А. Г. Русско-армянский словарь географических аббревиатур (около 900 вокабул) (Ереван, 1986. 34 с.).

Рассматриваемый наш Словарь, не имеющий аналогов в русско-армянской лексикографии, содержит около 3500 со-

временных сокращений русского языка, распределенных по темам и подтемам. Благодаря тематическому расположению материала словарь будет полезен не только юристам, но и работникам иных профессий и отраслей знаний.

Словарь включает сокращения различных типов:

1) условные графические сокращения разных структурных разновидностей: **т. к. так как** (здесь и далее в целях экономии места будет приводиться по одному примеру. – А. С.);

2) инициального типа: а) образования из сочетания начальных букв слов: **КПЗ камера предварительного заключения**; б) образования из сочетаний начальных звуков слов: **ВАК Высшая арбитражная комиссия**;

3) слоговые и инициальные компоненты, не претерпевшие в составе сложносокращенных слов морфологического опрощения, т. е. отличающиеся известной вычленяемостью: а) слоговые отсечения от слов (префиксоиды и суффиксоиды): **био биологический**; б) отсечения, состоящие из двух слоговых компонентов: **гидромет... гидрометеорологический**;

4) сложносокращенные слова смешанного образования **ГОСТ: Государственный стандарт**;

5) заимствованные из других языков сложносокращенные слова и инициальные сокращения различной структуры: **ИНТЕРПОЛ** *англ.* INTERPOL, International Criminal Police Organization – *Международная организация уголовной полиции*;

6) аббревиатуры-названия учреждений, в которых используются сокращенные части не всех слов, составляющих полное наименование, например: **Центризбирком** *Центральная избирательная комиссия*;

7) аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом: **Госдума** *Государственная Дума*;

8) аббревиатуры из сочетания начальных частей слов («слоговые»): **генсек** *генеральный секретарь*.

В конце Словаря дается общий **Алфавитный указатель**, который позволит быстро отыскать любое сокращение, а также найти сокращения-омонимы, расположенные в разных тематических группах.

Универсальное и национальное в русской и турецкой языковой картине мира (на материале концепта «отец» в пословицах и поговорках)

Н. П. Сидорина

Саратовский государственный медицинский университет
Языковая картина мира, концепт, паремии

Summary. In the work there are analyzed universal and culture-induced indicators of «father» concept in the Russian and the Turkish language picture of the world on the basis of proverbs and sayings. A conclusion is made about world perception of the Russians and the Turks.

Как известно, язык является не только средством общения, но также инструментом мышления и познания, отражением непосредственной картины мира. Каждый народ (этнос), каждая лингвокультурная общность обладает своей национальной картиной мира, которая формирует тип отношения человека к миру, природе, другим людям, самому себе как члену этого общества, определяет нормы поведения и ценности.

Языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка. Знания о мире фиксируются на всех его уровнях, но наиболее ярко национальная культура проявляется в пословицах и поговорках, в максимально концентрированно виде отражающих историю, общественный опыт, традиции, уклад жизни и нравственные установки носителей языка. Сопоставление пословичного фонда одного языка с другим позволяет выявить их универсальные свойства и национальные особенности. Проследим реализацию концепта «отец» посредством паремий в русском и турецком языках.

Анализ паремий, имеющих отношение к выражению концепта «отец» в русском и турецком языках позволил выделить ряд общих универсальных концептуальных признаков (свойств), внутри которых наблюдаются дифференциальные черты, отражающие национальную специфику миропонимания двух сравниваемых культурных пространств.

Общим универсальным свойством концепта «отец» в обоих описываемых языках является **уподобление сына отцу**. Если в паремиологическом фонде русского языка описывается прежде всего сходство поступков, характеров, человеческих натур (*По отцу и дитяtko; Каков батюшка, таковы и детки; Каково дерево, таков и клин, каков батька,*

таков и сын; У доброго дядьки (батьки) добры и дитяtkи), то для турок гораздо актуальнее оказывается, что отец передает сыну свою профессию, сын наследует мастерство отца и в этом становится таким же, как и отец: *Atalar sanatı evlâda miras kalır / Отцовское мастерство наследуется детьми; Babanın (или atanın) sanatı oğula mirastır отцовское ремесло – сыну наследство*. В турецких паремиях профессия понимается как искусство, передаваемое из поколения в поколение, и как наследство, могущее обеспечить жизнь детей. Стиль пословиц высокий, поддерживается значениями лексем *sanat* (1) искусство, художество; 2) творчество; 3) мастерство, умение; ловкость; 4) ремесло, профессия, занятие), и *miras* (наследство), заимствованных из арабского языка, являвшегося языком ислама и обслуживающего высокий стиль. Стилистика же русских пословиц об общности профессии отца и сына часто разговорная, иногда даже ироничная: *Отец рыбак, и дети в воду смотрят*. Интересно, что в паремиях турецкого языка кроме своего ремесла отец может оставить сыну в наследство и своих друзей: *Ata dostu oğula mirastır / Отцу – друг, сыну – наследство*, но другая пословица предостерегает *Baba düşmanı oğul dostu olamaz / Недруг отца не может стать другом сыну*. Таким образом, в пословицах прослеживается, на наш взгляд, более рациональное и практичное отношение турок к жизни, нежели русских.

Следующим универсальным признаком концепта «отец» можно назвать единицы (компоненты) с общим инвариантом смысла «непохожесть на отца». И в русском и в турецком языке обнаружены пословицы, описывающие этот признак: *И от доброго отца родится бешена овца; Akıllı babanın akılsız oğlu olur / У умного отца сын дурак бывает*. Здесь также следует упомянуть пословицы, говорящие об

отсутствии отцовского ума у сына и невозможности предотвратить сыновью глупость: *Сын-то он мой, да ум у него свой; Сын запоет – и отец не уйдет; В глупом сыне и отец не волен; Глупому сыну и родной отец ума не пришьет; Глупому сыну не в помощь наследство (не впрок богатство); Baba aklıyle adam adam olamaz / [одним] отцовским умом человеком не станешь.* Заметим, что поговорки русского языка фиксируют пассивное, несколько фаталистичное отношение к сложившимся обстоятельствам. В этом заключается национальная специфика мировосприятия явлений окружающего мира.

И турецкие и русские пословицы отмечают, что **отец не может рассчитывать на сына (детей)**. Это еще один универсальный признак, выделяемый при описании паремий двух языков: *Не надейся на сына: береги свою силу; Надейся на свою силу – лучше родного сына; Oğluna güvenme, koluna güven / Не полагайся на сына, полагайся на свою собственную руку.* Внутри названного признака следует рассмотреть паремии, в которых общей является мысль о том, что дети своими нечестными поступками ставят отца в постыдное положение, т. е. позорят: *От плохого сына отец сидит; Черные дела сына бьют голову отца; Позорит седины отца (о сыне); Валий, дети: отец в ответе; İyi evlât babayı vezir, kötü evlât rezil eder / Хорошие дети делают отца визирем, а плохие [только] позорят.* В русских пословицах внимание фокусируется на седой голове отца, т. е. отец, переживая из-за неблагоприятных поступков сына, сидит – речь не идет о бесчестье как таковом. Турецкая поговорка содержит упоминание о визире – титуле министра, высшего сановника, уважаемого человека во многих странах Ближнего и Среднего Востока, который отец может метафорически получить благодаря честным поступкам и доброму имени своих детей. В поговорке присутствует явное выражение общественного статуса, а под позором и бесчестьем отца

подразумевается позор публичный, осуждение со стороны общества. В паремиях и турецкого и русского языков отмечается **неблагодарность детей по отношению к отцу**: *Bir baba dokuz oğlu besler dokuz oğul bir babayı besliyemez / Один отец кормит девятерых детей, девять детей не могут прокормить одного отца; Baba oğluna bir bağ vermiş, sonra oğlu babasına bir salkım üzüm vermemiş / Отец подарил сыну виноградник, а сын потом отцу гроздь винограда не дал; Дети возмужают – батьку испугают; Детки подросли – батьку растрясли.*

Следующий универсальный признак, находящий свое выражение в материале пословичного фонда – **отношение детей к наследству**. И турецкие и русские паремии одинаково оценивают отношение детей к наследству: *Батька горбом (нажил), а сынок горлом (прожил); Плачет сын по отцу, что мало денег оставил; Babadan kalan kalan kıymeti bilinmez / Добру, оставшемуся от отца, цены не знают; Baba mirası tım gibi çabuk söner / Отцовское наследство сгорает (букв. гаснет) быстро, как свеча.* Однако в турецких паремиях в отличие от русских выражается необходимость детей зарабатывать деньги самим, а не жить за счет отца: *Ata malı mal olmaz, kendin kazanmak gerek / Отцовское богатство не богатство, надо работать самому; Baba malı tez tükenir, evlat gerek kazana / Отцовское добро быстро кончается, надо зарабатывать самому* тогда как русская поговорка гласит: *Кормил до усов, корми и до бороды.*

Анализ универсальных и национально обусловленных свойств концепта «отец» на материале паремий русского и турецкого языков позволяет делать общие выводы о мировосприятии мира турками и русскими в целом. Русские более созерцательны, пассивны, неагентивны, эмоциональны и фаталистичны, турки же рациональны, практичны, рассудительны и активны, что, несомненно, связано с историей, традициями, укладом и условиями жизни нации.

Чешский концепт *lítost* и его соответствия в русской лингвокультуре

Е. Е. Стефанский

Самарская гуманитарная академия

Славянские языки, когнитивная лингвистика, эмоциональные концепты

Summary. The report analyzes the Czech concept 'lítost' and its equivalents in Russian.

1. Чешское слово *lítost* этимологически родственно русскому слову с прямо противоположным значением: *лютость* 'жестокость'. Подобное расхождение в значениях обычно принято объяснять энтимосемией. Однако такое объяснение представляется поверхностным. Праславянский концепт *ljutostь, по-видимому, синкретически совмещал в себе две несовместимых с точки зрения современного сознания эмоции – 'жестокость' и 'жалость', и формировалось это чувство в процессе древнейшего обряда инициации и последующего воспитания в так называемом юношеском «песью-волчьем» коллективе (см. [1, 88–122] и [3]).

Этот древнейший синкретизм подвергся в славянских языках семантической дифференциации. В восточнославянских языках господствующим является значение жестокости, тогда как в западнославянских – значение жалости, милосердия. С другой стороны, в западнославянских языках сохраняются отголоски значения 'жестокость'. Так, в польском языке субстантивированное прилагательное *luty* обозначает февраль – самый суровый месяц года. В чешском языке *lity* означает 'бешеный, свирепый, яростный, дикий'. Словацкое *l'utica* обозначает неистовую, яростную, злобную женщину, дьяволицу (вероятно, словацкий вариант русской *ведьмы*).

2. Чешское *lítost* в ее современном значении сохраняет древнейший синкретизм эмоции *ljutostь, совмещая в своей семантике жестокость и жалость. Очень точно толкует семантику этой чешской лексемы Анна А. Зализняк: 'чувство

острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию' [2, 273]. В романе «Книга смеха и забвения» Милан Кундера посвящает этой эмоции целый лингвокультурологический этюд. Он характеризует этот чешский концепт следующим образом: «*Литость* – мучительное состояние, порожденное видом собственного, внезапно обнаруженного убожества» [4, 178].

Автор описывает культурные сценарии, в которых возникает эта эмоция, и рассматривает варианты реакций индивида на *lítost*. Состояние собственного убожества может возникнуть в результате зависти и обычно снимается ответной агрессией, направленной на более слабого соперника; *lítost* может также вызываться обидой и снимается провокацией, направленной на более сильного обидчика. Показательно в этом отношении сравнение *литости* с двухтактным двигателем, приводимое Кундерой: «*Литость* работает как двухтактный мотор. За ощущением страдания следует жажда мести. Цель мести – заставить партнера выглядеть таким же убогим» [4, 179]. Эта аналогия весьма показательна. В ней очень емко заключен древний синкретизм семантики слова *ljutostь. Первый такт – жалость к самому себе вследствие чьей-то агрессии, второй такт – жажда мести, рождающая ответную агрессию.

Параллельные русские тексты показывают, что в русском сознании чешскому концепту 'lítost' могут соответствовать концепты 'зависть', 'ревность' или 'обида'. Ср., например:

<i>Lítost</i> ≈ зависть, ревность	<i>Lítost</i> ≈ обида
В то время как Земанек пел хвалу молодому поколению, я смотрел на мадемуазель Брожову и, с грустью убеждаясь, что это красивая и симпатичная девушка, испытывал завистливое сожаление (<i>závistlivou lítost</i>), что она принадлежит не мне (Кундера. «Шутка»).	– Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, я не плачу. Только очень уж мне обидно (<i>lító</i>): вы с вами самые несчастные люди на этой войне и во всем мире, и оба в этом не виноваты (Гашек. «Похождения бравого солдата Швейка»).
Lítostivá žárlivost opustila však dívku tak rychle, jako ji přepadla – Впрочем, горестная ревность покинула девушку так же быстро, как и пронизала ее (Кундера. «Ложный автостоп»)	

3. Важно отметить, что, существуя в виде «культурного сценария», концепт *'litost'* легко угадывается даже в таких фрагментах дискурса, где не употребляется лексема *litost*: Об этом свидетельствует, например, следующий фрагмент из рассказа:

«Сейчас [после разговора с Гавелом] с полной ясностью ему [редактору] открылось, что его девушка неинтересна, ограничена и некрасива. <...> [На следующий день при виде веселого доктора Гавела с красивой женщиной редактор] ...ощутил в душе **зависть** (*závist*), почти схожую с **ненавистью** (*zášť*). <...> В этом сиянии редактор почувствовал себя еще более **жалким** (*ubožejší*)» (М. Кундера. «Доктор Гавел двадцать лет спустя»).

В русском языке точного эквивалента чешскому *litost* нет. Вместе с тем соответствующий концепт в русской культуре существует, но не вербализовался. Например, герой повести А. И. Куприна «Поединок» Ромашов реагирует на обиду, нанесенную полковником Шульговичем во время грубого разноса полным ненависти и достоинства взглядом.

Куприн рисует еще один, наиболее гуманный, и, пожалуй, наиболее характерный для русской языковой личности психологический механизм снятия *литости*. Эта эмоция может исчезнуть, когда рядом оказывается человек, который так же несчастен. Ромашов, остро переживая свою неудачу на строевом смотре, думает о самоубийстве. Но, встретившись с таким же несчастным – избитым солдатом Хлебниковым,

готовым совершить самоубийств – он думает: «Вот этот самый человек вместе со мной принес сегодня неудачу всему полку. **Мы одинаково несчастны**».

Но есть и еще один путь избавления от *литости*. «Когда нет никакого спасения от раздражающей душу *литости*, – пишет Кундера, – тогда к нам на помощь приходит милосердие поэзии» [4, 223]. Именно искусство становится для Ромашова средством, позволяющим уйти от суровой армейской действительности. В самые трудные минуты, терзаемый обидами, он размышляет о самом себе в третьем лице словами шаблонных романов. Мечтая об уходе со службы, Ромашов приходит к выводу о том, что «существуют, только три гордых призвания человека: наука, искусство и свободный физический труд». Более того, он даже пытается написать повесть об ужасе и скуке военной жизни.

Литература

1. Агранович С. З., Стефанский Е. Е. Миф в слове: продолжение жизни. Самара, 2003.
2. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
3. Михайлин В. Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса // Новое литературное обозрение. № 43 (2000). С. 347–393.
4. Кундера М. Книга смеха и забвения / Пер. Н. Шульгиной. СПб., 2003.

Образные фразеологические единицы в русском и английском языках

А. Л. Толстая

Курский государственный технический университет

Фразеологические единицы, семантическое поле, восприятие

Summary. The article is about phraseology expressions in Russian and English languages. All these expressions are connected with people's emotions, but the difference of physical reception and culture gratitude defines various expressions in both languages.

В современной лингвистической науке возрастает интерес к исследованию фразеологических единиц русского и английского языков.

Рассматриваемые фразеологические единицы, относящиеся к семантическому полю «отрицательные эмоции», разбиваются на 4 основных микрополя: 'страх', 'ярость', 'отвращение', 'страдание'.

В качестве примера можно выбрать семантическое микрополе «страх». Основная масса фразеологических единиц, принадлежащих данному микрополю, укладывается в обоих языках в 6 типовых образы.

1. Типовой образ связан с первопричиной эмоции – физическим восприятием или ментальным созерцанием некоторого положения вещей, которое оценивается как опасное. В английском языке данный типовой образ представлен следующими фразеологическими единицами: *be afraid of one's own shadow; fear sb / sth as the devil fears holy water*.

В русском языке в состав данного типового образа входят фразеологические единицы: *бояться как черт ладана; бояться пуще огня*.

Как видно из примеров, конкретные образы в составе типового образа различны.

2. Типовой образ связан с концептуальной метафорой «страх – холод». В английском языке данный типовой образ представлен следующими фразеологическими единицами: *be in a cold sweat; chill sb's blood*. В русском языке в состав данного типового образа входят фразеологические единицы: *в холодном поту; зуб на зуб не попадает; кровь стынет в жилах*. В рамках данного типового образа существуют фразеологические единицы, образной основой которых служит как ощущение холода (*chill sb's blood; кровь стынет в жилах*), так и инстинктивная реакция тела на холод (*be in a cold sweat; в холодном поту*).

3. Пантомимическое выражение страха: дрожь, бледность, вставшие дыбом волосы, оцепенение. Этот ряд непроизвольных реакций служит основой для следующих метонимических переносов:

а) мускульная дрожь. В английском языке данный типовой образ представлен следующими фразеологическими единицами: *make sb's flesh creep; shake / shiver in one's boot*. В русском языке в состав данного типового образа входят

фразеологические единицы: *дрожать, как заяц; трястись как осиновый лист; колени дрожат; мурашки бегают по коже; поджилки трясутся;*

б) приподнимающиеся («встающие дыбом») волосы. В английском языке данный типовой образ представлен следующими фразеологическими единицами: *curl sb's hair; make the hair rise*. В русском языке в состав данного типового образа входит фразеологических единиц: *волос / волосы встают дыбом*.

4. Гиперболизированные физиологические проявления страха. В этой группе выделяется один, но чрезвычайно продуктивный образ: остановки и резкого, ненормального изменения положения сердца (в русском языке также души). В английском языке данный типовой образ представлен следующими фразеологическими единицами: *have one's heart in one's boots / mouth; one's heart leaped into one's mouth*. В русском языке в состав данного типового образа входят фразеологические единицы: *сердце упало; сердце / душа уходит в пятки; сердце / душа в пятках; насть духом*.

5. Метафорический перенос, связанный с реакцией страха у животных. В английском языке данный типовой образ представлен следующими фразеологическими единицами: *get / have one's tail down; put one's tail between one's legs*. В русском языке в состав данного типового образа входят фразеологические единицы: *поджимать / прижимать хвост*. Фразеологические единицы, *to put one's tail between one's legs* и *поджимать / прижимать хвост*, входящие в состав данного типового образа, являются полными эквивалентами.

6. Контролируемая реакция: стремление убежать, спрятаться. В английском языке данный типовой образ представлен следующими фразеологическими единицами: *hide one's head in the sand; leave the sinking ship*. В русском языке в состав данного типового образа входят фразеологические единицы: *готов от страха сквозь землю провалиться; податься в кусты*.

Однако фразеологические единицы, не входящие в перечисленные типовые образы, обладают очень низкой структурно-семантической эквивалентностью. Ср., напр.: *put the frighteners in; press the panic button; show the white feather; lower one's colours; put the wind up; get the wind up – затика ослабила; как варом обдает; задать кому-л. конопти*.

О концепте «родина» в художественном дискурсе писателя-билингва (на материале исторических романов казахстанского писателя А. Алимжанова)

А. Б. Туманова

Казахский национальный технический университет, Алматы (Казахстан)

Родина, степь, родной край, родная земля, Казахия

Summary. This article considers the analysis of the art discourse problem and the «homeland» concept. It provides the explanation of different forms of the Russian language (motherland, native, relative region, Kazakhia) which are connected with the topic «homeland». A special attention is given to dominant steppe in the author's context of Kazakhstani writer A. Alimzhanov.

Художественный дискурс писателя – это яркое индивидуально-авторское отражение картины мира, которое проявляется в возможности свободного выбора тех или иных языковых средств в качестве доминирующих и стилообразующих (метафора, метонимия, образные слова и обороты, индивидуально-авторские слова, доминанты).

В художественном дискурсе А. Алимжанова тема *родины* является стержневой, и для выражения которой используются различные языковые единицы: степь, родной край, родная земля, Казахия и др.

Ключевое слово *степь* интерпретируется нами как образная текстовая доминанта (вместе с элементами, примыкающими к нему) на основе фиксации референциальных смыслов, наращений; описания семантической структуры ключевого слова в абстракции от контекста; фиксации ассоциативных параллелей и их национальных особенностей и выделяется как показатель национальной языковой картины мира писателя.

В произведениях А. Алимжанова слово *степь* обладает высокой частотностью (используется более 300 раз). Наблюдения показали, что данное слово актуализирует пять основных текстовых значений: *степь* (основное словарное значение) – ‘безлесное пространство, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата’; *степь* – ‘родина, страна. Родная земля’; *степь* – ‘поле (место битвы)’; *степь* – ‘незнакомое, прекрасное’; *степь* – ‘мечеть’.

Во всех перечисленных значениях присутствует образ натурфакта (*степь*) в качестве «снятого момента», обусловленного узальными языковыми связями, закрепленными в обоих языках (русского и казахского). Основной смысл, связывающий все семемы в дискурсе А. Алимжанова, – ‘родина, страна, родная земля’. Именно этот смысл выступает как семантическая константа при всех вариациях ключевого слова.

Метонимия *Казахия*, выступающая в качестве функционального заместителя лексической доминанты *степь*, не обладает высокой частотностью (25 употреблений), однако данное слово имеет глубокое, более емкое смысловое наполнение (это и *степь, народ, государство, родина*) и используется автором в момент описания решающих исторических событий, играющих важную роль в судьбе казахского народа.

По нашим наблюдениям, смысл доминанты *степь*, покрывающий референтивное пространство, проникает во все концептуально значимые участки национальной картины мира. Прослеживаются переключки с тремя основными семантическими сферами: «Человек», «Вещный мир», «Природа», а также их пересечения.

Основная семантическая переключка *степь* – человек.

В произведениях А. Алимжанова представлена широкая панорама жителей степи – представителей различных социальных слоев. Наблюдается переключка с конкретными тематическими группами семантической сферы «Человек»: а) наименование лиц по социальной принадлежности; б) наименование лиц по отношению к выполняемым воинским обязанностям; в) наименование лиц, связанных с музыкой; г) наименование лиц по возрасту. Например: *Вот откинут тонкий персидский ковер, раскрылась дверь шатра, и показался великий имам степи. Он торжественно направился к ожидавшим его ходжам и муллам* (Гонец. 1974).

Устойчивую ассоциативную цепочку образует семантическая переключка *степь* – дом, затрагивающая сферу «Вещный мир», «Человек». Для кочевника основным жилищем

была *юрта*. По форме, качеству, цвету она может быть различной и по этим признакам определяется социальное положение жителя *степи*: *Шатер был обращен лицом к степи, а дальше, чуть ниже по склону, возвышались богатые шестнадцатистворчатые юрты ханов, за ними рассыпаны юрты и шатры ханской знати и султанов, богачей, еще ниже теснились юрты и шалаши воинов, поваров, табунщиков – всех тех, кто явился сюда, чтобы слиться в огромное людское море.*

Степь, как открытое пространство, немислима без своего важнейшего спутника – *дороги*. Ведь все дороги Казахии ведут в *степь* – *дорога, тропа*. Ср.: *Дорога вела к старым горам, за которыми простираются Иртышские степи, а там не пройдет и дня, как они найдут, в этом они уверены – прямую тропу в стан батыра Тайлака* (Гонец).

Ряд устойчивых смыслов *степь* – *дорога* – *караван* – *вожак*, на наш взгляд, отражает образную специфику национального восприятия пространства, связанного с определенным укладом жизни степного народа.

Анализ реализованных во фрагментах смыслов лексической единицы *степь* позволяет говорить о направленности образной семантики к двум культурам (казахской и русской), а колоритообразующие признаки ориентированы на усиление национально значимых рядов смысловых сочетаний.

Определяется круг устойчивых образных сопроводителей доминанты *степь*. Троп структурирован на базе тех параллелей, которые заданы вышеуказанными семантическими сферами. Выделяется круг устойчивых опорных слов для образования тропов. Это наименования животных и птиц степного пространства (*конь, шакал, овца, беркут*): *Мы, как стадо перепуганных овец, бежим по степи от волчьей стаи джунгар; О, проклятие вам ханы, султаны, как шакалы, раздирающие на части свою землю, свой народ* (Стрела Махамбета. 1979). Особое место среди опорных образных операторов занимают наименования домашних животных – *конь, верблюд*. Текстовая семантика лексической единицы *верблюд* позволяет говорить о национальной специфике образных смыслов, связанных с данным словом. *Верблюд* в сознании казаха – неуклюжее животное. Неуклюжесть животного «переносится» на человека подобно тому, как в русском языковом сознании на человека переносится неуклюжесть медведя. Ср.: *Своей верблюжьей походкой он [Жакып] шагал вокруг загона, поправляя покосившиеся столбы* (Стрела Махамбета).

Сравнение часто включает детализированный объект, и детализация осуществляется с помощью казахизмов. Например: *Два моих сына похоронены в родной земле, а третий убит в зиндане хивинского хана. И я, как обезумевший бура, ныне кружусь по Мангыстау и по Усть-Урту вокруг дорогих могил* (Стрела Махамбета).

Детализированный объект *старый обезумевший бура* включает национально специфический семантический компонент. Горе человека, потерявшего всех своих сыновей, невыносимо до боли. Не случайно он ассоциируется с *бура* – *верблюдом*.

Итак, смысловая структура концепта «родина» (и его заместителей) обобщенно отражает структуру категориального смысла «пространство» (картина мира) в его национальном своеобразии и тем самым является показателем национальной языковой картины, что в свою очередь определяет специфику выражения авторского мировоззрения, мировосприятия русскоязычного писателя-билингва (в нашем случае – казаха).

Вербализация модусного плана повествования в переводе: «подвижный» метатекст

А. В. Уржа

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Семантика и синтаксис текста, модус, метатекст, интерпретация, перевод

Summary. The report concerns the phenomenon of ‘emerging’ metatext in translated variants of a literary text as compared to the original. The analysis is focused on the interpretation of modus semantics and its verbalizing in literary translation.

Метатекстовые «нити», которые, по словам А. Вежбицкой, проясняют «семантический узор» основного текста, выступают как важнейшая эксплицированная составляющая модусного плана произведения. Помимо повествователя, структурирующего информацию, выражающего свое отношение к способу ее изложения, и потенциального адресата (читателя), восприятие которого и программируется метатекстовыми сигналами, проявление других субъектов речи и мысли «внутри» нарративного текста также связано с использованием мета-организаторов. Сопровождая проявление интерпретирующего сознания, метатекстовые средства могут указывать на смену или наложение точек зрения в тексте, локализовывать их в художественном времени. В связи с этим особым интересом заслуживает проблема интерпретации метатекстовых «нитей» в художественном переводе. Как показывают данные сопоставительного анализа вариантов перевода текста относительно оригинала [Уржа 2002], на первый план в данном случае выходят не только расхождения в наборе языковых средств, но и сама специфика трактовки модусного плана текста и степени его вербализации в переводе. К ситуации перевода применимо наблюдение М. Ю. Сидоровой о том, что «декодирование модусного плана имеет больше степеней глубины, более чувствительно к языковому облику сообщения, более «проблематично», то есть вариативно. Модусное чтение требует большей читательской квалификации, чем диктумное, и может приближаться к исследовательскому чтению» [Сидорова 2000].

Действительно, семантические элементы оригинального текста, несущие диктумную информацию, проявляют значительно большую устойчивость при неизбежном для перевода перераспределении информации между текстом и контекстом, в то время как элементы модусного плана регулярно подвергаются как импликации, так и экспликации. Подобные изменения, не нанося ощутимого урона «событийной линии» произведения, серьезно влияют на созданную автором систему соотношения точек зрения на художественную действительность, на воссоздание хронотопа произведения, на формирование «образа автора», отдаляя строение переводного текста от оригинального замысла.

Типичные изменения структуры подлинника связаны в исследованных переводах прозаических произведений Э. По, О. Уайльда и К. С. Льюиса с изъятием или добавлением оборотов, реализующих традиционные функции повествователя как субъекта модуса нарративного текста. Это обороты, структурирующие повествование (собственно метатекст), выражающие отношение повествователя к сообщаемому, апеллирующие к читателю. См. примеры: «Дигори вернулся в столовую и, как говорится, прилип лицом к окну, из которого были видны крыльцо и часть улицы» (Д. Афиногенов). – Ср.: «Дигори пошел в переднюю и прижался носом к окошку, откуда были видны и крыльцо, и улица» (Н. Трауберг). Ср.: «So he went into the dining-room and “glued his face” as they say, to the window...» / «Я спустился в каюту не без дурных предчувствий» (М. Энгельгардт). – Ср.: «Я сошел вниз, и, должен сказать, в душе у меня было полное предчувствие беды» (К. Бальмонт). Ср.: «I went below – not without a full presentiment of evil». Если с изъятием оборотов сглаживается ощущение диалога повествователя с читателем поверх сюжетных событий, то при их немотивированном вкраплении разрушается иллюзия включенности читателя в описываемое происходящее.

Метатекстовые элементы, сохраненные в переводе, могут эксплицировать функции, отличные от оригинальных (например, вербализовать обращение к читателю): «Лицо у него было грязное, словно он копался в земле, потом плакал, потом утерся рукой. Примерно это, *надо сказать*, он и делал» (Н. Трауберг). – «Лицо у мальчишки было чумазое-пречумазое, словно он долго плакал, а потом утирал слезы испачканными в земле руками. *Скажу тебе по секрету*: так или почти так оно и было на самом деле» (Д. Афиногенов). Ср. с оригиналом: «*As a matter of fact, this was very nearly what he had been doing*».

Причина подобных изменений оригинала, многочисленных и регулярных, очевидно, заключается в особенностях восприятия и выражения модусных значений на уровне текста. Исключая или добавляя такой оборот, переводчик интуитивно полагается на возможность компенсации его основной функции (указания на говорящего и/или адресата) в рамках целого текста вкупе с контекстом [Quirk 1986]. При этом потеря части модусных смыслов, изменение проекции событийного плана на время повествования является для него менее ощутимой, чем потеря смыслов диктумных.

Деформации модусного плана могут быть более или менее серьезными. Изъятие авторизующих оборотов порой приводит к тому, что в переводе события оказываются представлены с точки зрения другого текстового субъекта, например: «Несколько мгновений тиран смотрел на нее, очевидно, пораженный ее дерзостью. Он, *по-видимому*, совершенно не знал, что ему делать или говорить, – как наиболее прилично выразить свое негодование» (К. Бальмонт). – Ср.: «В течение нескольких мгновений тиран глядел на нее вне себя от изумления. Он просто растерялся, не зная, как лучше выразить свое негодование по случаю такой дерзости» (М. Энгельгардт). (В переводе К. Д. Бальмонта, как и в оригинале, состояние короля гипотетически оценивается со стороны, а в варианте М. А. Энгельгардт представлена внутренняя точка зрения на ситуацию.)

Количество метатекстовых вкраплений в переводе может возрасти, если размышления героя заменяются на «пересказ» его мыслей повествователем, при этом изменения претерпевают языковые средства, выражающие соответствующие персональные, временные, пространственные модусные смыслы: «Потом он стал думать. *Итак*, надо было как можно скорее вытащить колдунью из нашего мира. Мама ее видеть не должна ни за что на свете. По городу ей ходить нельзя, чего-нибудь натворит» (Н. Трауберг). – «Дигори погрузился в размышления. *Разумеется*, прежде всего следовало вернуть ведьму в тот мир, из которого она явилась, или, по крайней мере, изгнать ее из нашего. *Кроме того*, нельзя было допустить, чтобы она бесчинствовала в доме, нельзя было подпускать ее к миссис Керк. *А еще* требовалось остановить ее, пока она не уничтожила Лондон» (Д. Афиногенов).

Вопрос о возможностях перераспределения и компенсации модусной информации в художественном переводе рассматривается применительно к различным аспектам семантической и стилистической организации произведения. Так, изъятие метатекстового оборота в позиции начала или конца текста в произведениях К. С. Льюиса, О. Уайльда и Э. По, относящихся к жанру сказки или притчи (tale), может быть отчасти компенсировано существованием других фраз «от повествователя» только в семантическом плане, но не в плане жанрово-композиционном.

Двойное и множественное отрицание в английском и русском языках

М. М. Филиппова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Двойное и множественное отрицание, культурно-специфические характеристики речи, коммуникативные и когнитивные стратегии

Summary. The talk is about double negatives and multiple negation in English and Russian. Russian belongs to languages with cumulative negation, while standard English grammar rules that only one negative is allowable in a sentence. However, double negatives and multiple negation are still possible in English, but they occur in the form of meiosis, litotes, etc. and have specific functions. The differences in culture-specific forms of expression characteristic of speakers of the two languages and involving multiple negation are discussed. Psychological and cognitive implications are considered.

Доклад посвящен двойному и множественному (кумулятивному) отрицанию в английском и русском языках. Эти языки в смысле передачи отрицательного смысла принадлежат к разным типам: в языках с множественным отрицанием, к которым принадлежит русский, при наличии в предложении отрицательного местоимения, наречия или союза происходит отрицательное согласование (этих имеющих отрицательный смысл частей речи со сказуемым) – т. е. допустимо или даже требуется «избыточное» отрицание перед сказуемым (ср. не допускаемое правилами русской грамматики «никто его видел»). Так, плеонастическое отрицание в придаточном предложении, подчиненном глаголам со значениями «отрицать», «запрещать», «сомневаться», «удерживаться», «бояться» и т. п., является проявлением такого отрицательного согласования. Однако английский относится к языкам, в которых множественное отрицание запрещается языковой нормой.

Тем не менее, двойное отрицание принимает в английском языке много форм: оно может быть внутрисклексным, т. е. присутствовать в слове имплицитно, может проявляться как сочетание двух эксплицитно отрицательных морфологических элементов внутри одной лексической единицы; многократное употребление отрицательных форм по-прежнему используется и в английском просторечии без особого риска быть понятым неверно. Двойное и множественное отрицание может иметь стилистический характер, маркировать просторечные и диалектные формы, а также являться выражением определенных коммуникативных и когнитивных стратегий.

В грамотной английской речи отголосок принципов синтаксического построения фразы с множественным отрицанием сохраняется в таких предложениях, как *I shouldn't wonder if it didn't rain*, которые относятся к проявлениям плеоназма. С точки зрения стилистов, такие случаи, когда *not* употребляется в придаточном предложении как бессмысленный отзвук фактического, действительного или возможного отрицания в главном предложении, гораздо менее простительны, чем некоторые другие нарушения речи.

Можно, кроме того, привести достаточно много исторических примеров, взятых из литературы предыдущих эпох. Так, широко известна имеющая библейское происхождение фраза *Nothing is secret that shall not be made manifest* и ряд других поговорок, пословиц, имеющих широкое распространение цитат, аллюзивных высказываний и пр.

Двойное отрицание тесно связано с культурно-специфическими характеристиками речи и зачастую служит их созданию, т. е. созданию характерных прежде всего для британского варианта расплывчатых смыслов, двусмысленности, эвфемизмов, сдержанной оценки, недосказанности и недоговоренности, мейосиса, иронии и сарказма.

Так, мейосис – это фигура речи, используемая для уменьшения интенсивности свойств предмета речи, каких-либо действий, состояний и т. п. Сдержанная оценка, выражаемая при помощи мейосиса, часто используется для достижения драматического эффекта и эмпазы. В повседневной речи мейосис иногда используется для создания мягкой иронии, особенно когда нечто яркое, зрелищное или впечатляющее описывается как *rather good* (неплохое) или словами похожего рода.

Мейосис – это использование недоговоренности и сдержанной оценки для того, чтобы усилить впечатление, производимое на слушателя. Этот термин часто применяют к обозначению противоположного высказывания в отрицательной форме, которое в литературоведении называется литотой. Однако на самом деле в британском варианте ан-

глийского языка прием мейосиса принимает много различных иных форм, которые можно противопоставить гиперболе. Излюбленной формой мейосиса является литота, в которой утверждение делается косвенно, через отрицание своей противоположности, например *It was no mean feat* (Это было отнюдь не посредственное достижение).

Мейосис как стилиевая черта, а в некоторых случаях и как описание стилиевой тональности, пронизывающей все произведение, часто используется для выражения положительных свойств, качеств и т. п. при помощи констатации отрицательного. Такая языковая манера может принимать различные формы: *I would not be truthful if I denied...* (Я погрешил бы против правды, если бы стал отрицать...). Самой распространенной формой мейосиса в английском является двойное отрицание типа *not un-*: *it is not unreasonable to ask...* (не будет необоснованным задать вопрос...).

Мейосис – это языковой прием, позволяющий избежать необходимости выступить напрямую с откровенным высказыванием, что временами может быть оправдано соображениями такта или доброжелательности, однако чаще всего такие высказывания обусловлены сладкоречием и боязнью высказаться прямо и откровенно. Дж. Орвелл в своем эссе 1946 г. «Политичность и английский язык» разоблачил этот «хитрый» прием за его уклончивость.

В английском языке есть структуры с двойным отрицанием, не имеющие аналогов в русском языке и поэтому представляющие трудность для русскоязычных учащихся, напр. «обратная гипербола» *didn't half swear* («даже наполовину не матерился»), т. е. матерился чудовищно, не стесняясь в выражениях). Пример такой конструкции в современной разговорной речи можно взять пример из романа Д. Лоджа «How Far Can You Go?» Между двумя героями произведения происходит диалог, содержащий следующие реплики:

"Jolly good," said Edward. "And did you remember to take the specimen?"

"Yes," said Michael. "Didn't half make me unpopular on the train, too".

«Очень хорошо, – сказал Эдвард. – А ты не забыл взять образец?»

«Нет, – сказал Майкл. – Это даже наполовину не сделало меня непопулярным среди пассажиров этого поезда» (т. е. сделало его «чудовищно» популярным среди них).

Подобные выражения представляют особый интерес для русских, изучающих английский язык. Им необходимо делать сознательное усилие при попытке понять такие конструкции, поскольку в русском языке аналогов им нет. Можно сравнить предложение такого рода с возможным русским предложением, сказанным в шутку в сходной ситуации, «Благодаря этому я стал ужасно популярен у пассажиров этого поезда». Но такое предложение будет содержать преувеличение (гиперболу) для выражения противоположного смысла, ведь Майкл в данном случае пытается сказать о том, что пассажиры старались держаться от него подальше, так как он вез дурно пахнущее вещество. Данный аналог можно также истолковать как свидетельство противоположных тенденций в английском (*understatement*) и русском (*overstatement*) языках.

Некоторые структуры английского языка, содержащие двойное отрицание, могут быть переведены на русский только утвердительными предложениями.

В докладе будут обсуждены общие для двух языков когнитивно-психологические аспекты двойного и множественного отрицания.

День и ночь в хорватской и русской фразеологии

Желька Финк

Загребский университет (Хорватия)

Фразеология, хорватский язык, русский язык, фразеологизмы с компонентом dan / день и ноć / ночь

Summary. Day And Night In Croatian And Russian Phraseology. The paper deals with the Croatian and Russian idioms containing components *dan* (день) and *ноć* (ночь).

В словарях фиксируются два основных толкования лексемы *dan* (день): первое относится к суткам, к промежутку времени в 24 часа, а второе к части суток от восхода до захода солнца. Лексема *ноć* (ночь) толкуется следующим образом: во-первых, часть суток от захода до восхода солнца, а во-вторых, темнота, мрак во время этой части суток. В двух славянских языках, хорватском и русском, обе лексемы включены во фразеологизмы в качестве компонентов, причем надо отметить, что приведенные лексические значения до определенной степени оказывают влияние на формирование фразеологического значения. Это иллюстрируется следующими фразеологизмами: (1) *dan za danom, со дня на день*; (2) *usred (u po) bijela dana, среди (среди) бела дня, при свете дня* и (1) *preko ноćи*; (2) *progutaо (pojeо) je mrak (tata, ноć) кога, што*. В части фразеологизмов, с другой стороны, компонента *dan* относится к неопределенному отрезку

времени, и таким образом она уходит за пределы основного лексического значения: *odbроjeni su dani* кому, чему, *pod stare dane, дни сочтены* кого, чего, *на закате дней*. Очень интересными являются фразеологизмы, адъективная компонента которых стоит перед компонентом *dan* (день), и именно она оказывает решающее влияние на формирование фразеологического значения: *čuvati (spremiti, оставити) za crne dane što, оставит (беречь) на (про) черный день* что. В обоих языках употребляется и несколько сравнительных фразеологизмов, причем фразеологизмы с компонентом *dan* (день) имеют обычно положительную или нейтральную коннотацию, а с компонентом *ноć* – отрицательную: *dobar kao dobar dan, jasno kao dan, ясно как <божий> день*; *glup kao ноć*. В хорватском и русском языках фиксируется и фразеологизм с обеими анализируемыми компонентами: *danju i ноćи, <i> dan i ноć, <u> день и ночь, <u> денно и ноцно*.

Дейкτικότητα русских местоимений в зеркале китайских эквивалентов

Хуан Дунцин

Хэйлуцзянский университет (Китай)

Дейксис, анафора, местоимения, кореферентность

Summary. The difference between Deixis and Anaphora is a common topic nowadays. This essay not only begins with the definition, but also gives a clear explanation on the following terms: Deixis, Deixtic, Anaphora, Anaphor and Anaphoric relation. According to the Russian and Chinese texts we may draw the conclusion that Deixis and Anaphora are the two interrelated and distinctive terms – in the indicative pronouns, Deixis is the first and Anaphora is the variation of the former.

Местоимения образуют класс слов, с обязательностью присутствующий в любом языке, и одновременно такой, единство которого часто подвергалось сомнению и оспаривалось. Семантические исследования последних лет подтверждают интуицию традиционной грамматики, которая всегда отстаивала единство класса местоимений как очевидную данность. Обращение к прагматическим подходам анализа высказывания показало, что местоимения, не являясь грамматической группировкой слов (частью речи), образуют, однако, лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении дейктических функций: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесенности высказывания с действительностью.

Прежде чем говорить о репрезентации дейктических функций местоимений в разных языках, необходимо уточнить значение общелингвистических терминов, таких как дейксис, дейктики, анафора, анафорические отношения, которые нередко упоминаются в современной лингвистической литературе как на русском, так и на английском и китайском языках и тем не менее остаются недостаточно определенными по смыслу и по сфере употребления. Как одна из главных тем современных семантических исследований, дейксис привлекал немало внимания русистов, интересую-

щихся соотнесенностью высказывания с действительностью, средствами связи текстов, ролью говорящего в языке и речи, и т. д. Отталкиваясь от функции местоименных слов (местоимения в широком смысле), приходим к следующему выводу: главным отличительным признаком местоименных слов является их дейктическая функция – анафорическая функция местоименных слов в мире говорящего представляет собой модификацию их первичной функции.

Местоимения-дейктики разделяются на следующие типы: чистые местоимения-дейктики, куда входят личные и указательные местоимения по классификации традиционной грамматики; текстовые местоимения-дейктики, которые выполняют дейктическую функцию в пределах текстов, попадая в анафорические отношения; общекатегориальные местоимения-дейктики, указывающие на общие категории языковых форм, таких как определенность, одушевленность, отрицательность, и т. д.

Местоимения – как система, обусловленная дейктичностью, – описываются наиболее интересно в сравнении с китайским языком, который имеет отличные структуру и форму. Живые примеры, взятые из русских и китайских художественных произведений, дают возможность лучше узнать особенности местоимений как общеязыковых разрядов слов.

Глаголы движения русского и верхнелужицкого языков (типологические и диахронные аспекты)

Ленка Шольце (Lenka Scholze)

Университет г. Констанц (Германия)

Глаголы движения, внутриславянское сравнение, типология, диахрония

Summary. In my paper I will present a comparison between the Verbs of Motion in Russian and in Upper Sorbian. Among others I will discuss the problem which of the two languages is nearer to the original Proto-Slavic system.

Парные глаголы движения являются морфологической и семантической особенностью славянских языков. Они исследованы и описаны наиболее подробно в русском языке.

Глаголы этой группы обладают всеми грамматическими признаками русского глагола вообще, но отличаются от последнего характером глагольного действия. Они выступают

в глагольных парах, например *лететь* – *летать*. Являясь глаголами несовершенного вида, они противопоставлены по значению однонаправленности – неоднаправленности. Однонаправленный глагол (= глагол определенного движения, *лететь*) описывает движение в одном направлении и является в русском языке маркированным глаголом корреляции. Неоднаправленный глагол (= глагол неопределенного движения, *летать*) не указывает на какое-либо направление движения и описывает все, кроме эксплицитной однонаправленности. Он не маркирован.

В данном докладе более подробно рассматривается семантическая дифференциация однонаправленных и неоднаправленных глаголов в русском языке в контексте их употребления. При рассмотрении этой проблемы принимаются во внимание критерии аспектуальной теории ИЛА Броя.

Русской системе парных глаголов движения противопоставляется верхнелужицкая система, причем рассматриваются прежде всего разговорная речь верхнелужицкого языка. В морфологическом и аспектуальном отношении есть важное различие в употреблении однонаправленного глагола, так как формы его с приставкой *po* в верхнелужицком языке не имеют в отличие от русского языка инфинитива и форм прошедшего времени, но употребляются только в настоящем времени со значением будущего (например *hić* 'идти' / *róndu* – *róndžem* 'я пойду'). Действия в прошедшем времени, которые в русском языке выражаются с помощью претеритной *по*формы совершенного вида, например в случае последовательной смены действий, в верхнелужицком языке выражаются с помощью неприставочной формы однонаправленного глагола в прошедшем времени, ср. рус. *Он пообедал и пошел домой* – в.-л. *Wón je powobjedował a domoj šol*. Между тем как в русском языке в прошедшем времени различаются форма совершенного вида *пошел* и несовершенного – *шел*, в верхнелужицком языке употребляется в обоих случаях форма *šol*. Это также касается и инфинитива (*идти* – *пойти* и, соответственно, только *hić*). Таким образом, однонаправленный глагол в верхнелужицком языке является двувиновым. В то время как *идти* и *пойти* в русском языке образуют видовую пару, между *hić* и *róndu* в лужицком языке нет никакого аспектуального отношения, но только временное, в том числе форма с приставкой *po* – форма будущего времени однонаправленных глаголов.

В употреблении и семантическом значении глаголов движения лужицкий язык очень отличается от русского, например при однократном движении туда и обратно. В русском языке требуется в данном случае неоднаправленный глагол, в лужицком однонаправленный, ср.: рус. *Вчера я ходил в театр* (= *Вчера я был в театре*) и в.-л. *Wčera sym ja do dźiwadla šol* (*chodzil). При однократном движении в лужицком языке нет разницы между «однонаправленным», «двунаправленным» движением или «экспериментальным» значением, как в русском языке, поскольку во всех трех случаях употребляется однонаправленный глагол. На основе его многофункциональности однонаправленный глагол в верхнелужицком разговорном языке является немаркированным глаголом корреляции, а неоднаправленный, соот-

ветственно, маркированным глаголом. В целом, исследование употребления парных глаголов движения в настоящем и прошедшем времени в этих двух языках показывает, что в русском языке оппозиция «однократность / многократность» не имеет значения для выбора глагола движения, но вопрос направленности движения остается решающим критерием. В верхнелужицком языке именно однократность и многократность движения играют главную роль при выборе глагола.

При сравнении видовой системы в верхнелужицкой разговорной речи, которая не соответствует оппозиции перфективности в русском языке, а основывается на грамматикализации оппозиции терминативности (совершенный вид = терминативный, несовершенный вид = атерминативный), можно констатировать широкую согласованность употребления оппозиции определенности (направленности) глаголов движения с оппозицией терминативности у остальных глаголов, вследствие чего можно сделать вывод, что обе оппозиции существуют на равных. Это значит, что однонаправленные глаголы причисляются совершенному виду (= терминативный), неоднаправленные несовершенному виду (= атерминативный).

Подводя итоги, можно сказать, что в русском языке оба глагола принадлежат к несовершенному виду и соотносятся друг другу в оппозиции «однонаправленности» («Unidirektionalität»), в то время как в лужицком языке они распределяются по двум граммемам категории вида и выражают как вид оппозицию «грамматической» терминативности. В этом докладе также ставится вопрос, какой из двух языков, русский или верхнелужицкий, обладает более древней системой, т. е. ближе к системе праславянского языка.

До сегодняшнего дня обсуждается в научном мире связь между определенностью (направленностью) и видом. Так Маслов ([Maslov 1959]) критикует мнение Regnélla ([Regnélla 1944]), утверждавшего, что видовая оппозиция непосредственно происходит из оппозиции направленности. Скорее два морфологических типа славянских видовых пар произошли из двух совершенно различных корреляций: имперфективизация из корреляции определенности и перфективизация с помощью приставок из корреляции терминативности (ср. подробнее [Maslov 1959]).

Относительно верхнелужицкого языка Toops ([Toops 1992]) подчеркивает взаимосвязь однонаправленных глаголов движения с совершенным видом, причем он исходит от двуаспектуальности однонаправленных глаголов. Опираясь на Breua ([Breua 2000]), Toops ([Toops 2001]) делает вывод, что видовая оппозиция соответствует оппозиции определенности. Следовательно, он называет граммемы видовой оппозиции «определенной» («determiniert») и «неопределенной» («indeterminiert») граммемами.

В противовес изложенному в данной работе мнению, Toops видит причину приспособления обеих категорий в развитии видовой оппозиции в направлении оппозиции определенности. Это, однако, предполагало бы, что не русский язык с признаком «однонаправленности» представляет собой первоначальное употребление глаголов движения, а лужицкий язык (а также чешский и словацкий).

Особенности слуховой перцепции просодической компоненты звучащей речи носителями русского и немецкого языков

Э. Б. Яковлева

Самарский государственный университет

Слуховая перцепция, просодический коннектор, рекуррентный комплекс

Summary. This paper describes the experimental research of prosodic features of an authentic spoken polylogue. To determine a role of prosodic characteristics (melody, dynamics, tempo and accent prominence) by perception of polylogic utterances audio-perceptive experiment was carried out. It enabled to find out and evaluate features that influence prosodic picture of polylogic discourse components. Participants of the experiment were native (Russian and German) speakers.

Определение слуховой перцепции как многоуровневой, иерархической структуры предполагает сложный аналитико-синтетический путь обработки входного сигнала по разным параметрам: акустическим, семантико-синтаксическим, смысловым. Просодическая компонента играет в этом процессе отнюдь не последнюю роль. Просодия является тем решающим «штрихом» в раскрытии смысла воспринимаемого, который, интегрируя субтемы, подтемы в единую

макротему, заставляет другие уровни языка «играть красками», создавая единый дискурсивный «рисунок».

С целью изучения специфики восприятия звучащего дискурса носителями разных культур и выявления роли просодии в декодировании смысла воспринимаемого был проведен аудитивный эксперимент на материале спонтанного звучащего диалога с участием носителей русского и немецкого языков.

В качестве основной гипотезы выдвигалось положение о том, что просодическая составляющая звучащего полилога выполняет роль коннектора, выражая логико-семантические отношения между рекуррентными комплексами (РК) в полилогическом единстве (ПЕ). Корреляция просодических средств обеспечивает тематическую связность ПЕ и способствует адекватному декодированию смысла звучащего многостороннего дискурса. Просодическая коннекция способствует таким образом оптимизации восприятия.

Роль РК в данном исследовании выполняли маргинальные фрагменты стыковых реплик, обеспечивающие архитектуру ПЕ: конечные ритмические структуры (РС) стимулирующих и начальные РС реагирующих реплик полилога.

Основной целью **аудитивного анализа** являлось: 1) определение степени предпочтительности характеристик определенного просодического параметра, оформляющего РК, реципиентом; 2) определение оптимизирующей роли просодических средств в смысловой рецепции звучащего спонтанного полилогического дискурса единичным и множественным адресатом с учетом двух видов обращенности в полилоге: аксиальной и ретигальной.

В данном виде анализа приняли участие 3 группы аудиторов. Первую группу аудиторов составили эксперты фонетисты-германисты, носители русского языка ($n = 5$). Во вторую группу вошли русские студенты-германисты ($n = 20$), изучающие немецкий язык в качестве основного (1-го иностранного языка). Третья группа аудиторов состояла из носителей немецкого языка ($n = 5$). Степень подготовленности информантов для участия в эксперименте определялась по шкале: 1) фонетисты-германисты – высокая; 2) студенты-германисты – средняя; 3) носители немецкого языка – нулевая.

Результаты **аудитивного анализа** экспериментального материала позволили сделать следующие **выводы**.

1. При выборе характеристик **мелодического** параметра, оформляющего маргинальные фрагменты реплик, наибольшее количество предпочтений в оценках аудиторов – *носителей русского языка* отдано *ровному* (начальные РС) и *нисходящему* (конечные РС) движению тона. В группе *носителей немецкого языка* предпочтения в оценках отданы *нисходящему* (начальные РС) движению тона и почти равному соотношению всех характеристик параметра «Мелодика» (конечные РС).

Приоритетность в выборе данных характеристик мелодического параметра в группах аудиторов – носителей русского языка соответствует, с нашей точки зрения, дидактическим образцам интонационного оформления начала и конца реплики, уподобляемой СФЕ, представляющему собой относительно законченный в смысловом и коммуникативном отношении отрезок текста. В данном случае носители русского языка опирались не столько на свои слуховые впечатления, сколько слышали так, как должно быть в соответствии с фонетической нормой оформления абзаца книжно-

письменного текста. Оценки носителей немецкого языка образцов спонтанной речи, часто не подтверждающей фонетические каноны кодифицированной письменной речи, более естественны, поскольку по роду занятий они не являлись идентичными двум первым группам и впервые принимали участие в фонетическом эксперименте.

2. Результаты анализа *паузального* оформления маргинальных фрагментов реплик в полилогических единствах (ПЕ) свидетельствуют о том, что в полилоге количественное преимущество имеют *короткие* и *средние* синтаксические паузы и *гезитационные* периоды (ХП) (по данным всех групп аудиторов). Данная особенность темпоральной организации спонтанного полилога объясняется проявлением *квантитативного* фактора. Большее количество участников полилога в отличие от диалога способствует более быстрому «перехвату» инициативы говорения в паузальных промежутках, вследствие чего длительность этих промежутков значительно сокращается. Наступающие паузы «подталкивают» молчащих собеседников к вступлению в беседу. Полилог как продукт многосторонней речевой деятельности «вынуждает» коммуникантов так строить свои высказывания, чтобы вложить туда как можно больше информации. В исследованных ПЕ основная часть времени расходуется ведущим или разработчиком(-ками) темы ($\approx 70-75\%$), остальная часть времени приходится на остальных участников, которые и стремятся использовать возникающие перемены для начала коммуникации.

3. При сравнении результатов аудиторских оценок *темповых* характеристик РК следует констатировать факт предпочтительности *средних* значений темпового параметра в группах аудиторов – *носителей русского языка*. Быстрый и очень быстрый темп отмечены ими в качестве *вторичных* характеристик. В группе аудиторов – *носителей немецкого языка* отмечается тенденция к предпочтению *быстрого темпа* в качестве основной временной характеристики РК.

4. Оценки *динамического* параметра в оформлении РК совпадают в 3-х группах. В качестве основной характеристики этого параметра отмечен *средний* уровень. Данная характеристика уровня интенсивности, оформляющая РК, является определяющей в перцептивно-мыслительной деятельности носителей немецкого и русского языков.

Выявленные расхождения и сходства в восприятии просодического оформления ПЕ в группах аудиторов – носителей русского и немецкого языков следует рассматривать как обусловленные национально-культурной интерференцией на уровне фиксированной стереотипной специфики слуховой перцепции носителей разных языков. С нашей точки зрения, тенденцию к предпочтительности разных значений просодических параметров носителями русского и немецкого языков можно объяснить особенностями их перцептивно-мыслительной мнемической деятельности.